

Алина Яловени

Тревожные сны

Роман посвящается моим родителям, верившим в успех произведения, еще даже не прочитав его, помогавшим на всех этапах создания морально, вдохновлявшим, предлагавшим оригинальные и несколько безумные идеи... И просто людям с отличным чувством юмора и гениальным воспитательным талантом.

Моя большая признательность и благодарность редактору сего творения Валерии Харитоновой. Человек с большим чувством альтруизма, внимательный и красноречивый читатель. Спасибо за помощь и поддержку при создании работы!

«Здравствуй, Алиса»

Тысяча восемьсот шестьдесят пятый год. Петербургская осень... Сумрачный вечер в Северной Венеции может вызвать разные чувства. Печаль, задумчивость. Тревогу...

Вечером сыро. Прохладно. Как стремительно переменилась погода...

Карета, запряженная четырьмя гнедыми, медленно ехала по мостовой. В сгущающихся сумерках она не привлекала к себе особого внимания, только стук копыт лошадей говорил о присутствии припозднившегося путника.

Поздно... Слишком поздно. Она никогда не возвращалась домой в такое время. Дама, сидевшая в карете, нервным движением поправила скрывавшую лицо вуаль. Черная ласточка, оказавшаяся взаперти. Она чувствовала себя птицей, посаженной в клетку. Почему же это так сложно? Так неправильно...

Еще час назад забывала обо всем, отдаваясь бесконечному счастью. Не существовало ничего. Ни ее самой, ни людей вокруг, ни опостылевшего дома... Но счастье мимолетно. За краткий миг блаженства приходилось платить бесконечной тревогой и страхом.

Оставалось лишь надеяться, что она не забыла ничего второпях. Последние несколько слов... Самых страстных. Самых нужных.

— Когда мы сможем увидеться?

Она боялась, что сил уйти, оставить его ей просто не хватит..

— Я извещу тебя письмом.

Ноющее чувство внутри. Следующего раза может и не быть. Ей тяжело давались прощания...

Черные тучи застилали небо. Тьма неумолимо сгущалась. Становилось все холоднее... Алиса поежилась, обхватив себя руками, пытаясь хоть немного согреться. Ее бил мелкая дрожь. То ли от страха, то ли от холода... Удары копыт о мостовую отдавались в голове гулом, вторя ударам сердца в груди. Ей казалось, что она спит и видит сон, порожденный больным сознанием, когда человек пытается проснуться, но не может; когда страх сковывает движения, липким комом застревает в горле, мешая сделать вдох; когда хочется кричать, а вместо этого беспомощно лежишь, смотря в глаза своему кошмару.

В перчатках жарко... Черная бархотка больно врезается в кожу. Затрудняет дыхание. Неуютно... Быть может, она бы предпочла скорее уже узнать свой приговор. И успокоиться. Нельзя волноваться до такой степени. До тошноты, до головокружения... Сложно даже сидеть на месте, покорно ожидая, пока ее везли туда, куда предпочла бы не возвращаться. Что за ирония!

Тепло объятий, его родные руки... Неприлично, безумно... Она не смогла не ответить, когда уже на улице Тилинг поймал ее за руку, разворачивая к себе, смотря в удивленные, таящие скрытую надежду, просьбу глаза... Целуя сильно, беря ее голову в свои руки. Не важно, что увидят... Сбившаяся маленькая шляпка, едва не упавшая

на землю. Выбившиеся из прически пряди. Отвечала отчаянно... Алиса до сих пор чувствовала, как горели ее губы.

Паника... Что ждет ее по возвращении? Если ей все же не повезет? Женщина поежилась. Недолгий разговор, который она выслушает с милой непонимающей улыбкой. Подождать, пока все кончится, кивая, соглашаясь... В конце концов он оставит ее в покое. Так было всегда. Нужно всего лишь пережить, переждать это...

От страха заболел живот... Но ведь судьба будет благосклонна к ней. Он довольно часто задерживался в министерстве, так, быть может, и сегодня... Как глупо, как опрометчиво было забыть о времени! Но ведь тот, кто счастлив, не наблюдает часов.

«Боже, — прошептала Алиса, — помоги мне!» Должен же помочь... Пальцы женщины теребили оборку платья. Она напряженно всматривалась в мелькавшие за окном пейзажи, силясь определить, сколько еще осталось. Алиса снова представила, как заходит в дом и встречает на пороге мужа. По спине побежали мурашки. Нет, она не думала, что Сергей Владимирович поймет все, не думала, что ей что-либо угрожает. Но почему тогда она готова провалиться сквозь землю, лишь бы не встречаться взглядом с его пронизательными серыми глазами?

Через полчаса карета остановилась у дома, обнесенного невысоким забором. Извозчик, чертыхнувшись, прыгнул с козел.

— Быстро, однако, теперь темнеет, — пробурчал себе под нос... Затем, помедлив, открыл дверцу кареты. Пассажирка аккуратно спустила на землю ножку, обутую в изящный сапожок. Вуаль закрывала ее лицо полностью, так что ни днем, ни тем более в сумерках рассмотреть ее не представлялось возможным. Алиса протянула мужчине руку, облаченную в черную перчатку, и изящным движением положила в благоговейно протянутую ладонь золотой. Лицо извозчика просияло. Бормоча слова благодарности, он попятился, затем ловко вскочил на козлы и покатил вперед по мостовой. Дама осталась одна в сгущающейся тьме. Она долго не решалась идти, видимо, обдумывая что-то. Но затем, приняв решение, двинулась по направлению к особняку. «Только бы его не было дома, — крутилось у нее в голове, — только бы его не было дома!»

Дойдя до порога, Алиса потянула на себя резную ручку. Дверь поддалась на удивление легко, без привычного скрипа. В прихожей царил полумрак. Женщина быстро скинула пальто, стянула перчатки и, ободренная, уже хотела было быстрее подняться наверх, как услышала у себя за спиной вкрадчивый голос:

— Здравствуй, Алиса.

Нежданная встреча

Алиса обернулась. Ладони похолодели, в горле резко пересохло, сердце пропустило удар. «Он вернулся...» Возле лестницы, облокотившись о перила, стоял Сергей Владимирович Осоргин и спокойно смотрел на растерявшуюся жену. Проседь

в темных волосах в тусклом свете свечей была почти незаметна. Расслабленная поза, сложенные на груди руки...

Впрочем, Алиса постаралась быстрее скрыть свое смятение и приветливо улыбнулась, что далось ей с трудом. Было несложно догадаться, что супруг своим присутствием нарушил ее планы.

— Здравствуйте, Сергей Владимирович, — ее собственный голос ей показался совсем чужим.

— Вы сегодня поздно, — продолжил он, не отводя от жены взгляда. — Могу я поинтересоваться, где провела весь день моя супруга?

У женщины внутри все сжалось. Да, она ждала этого вопроса, готовилась к нему... но его слова прозвучали подобно грому среди ясного неба.

— Навещала княгиню Жюльен. Она жаловалась на жуткую скуку... Я надеялась, что мое общество сможет развлечь ее, — произнесла, стараясь сохранить непринужденный вид.

— Что ж, это чудно. Но не думаю, что княгиня была бы расстроена, если бы вам не пришлось возвращаться домой в потемках: это небезопасно, — он немного помедлил и добавил, понизив голос, не отводя от нее пронизательного взгляда, — И неосмотрительно.

Алиса подняла голову. В полумраке прихожей особо выделялось ее бледное лицо. Пальцами одной руки она сжимала кисть другой, растирая ее рассеянными движениями. Видно было, что она изрядно волнуется, хоть и пытается скрыть это.

— Я совершенно забылась. Простите, если заставила вас тревожиться... — она все-таки отвела глаза, не выдержав его испытующего взгляда. — Что ж, я, наверное, поднимусь наверх. Как там Федя? Он, кажется, неважно себя чувствовал с утра. Мне нужно его увидеть!

С этими словами она поспешила удалиться, обойдя мужа и постаравшись сохранить как можно более непринужденный вид.

Осоргин лишь вскинул бровь, провожая жену взглядом.

— Иди, Алиса. Иди...

И еще один день

Тихий звон посуды, расставляемой на подносе. Темный чай, осторожно наливаемый в фарфоровую чашку.

— Благодарю, — машинально, несколько рассеянно. Полноватая женщина в черном платье и переднике от столь обычной дани вежливости совершенно разомлела.

«Какой голос...»

Покосилась на сидящую с другой стороны стола хозяйку. Нехотя, без аппетита Алиса ворошила вилкой лежавший на тарелке омлет. В последнее время есть ей совершенно не хотелось. Похудела едва заметно. Осунулась...

«Вечно ей все да не так! Ничем не угодишь!»

Белая чашка с темными разводами внутри. Размеренный стук ложки о ее стенки... Алиса смотрела, как кружатся черные чайники на дне, следуя за движением прибора. Еще одно утро.

Сергей Владимирович сидел напротив, погруженный в чтение газеты. Какой интерес мог он находить в новостях политики? Вопрос, конечно, глупый, если твой муж чиновник. Она никогда этого не понимала...

Серая блестящая муха, проползшая по скатерти с намерением забраться на сахарницу. Марфуша подняла руку, намереваясь обеспечить насекомому вечный покой. Взмах омерзительных маленьких крылышек, и нежеланный гость чудом избежал неминуемой гибели. Недовольство, сожаление...

«Никакого от них житья», — служанка разочарованно опустила занесенную было ладонь.

Салфетка упала со скатерти на колени Алисы. Подняла невнимательно, кладя на место.

Шелест переворачиваемой страницы... Негромким заинтересованным голосом:

— На Западе участились расправы членов организации Куклус-Клан над мирным населением...

Отвлечшись от созерцания кругов на мутных остатках чая:

— Почему Куклус-Клан? — она прослушала половину. Возможно, слово показалось Алисе необычным...

— Что вы имеете в виду? — Осоргин оторвался от газеты.

— Почему она называется подобным образом? Эта организация...

Сергей Владимирович чуть отклонил голову назад, не замечая трепетный взгляд служанки.

— Кажется, они позаимствовали свое название от некоего студенческого ордена, с коим у них схожи обряды инициации. Не могу быть уверен... Достаточно новое явление, хотя и вполне ожидаемое.

— Неужели... — молодая женщина медленно сложила салфетку пополам.

— К слову, завтра я отправляюсь в Москву. Пока не забыл сообщить тебе.

Повернув голову, Марфа теперь с большим вниманием смотрела на хозяйку. Секунда... Алиса замерла. Оставила в покое салфетку. Напряжение...

— Уезжаете? Завтра? Но, кажется, мы собирались в театр...

Осоргин, не отрываясь от чтения, нахмурился едва заметно.

— На следующей неделе в таком случае. Мне сообщили совсем недавно. У министра, к несчастью, нет возможности приехать в Петербург.

— Что же... А если у вас возникнет необходимость снова уехать?

— Значит, еще через неделю, — спокойно, не обращая внимания на ее иронию.

Пальцы, скользнувшие по столовому прибору. Слишком уж нетерпеливо...

Марфа сделала вид совершенного безразличия. Волнение Алисы Романовны от слов мужа не осталось незамеченным ею...

Через несколько минут Алиса сложила приборы на фарфоровой поверхности тарелки и, поднявшись, собралась было уйти... Неровный шаг. Неожиданно опрокинутая солонка. Звон. Рассыпавшиеся по столу белые крупинки соли... Марфа, до сего момента забиравшая со стола поднос, быстро поставила его на место и

бросилась к хозяйке. Убрать несложно. Предварительно начертив на соляной горке крестик... Алиса застыла на месте. Ничего ведь не случилось... Надо просто идти...

Украдкой взглянула на мужа. Встретилась с ним взглядом... Осоргин молча наблюдал за произошедшим. Тень в глазах... Когда Алиса, извинившись, прошла мимо него, он не повернул к ней головы. Держа раскрытую газету в руках, задумчиво смотря перед собой...

— Плохая примета, барин, — Марфа старательно убирала со стола остатки соли.
— Дурная... К score, люди говорят. Нехорошо.

Сергей Владимирович скользнул взглядом по лежавшим на столе осколкам. Думая о чем-то своем...

— Определенно.

Письмо

«Мой дорогой Борис.

Пишу к тебе в полном смятении. Душа моя стремится к тебе, в то время как я вынуждена быть вдали от тебя. Жизнь моя проходит в счете минут до нашей встречи. О, как невыносимо страдаю я, не видя твоих глаз, не слыша твоего голоса! Родной дом совершенно не мил мне, если тебя нет рядом. Время, проведенное здесь, кажется мне вечностью. Безжалостной, неумолимой... За те редкие мгновения, проведенные вместе, я готова отдать годы своей жизни. Возможно, ты сочтешь, что я повредила рассудком, раз пишу тебе такое. Да, наверное, оно так и есть, если я и дня прожить не могу, чтобы не вспомнить о тебе, мой дорогой друг...

Знаешь, я изменилась совершенно. Теперь всего боюсь: каждый косой взгляд, каждую усмешку или слово беру на свой счет. Мне кажется, будто все знают о нашей связи. Боже, как мне страшно! Мне кажется, что и муж мой теперь знает о нас. Боюсь и подумать, что будет, если все откроется. Но мнение общества не имеет для меня значения, пока я знаю, что любима тобой, пока моя душа трепещет при мысли о том, что смогу увидеть тебя. Ничто в целом свете не сможет заставить меня разлюбить; ты знаешь, что пока мое сердце бьется, оно будет биться для тебя.

Завтра муж уезжает в Москву по каким-то срочным делам. Не знаю, что за нужда ему покидать Петербург, но в этом наше благословение. Препятствий для наших свиданий не будет более. Если Ваша душа, подобно моей, горит в ожидании встречи, то Бог дает нам, грешникам, шанс. Это дозволенное небом счастье — словно вздох, пусть он и будет недолгим.

Молю Бога, чтобы он не оставил нас в эту минуту. Он свидетель нашей любви, и я верю в его безграничную милость. Надеюсь в скорости увидеть тебя, Борис. Прощаюсь с тобой, бесконечно любя.

Твоя Алиса»

Пробежав взглядом последние строки, Сергей Владимирович поднял глаза на жену. Она сидела, мертвенно бледная, у окна, смотря в пустоту. Ее била дрожь. Она не смела взглянуть на мужа, стоявшего перед ней и державшего письмо, написанное ее

рукой. В комнате повисла мертвая тишина, не нарушаемая даже тиканьем настенных часов, стрелки которых показывали полночь, внезапно остановив свой ход.

В одну секунду все страхи сбылись. И хотелось бы закричать, вскочить с места и бежать, бежать... Или же, чтобы все оказалось дурным сном, после которого человек просыпается в холодном поту, но все же через минуту осознает, что то была лишь злая шутка разыгравшегося воображения. Потерять сознание... Но спасительный обморок, как на зло, не приходил к ней в эту минуту. Во всей своей полноте она теперь ощущала, как дверца ловушки, в которую она сама загнала себя, захлопывается. Пути назад не было. Осоргин все знал.

Несколько деликатных вопросов

За окном сгущались тучи. Казалось, небо готово было разразиться плачем, но в пронизывающей тишине ни одна дождевая капля не упала в дорожную пыль. Занимался ветер, сначала лишь тревожа тронутые цветом листья. Теперь уже верхушки деревьев шелестели под его напором. Горожане закрывали окна, предчувствуя надвигающуюся бурю. Улица опустела. Раскаты грома, раздавшиеся где-то в черных клубах туч....

Потрясение. Даже теперь это было бы наиболее подходящим определением. Сперва все переносится легче. Больно станет потом...

Напряженный лоб. Скорбно сжатые губы. Взгляд в упор. Пронзительно... Так смотрят на человека, ставшего предметом огромных вложений и растратившего все до копейки. Только вот блеск глаз... Блеск, который Алиса бы никогда не смогла увидеть прежде. Не яростный. Не решительный. Словно от сильного удара... Слишком много, чтобы назвать укором. Слишком мало, чтобы назвать слабостью. Столько чувств, что никогда не рассмотришь за постоянной сдержанностью. И только один вопрос.

«Зачем так...»

— Что ж... Попробуйте каким-нибудь образом это объяснить — в голосе Осоргина слышались такие нотки, что Алиса невольно подняла голову. И застыла. Потому что на нее смотрел не ее муж, с которым она провела пять лет своей насыщенной событиями жизни, а совершенно другой человек. Далеким, чужой... В лице Сергея Владимировича не было ничего, в чем женщина могла бы найти поддержку. Ни жалости, ни сострадания. Ни даже насмешки. Он был холоден и чужд.

— Кажется, я попросил вас объясниться, — его голос понизился, а пальцы сжали бумагу так, что она мгновенно потеряла свой красивый гладкий вид и теперь сгодилась бы разве что промокашкой.

Алиса молчала. Слова комом застыли у нее в горле. Если бы она обратила свое внимание на мужа несколькими минутами раньше, то обнаружила бы, что этот человек состоит вовсе не из железа или камня, как могло бы показаться на первый взгляд. Сергей Владимирович, как ни властен был над своими чувствами, все же не смог скрыть растерянности. Обман и предательство... Предательство не бездумное,

не внезапное. Продуманное, решительное. Повторяющееся раз за разом... То, что может выбить из колеи любого. Если и есть исключения, то этим людям можно только позавидовать.

Почему? Когда это началось? Кто виноват в этом? Чем терзать себя, лучше задать эти вопросы тому, над кем будет вершиться правосудие.

— Вы молчите, сударыня? — он продолжил сжимать бумагу в ладони, — Быть может, я ошибся? Быть может, это всего лишь... досадное недоразумение?

Алиса безмолвно воззрившись на мужчину. Она была бледна и являла собой жалкое зрелище, только не было рядом ни одной души, способной проникнуться к ней состраданием в этот момент. Несколько секунд молчания... Что могла она ответить на это столь нежданное, заставшее ее врасплох обвинение? Ее карты были раскрыты, и теперь приходилось играть с тем, что было на руках, или сдаться на милость победителя.

Выпрямилась, постаравшись отогнать от себя внезапно охвативший ее трепет, посмотрела Сергею Владимировичу прямо в глаза и тихо, стараясь придать дрогнувшему голосу твердость, произнесла:

— В этом нет ошибки. Против вашего слова мне нечего возразить. Можете радоваться: вы уличили меня во лжи, и эту ложь я готова признать. Каких оправданий вы от меня ждете? Письмо в вашем распоряжении, доказательства моей вины подписаны моей же рукой.

Горькая усмешка. Первые капли дождя попали на оконное стекло. Медленно стекая вниз, они превращались в грязноватые лужицы, разливавшиеся по подоконнику. Алиса закрыла лицо руками.

— Алиса, — Сергей Владимирович прикрыл глаза, чуть наклонил голову и потер переносицу, — возможно, я совершил большую ошибку. Но все же не могу понять: какой повод дал я твоему поступку?

Негромко и обманчиво мягко... Могло показаться, что все кончится несколькими фразами. Все обойдется... Если бы только знать, что эта чрезмерная мягкость — всего лишь способ успокоить себя, сохранить самообладание, у нее было бы гораздо больше причин для паники...

Женщина отняла ладони от лица и посмотрела на мужа прямо.

— Вы спрашиваете у меня повод? Что ж... Раз вы считаете, что у истинного чувства должны быть причины, извольте, — ее глаза загорелись неожиданным блеском, а слова, произносимые ею, зазвучали громче — Наш брак, если мне не изменяет память, длится уже пять долгих лет. Пять лет, как я ваша жена, а вы мой муж. Счастливый брак. Такой, о каком мечтают многие матери для своих подросших дочерей. Что такое личное счастье в сравнении с положением в обществе? Блажь... Мечты юных невест. Брак может сделать из молоденькой дурочки почтенную даму. Может научить улыбаться тем, от одного вида которых становится дурно, с интересом говорить о вещах, нагоняющих смертную тоску, и играть роль примерной супруги. Но он не может заставить отказаться от желаний и попыток найти то, о чем мечтала в прошлом маленькая девочка, а теперь уважаемая леди, — она в волнении потерла ладонями виски, отвернувшись от Сергея Владимировича, и добавила уже тише:

— А я устала, устала от этого...

— Устали? — в словах Осоргина звучала неприкрытая ирония. — Действительно, ваш труд, наверное, непомерно утомляет. Я не хочу вдаваться в подробности и вести спор. Но меня искренне удивляет убежденность некоторых людей в их особенностях и непогрешимости. Хотя они, возможно, счастливейшие из всех живущих на земле, потому что им не приходится задумываться о том, что тревожит других и что они чувствуют. Когда я строил планы по организации своей службы, воспитанию нашего сына, а также поддержанию положения в обществе, то наивно полагал, что моя забота о благе семьи все-таки имеет хоть какое-то значение. И видимо, вся та деятельность, на которую потрачено было столько времени, не нашла понимания у людей, для поддержания достойной жизни которых велась. Но на усталость я не жалуясь. Потому что служебные обязанности и дела семьи, вероятно, не намного утомительнее, чем роль примерной супруги.

Алиса развернулась лицом к мужу. Щеки ее пылали, а в глазах сохранился все тот же нездоровый блеск.

— Как вы правы. И мне должно быть стыдно за мои слова. Ведь вы столько времени посвящаете заботе о нас, что даже не появляетесь дома. Иногда мне на ум приходит сравнение с той жизнью, когда я еще была Алисой Подольской. Знаете, разница незначительна. За исключением того, что теперь я знаю цену браку. Но все же удивительно, что вы наконец решили поинтересоваться мнением своей жены. Кажется, такое участие раньше вам было несвойственно. Думать лишь о своем положении — вот то единственное, что волнует вас! Ничего более. Не нужно называть это заботой.

Он не услышит оправданий и извинений. Она сказала то, что хотела.

Сделать больше. Уколоть. Она всего лишь дала ответ на вопрос. Не обращая внимания и на то, как изменилось выражение лица мужчины. Холодок... Каждое слово — лишь очередной ржавый гвоздь, забиваемый в крышку ее гроба. И когда он окажется в любезно вырытой ею яме — вопрос нескольких слов. Он сказал объясниться. Но объяснений было не нужно.

— Сударыня, — несмотря на гневную речь супруги, Осоргин остался на удивление спокойным, — да будет вам известно, что, к сожалению, человек вместе с жизнью не наделяется безграничными средствами для своего безбедного существования. Ему дается лишь возможность для приобретения этих средств. Остальная же забота целиком ложится на наши плечи. Поэтому ваши заявления о том, что моя служба не должна иметь первостепенного значения, лишены оснований. Кажется, все это время повода жаловаться на материальное положение я вам не давал.

— А вы спросили, нужно ли мне это? — она приблизилась к нему на шаг.

— Могу предположить, что да, если даже ваш любовник адъютант, а не конюх.

Краска, прилившая к ее щекам. Она задохнулась от подобной наглости. Не удивилась даже тому, каким образом ему стала известна личность того, о ком шла речь в ее письме.

— Я всегда была виновата перед вами! Как легко каждый раз указывать на это... Кто дал вам право решать мою судьбу? — казалось, она готова была в любой момент сорваться на безрассудный, бессмысленный крик. Не пытаясь уже подбирать слова...

— К сожалению, существующая между нами связь создает необходимость в определенном роде образе действий, и указывать на то, что в вашем поведении является недостойным и недопустимым — моя неотъемлемая обязанность, — казалось, его терпение готово было иссякнуть в любую минуту. — А прав на вас у меня больше, чем у кого бы то ни было.

Ужас, овладевший ею в эту секунду от его холодных слов...

— Какой смысл состоит в вашей роли в таком случае, если все, что вы считаете нужным делать — это вести праздный образ жизни? Вы не можете предложить ничего другого, отличающегося от того, что могу предложить вам я. О природе своих чувств, «высоком» и «прекрасном» любят думать те, кто имеет возможность смотреть в потолок, рассуждая о своей роли в жизни. У меня такой возможности нет. И вас я бы не счел нужным упрекать ни в этой странной склонности, ни в бездействии, ни в совершенно с вашей стороны естественном обыкновении ни в чем не испытывать нужды, всего лишь сменив дом родителей на дом супруга. Многие считают это для себя приемлемым и крайне удобным.

— Я не понимаю... Не понимаю, зачем это... — устало и нетерпеливо.

Она очень плохо изображала дуру.

— Вы от меня зависите. Это вас не смущает? — Сергей Владимирович отбросил смятую бумагу в сторону. — Быть может, у вас не достаёт совести считать сложившееся положение недопустимым и оскорбительным, но в чем в таком случае состоит различие между вами и дамой полусвета? — смотря в ее широко раскрытые глаза. Повторяя ее же слова:

— «Разница незначительна»? Зачем же, если вам не хватает впечатлений, в таком случае обходиться одним любовником? Заведите еще кого-нибудь. Так ведь, наверное, даже интереснее...

Она вспыхнула. Осоргин не успел осознать, что произошло, когда рука жены оказалась в опасной близости от его лица, а он машинально перехватил ее запястье, сжав его несильно, но достаточно крепко для того, чтобы ладонь его супруги остановила свое движение. Такой реакции от него Алиса не ожидала и теперь смотрела в его глаза с удивлением. Она часто дышала, и ее грудь красиво вздымалась в достаточно откровенном декольте.

— Вы забываетесь, — угрожающе произнес Осоргин полупшепотом.

— Не вам судить меня! — Алиса сделала попытку отстраниться, но он крепче сжал ее запястье. — Я буду поступать только так, как сама сочту для себя нужным. Вы можете превратить мою жизнь в ее жалкое подобие, но вы не заставите меня отказаться от любви. Это то, что не сможете отнять ни вы, ни кто-либо еще. Пустите меня! — она дернулась, но, поняв безрезультатность своих действий, неожиданно прекратила попытки освободить руку и, смотря Сергею Владимировичу прямо в глаза, сказала дрожащим от гнева голосом: — Хотя вы, наверное, понятия не имеете, о чем я говорю. Вам это чувство незнакомо...

Существуют различные способы прийти к взаимному согласию

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. И тут Алиса поняла, что последние слова, сказанные в запале, были лишними. Пржнее хладнокровие оставило Сергея Владимировича. Алиса переступила черту. Наверное, новость об измене жены и ее дальнейшие обвинения ожидаемо могут вызвать ответную реакцию в виде гнева, ярости или желания наказать человека, осмелившегося на подобное. Но именно последние слова нарушили хрупкое равновесие, державшееся между супругами. Ее несдержанность... Алиса почувствовала, как прежняя уверенность начала стремительно таять под взглядом мужа, не предвещавшим для нее ничего хорошего. Чувство окрыленности от собственной смелости уступило место нарастающему страху, и играющие в глазах Осоргина огоньки только усиливали его.

Она начала вырываться. Своей хрупкой ладонью уперлась в его грудь, пытаясь оттолкнуть. Неожиданно муж одной рукой обнял ее за талию, другой притягивая ближе к себе. Алиса задохнулась и приоткрыла рот, намереваясь выразить протест. Взгляд Сергея Владимировича скользнул снизу вверх до ее губ, словно бы вбирая ее всю. Когда он снова посмотрел ей в глаза, у Алисы перехватило дыхание. Жарко... Забывая на секунду о том, из-за чего все произошло... Прекращая попытки вырваться.

Сергей Владимирович, воспользовавшись моментом, толкнул ее так, что Алиса, сделав несколько шагов назад и встретив препятствие в виде резного бортика кровати, потеряла равновесие и упала на простыню. Он навис над ней, и женщина почувствовала, как сбивается ее собственное дыхание. Она все еще пребывала в каком-то странном состоянии, вызванном неожиданностью происходящего. Впервые, быть может, сказав столь много, безоглядно и резко, она испугалась. Алиса смотрела на все как будто бы со стороны и не могла ничего предпринять для своего освобождения. Даже когда ее нетерпеливо и твердо подтащили к середине кровати. Взгляд Осоргина будто гипнотизировал, подчиняя ее хрупкое сознание своей воле. И оставалось только лежать и чувствовать, как его руки расправляются с завязками на ее платье, нервно развязывая их, а те, что не поддавались, разрывая несколькими сильными движениями.

Но странное оцепенение спало, когда Сергей Владимирович, расправившись с шелковыми шнурками корсета, потянул его вниз за край выреза на ее груди. Алиса вскрикнула и, не помня себя, попыталась вывернуться из-под мужчины. Резким движением она перевернулась на живот и, прикладывая все возможные усилия, постаралась отползти в сторону, путаясь в ворохе нижних юбок, хватаясь за простыню и превращая аккуратное убранство постели в полнейшее безобразие. Но поняла всю бесполезность своих действий, когда рука мужа неожиданно с силой придавила ее к кровати. Женщина уткнулась лицом в почему-то пахнущую древесной стружкой ткань одеяла.

Она ахнула, когда он неожиданно перевернул ее на спину, ложась на нее сверху и пресекая все попытки Алисы к бегству. Одним быстрым движением Осоргин избавил ее от корсета, который, не выдержав подобного обращения, порвался в нескольких местах, и от которого откололась и упала на пол перламутровая брошь в виде флокса, скреплявшая ткань на груди. Алиса вздрогнула, почувствовав его влажные ладони, и попыталась хоть как-то воспротивиться невольно охватившему ее трепету.

Она закричала. От невозможности более переносить это напряжение, от униженности ее теперешнего положения, от неправильности происходящего. Мужчина заглушил ее отчаяние, целуя испуганно, быстро... Ощущение его горячих губ на своих было невыносимо... Невыносимо, потому что это был не тот человек, которого выбрало ее сердце, и потому, что ей все же нравилось это ощущение. Невыносимо, потому что он имел права требовать того, что делал с ней теперь, и потому что он делал это, зная о ее отношении к нему. Невыносимо, потому что она бы не смогла остаться безучастной.... Невыносимо, потому что вместо родных глаз цвета июньского неба она видела свое отражение в других глазах цвета серых осенних облаков.

Бесполезно? Бессмысленно? Люди часто совершают бессмысленные поступки.

Ладонь Осоргина заскользила по ее обнаженному бедру. Алиса закусил губу, отчаянно ища глазами хоть что-нибудь, способное отвлечь от пытки, которой ее подвергали. Но взгляд не встречал ничего, кроме полога темно-оливкового оттенка, а вспыхнувший в голове лучезарный образ Бориса Тилинга не умалил постыдных мыслей, возникнувших в ответ на действия супруга. Не умалил реакции тела...

Сергей Владимирович обхватил рукой ее тонкую талию. Алиса извернулась, но его пальцы властно сжали ее подбородок, заставляя не отводить взгляд. Сколько эти глаза ему лгали... Она смотрела на него, дыша тяжело и часто, в то время как ее ладонь сжала запястье мужа, и Алиса с силой, неожиданной для хрупкой женщины, попыталась оттолкнуть его. Битва двух стихий, в которой никто не собирался уступать... Осоргин резко притянул жену за талию к себе и, придавив ее спиной к шелковым простыням, вошел в ее напряженное, разгоряченное долгой борьбой тело. Ее крик... Громкий, отчаянный, но вместе с тем до крайней степени развратный, стал словно бы предвестником к начавшемуся за окном хаосу. Лицо, освещенное вспыхнувшей на краткий миг молнией. Полуопущенные веки, закусенная губа и разметавшиеся по подушке каштановые локоны... Грудь, вздымающаяся в такт частому дыханию. Кровь, бегущая по венам, закипала и заставляла ее умирать от невыносимого жара. Алисе было невозможно, мучительно и желанно чувствовать его движения внутри себя. И в ее страданиях сейчас был виноват только один человек...

Слышать ее крики. Гнев. Желание.... За окном меньший ад, нежели внутри. Если бы ураган можно было впустить... Холодный ветер. Капли, которые нужно было чувствовать на теле. Слишком жарко...

Живые чувства, убивавшие своей откровенностью. Мрачные. Темные. Отвратительные.

Хотела прокричать, сказать, что никогда больше не позволит с собой подобного, сама не станет... Бессвязные, невнятные слова, срываемые с губ. Не имела значения

ситуация в целом, когда между ними не осталось уже ничего. Только ярость. Только отчаяние. Нашедшие теперь свой выход.

Сорочка под корсетом, закрывавшая плечи. Шелк рвется нелегко. Но все же рвется. Особенно, если очень захотеть.

Податься навстречу. Чуть-чуть... Совсем немного... Немного – и этого будет достаточно. Она металась по подушке. Кусая губы. Пытаясь молчать. Пытаясь остановиться.

Хотела по привычке закинуть сверху ноги, прижать к себе... Расцарапать, заставить испытывать боль... Как проклинала она этот момент...

Еще один резкий толчок. Алиса не могла больше выносить эту пытку. Ее пальцы сжимали простыни, на которых Осоргин терзал ее не только физически, но и принуждая ее против воли желать этого. Щекочущее ощущение. И она знала, что за этим последует. Что-то, поднимающееся изнутри... Ее отражение, потерявшееся в тысяче зеркал. Как она потеряла себя. Как терялась теперь между острыми, неровными, подобно граням разбитого стекла, ощущениями и осознанием того, что ее волю просто-напросто ломали...

Губы мужчины переместились на ее грудь, даря жадные, быстрые прикосновения, оставляя следы на нежной коже. Шумный вздох. Она видит стальные глаза прямо перед собой. Снова его рука на ее подбородке, и он страстно впивается в губы женщины. Осознание того, что она отвечает, приоткрывая чувственный рот и позволяя ему беспрепятственно делать то, что он пожелает, опьяняло. Молния... Раскат грома. Сергей Владимирович резко отстраняется. Кажется, впервые за всю ночь в глазах Алисы мелькает озорной огонек, а на лице появляется ухмылка. Привкус крови и запах меди... Ее маленькая месть. Но тут же пришлось раскаяться в содеянном, потому что следующими движениями он перестал жалеть Алису вовсе.

В голове помутилось. Она уже не различала, что происходило в комнате, а что было порождением ее воспаленного сознания, не слышала и шума ливня, и отчаянно колотившихся о стену и крышу дождевых капель. Ее ногти впились в руки Сергея Владимировича, сдирая кожу даже через ткань рубашки, оставляя царапины, ссадины.

Пронизывающее, заставляющее забыть обо всем ощущение. У нее дрожали ноги. Это можно было почувствовать даже так... В этом запале было уже все равно, что могло бы волновать каждого из них. Осоргин сильно сжал ее тело в своих руках.

Безумие... Ей кажется, что еще чуть-чуть, и рассудок окончательно изменит ей. Толкнули в горячую воду... Без разрешения, без спроса. Волны, которые она бы не смогла, не захотела остановить. Выбитая из камня искра, распалившая, обернувшая тепло в жар... Обжигающий... Не зависящий ни от воли, ни от желаний.

Алиса снова прогибается под телом мужчины и словно во сне слышит свой крик. Сдавленный. Ненарочный... Прокатывающийся по горлу, неприятно садня после. Уже не чувствует, как ладонь Осоргина скользит по ее спине, поддерживая, будто оберегая от падения в разверзнувшуюся бездну. Алиса сдается на его милость. Сознание уступает свое место велениям тела. Она совершенно безвольно тонет в его объятии.

Глухой стон, и мужчина опустился на нее, уткнувшись лицом в ее густые волосы... Удовольствие с запахом озона от наэлектризованного воздуха. С привкусом горечи... Ветер стих, и дождь не нарушал более воцарившуюся тишину своим стуком. Мокрые дорожки на стекле напоминали о случившемся безумстве природной стихии. С каким-то отсутствующим выражением Алиса смотрела, как капли воды, сползая вниз, встречаясь, сливаются воедино, затем снова разделяясь и продолжая свой путь. Тепло ладони мужа, лежавшей на талии женщины, не приносило ожидаемого спокойствия. Ей овладела какая-то непонятная апатия.

Сергей Владимирович рассеянно сжал в своей руке ее хрупкие пальцы. Она лежала к нему спиной, и он мог чувствовать только, как неровно было ее дыхание. Осоргин провел рукой по красивым темным волосам Алисы и услышал тихое: «Сергей Владимирович... уйди, пожалуйста...». Она произнесла это едва слышно. А потом почти что одними губами повторила: «Пожалуйста...».

Она почувствовала неожиданный холод, когда он оставил ее. Услышала неровные шаги и скрип открываемой двери. Совсем одна...

Приподняться почти бессознательно, чтобы стянуть то, что осталось от платья. Нелепо... Хотелось хоть чем-то укрыться, но сил уже вовсе не осталось, поэтому Алиса, окинув усталым взглядом кровать и не найдя никакой возможности даже двинуться, быстро забылась таким желанным для нее сном, обещавшим избавление от стремительного потока невеселых мыслей, а события прошедшего вечера растворились в ночном тумане...

Любая ошибка имеет последствия

Алиса проснулась от холода. Было довольно рано, и утренний мороз проник через неплотно закрытое окно в комнату. Осень еще не утвердила свои права во всей полноте. Шли первые числа сентября, поэтому камин не затапливали. Но холод все же был весьма ощутим. Алиса поежилась... Она не до конца очнулась ото сна, поэтому не сразу осознала, что на ней нет даже ночной рубашки. Чулок, соскользнувший до щиколотки. Запутавшиеся в волосах заколки... Как неуместно выглядело это теперь.

Неожиданно нахлынувшие воспоминания о прошедшей ночи заставили ее щеки покрыться румянцем. Алиса, кое-как выпутавшись из смятой простыни, попыталась встать с кровати и ахнула, потому что все тело нещадно болело. Ноющее, пренеприятное чувство... Оно еще не раз напомнит о себе в течение дня. Впрочем, это не помешало женщине, хоть и осторожно, чуть было не споткнувшись о валявшееся в ногах платье, но все же дойти до небольшого пуфика возле зеркала, укрытого сверху шелковым халатом. Восточные мотивы... Накинув его себе на плечи, Алиса подумала, что согревает он все-таки несильно и следует приказать затопить камин. Осень приготовила неприятный сюрприз, но так словно лишний раз напомнила, что она капризная дама и настроение у нее переменчиво.

Женщина стояла у окна, смотря на серые очертания домов, тонувших в утреннем тумане. Все было каким-то мертвенно-застывшим. Зловещим... Или Алисе

это всего лишь казалось? Она провела тонкими пальцами по стеклу. Холодное и, как ни странно, удивительно чистое, прозрачное. Ночной дождь смыл с него всю пыль, и теперь могло создаться впечатление, будто стекла и вовсе не было. Но иллюзия рассеивалась, стоило только пальцам прикоснуться к нему и ощутить предательский мороз.

Алиса усмехнулась про себя, подумав о том, как же это стекло напоминает брак: кажется, что это всего лишь иллюзия, и человек по-прежнему свободен в мыслях. Но стоит попытаться проявить свои чувства, и тут же ощутишь, как крепка и незыблема эта невидимая преграда. И как холодно за ее чертой...

«Интересно, — подумала женщина, — спит ли он еще или уже готовится к отъезду?» Впрочем, эти мысли были вызваны единственным нежеланием встретиться с мужем. И хотя она уже успела почувствовать на себе всю разрушительную силу его гнева, то, как поведет он себя сегодня, было для нее загадкой.

«А не все ли равно?»

Ее сердце теперь знало, что такое настоящая любовь, и все, что могло помешать, не имело для нее значения. «Но тебе же понравилось...» — закралась в голову совсем нежеланная мысль. Предательски занывший низ живота... Да. Понравилось. И корить себя за это можно было бесконечно... И память услужливо нарисует нужные картины. Как и все прочее. Как и вся окружающая обстановка. И весь этот дом... Как жаль, что жизнь нельзя прожить заново. Нельзя вычеркнуть те минуты, за которые после приходится испытывать мучительный, сжигающий до самых костей стыд. Как жаль...

Женщина очнулась от своих размышлений и со злостью захлопнула приоткрытое окно.

«Прекрати немедленно!»

Спать уже совсем расхотелось, поэтому Алиса, сделав несколько нервных шагов по комнате, развернулась и подошла к большому зеркалу. В его глади она увидела себя и ужаснулась: взлохмаченные, спутанные волосы, покрасневшие глаза и, что самое ужасное, синяки... «Боже, — пронеслось в голове у Алисы, — что он со мной сотворил...» Женщина принялась быстро устранять весь этот беспорядок. Взяв гребень, она, насколько могла аккуратно, расчесала свои каштановые локоны. Борис особенно их любил. Хоть в обществе это и не было принято, но ему нравилось, когда Алиса распускала волосы. С ним она всегда была такой... естественной. Поэтому в те редкие минуты ей казалось, что на свете не существует больше никого. Только они вдвоем... Не нужно было соблюдать никаких правил: только их чувства имели значение, и Алисе казалось, что ей совершенно все равно, как подумает о них общество. Казалось... Потому что она боялась людей, боялась их мнения, осуждения, хоть и пыталась подавить в себе этот страх. А Борис никогда не боялся. И говорил, что и она не должна. Ведь все второстепенно, а злые языки все равно найдут тему для пересудов. Она соглашалась. Хотя страх все равно жил глубоко в ее душе.

Алиса скинула халат. В зеркале она отражалась во весь рост, поэтому ей не составляло труда разглядеть малейшие изменения, произошедшие с ней. Ее фигура была по-прежнему превосходна. Да, уже не такая по-детски округлая, как в девичестве, но довольно пропорциональная, оформленная, особенно, если

принимать во внимание то, что Алиса была теперь матерью. Небольшая изящная грудь, тонкая талия, стройные ноги. Но даже невооруженным глазом на ее нежной коже теперь можно было разглядеть темноватые пятна. К несчастью для Алисы, ее особенность была в том, что даже малейший толчок или неосторожное движение оставляло следы на ее теле. Для этого не надо было делать ничего особенного, что уж говорить о жестких, настойчивых поцелуях или ссадинах... Скрыть это было почти невозможно, поэтому, когда Алиса была с Тилингом, он обращался с ней достаточно осторожно, не допуская того, чтобы на ее коже сохранились хоть какие-то знаки, способные выдать женщину. Но ее супруг о таких мелочах не заботился. Во всяком случае, не прошлой ночью....

Темный флакон на столе. Сладковатый запах майорана. Травянистый, жгучий... Острый пряный вкус... Не самый изысканный напиток, но и к этому можно привыкнуть.

Алиса решила одеться сама и не звать служанку. Незачем. Платье неяркого голубого цвета сидело на ней невероятно хорошо. Но глубокое декольте все равно открывало взору красноватый след прямо на груди. Впрочем, это легко могла исправить шаль. «А вот это уже никак не скроешь...» — подумала Алиса, осторожно касаясь пальцем темного кровоподтека на шее. Она нахмурилась, несколькими быстрыми движениями распушила волосы так, чтобы злосчастное пятнышко не бросалось в глаза, и, оставшись вполне довольной своим внешним видом, решила все же спуститься вниз.

Женщина открыла дверь и прислушалась. Тихо. На удивление тихо. Не слышно привычного позвякивания посуды на кухне, беготни слуг и их негромких разговоров. Дом будто вымер. Алиса, осторожно ступая, прошла по коридору и спустилась вниз по лестнице. Заметила мелькнувшую впереди себя длинную светлую косу и окликнула девушку.

Та попыталась сделать вид, что не расслышала... Но, впрочем, ее имя, произнесенное уже гораздо более нетерпеливо и строго, заставило служанку повернуться. Настороженный взгляд. Она бы предпочла не останавливаться...

— Утро доброе, Алиса Романовна! А что вы так рано? Дела какие неотложные? — нарочито быстро и беззаботно.

— Глаша, скажи мне, Сергей Владимирович у себя? — к ее счастью, Алиса была слишком занята собственными мыслями.

— Нее... — замахала рукой девица, — Уехать изволили. С рассветом. Мы сами все удивились, чего это хозяин так рано. Ну да Бог его знает. Торопился, видать.

«Уехал», — пронеслось в голове Алисы. Значит, не захотел ее видеть. Несмотря на то, что поезд отходил только в обед. Видимо, решил отправиться раньше, чтобы Алиса с утра не застала его. Женщина горько усмехнулась.

— А вообще, странный барин сегодня был, — продолжала тараторить Глаша, — мрачный, уставший какой-то, словно и не ложился вовсе, да неразговорчивый...

При этих словах что-то больно кольнуло Алису. Жалость... Ведь это она довела мужа до такого состояния. Но видит Бог, она того не хотела! Она любила всем сердцем, но меньше всего желала, чтобы об этом кому-то стало известно. В особенности ее супругу. Алиса не знала точно, но могла все же предположить, что испытывает преданный человек, который, как он считал, делал все для сохранения

семьи. Женщина даже забыла о том, что ненавидела его с утра. Теперь она чувствовала только свою вину, тяжелым грузом лежавшую на ее плечах.

За этими мыслями Алиса даже позабыла, с чего все началось. Письмо... Злосчастное письмо, которое муж собственноручно предъявил ей. Но как оно у него оказалось?

— Глаша, — от обманчиво мягкого тона госпожи девушка вся напряглась, — А как ты думаешь, с чего бы ему быть таким?

Девушка отчаянно пыталась не встречаться глазами со взглядом хозяйки, все еще изображая совершенное непонимание.

— Да кто же знает... Ну мало ли... Нету у меня времени о подобном размышлять... Вот и сейчас цветок пересадить нужно. Так я пойду...

— Стой, — Алиса больше не пыталась говорить спокойно. Злость с каждой секундой в ней только возрастала.

«Предательница...»

— Каким образом та записка, что я поручила передать тебе господину Тилингу, оказалась в руках Сергея Владимировича?

Щеки девушки залил румянец, она потупила глаза и молча уставилась в пол. Затем вдруг вскинула голову и разрыдалась.

— Алиса Романовна, простите меня! Не гневайтесь! Виновата я, ой, виновата! Скажите слово любое, только не смотрите так грозно! — она уже хотела бухнуться на колени, когда Алиса, которой порядком надоел весь этот пустой лепет, дернула ее за руку, заставив прекратить реветь и испуганно посмотреть хозяйке в глаза.

— Прекрати! — прошептала зло... — Немедленно рассказывай, что произошло.

Глаша быстро захлопала длинными ресницами и, уже без причитаний, затараторила, по временам все же всхлипывая:

— Когда вы мне записку-то отдали, я ее сразу понесла, куда было велено. Да, видать, поторопилась, сложила плохо, потому что прямо на выходе письмо у меня возьми да выпادي. А я, дура, и не заметила.... Да на беду, прости меня, Господи, за такие слова, мимо как раз Сергей Владимирович проходил. Услышала только, когда окликнул. А он записку-то поднял, да и говорит, что, мол, обронила я. И тут у меня ноги будто отнялись. Ни шагу сделать, ни слова вымолвить. Поняла, что конец мне. А он подошел так нетерпеливо, хотел, видать, отдать обратно. Да только записка-то при падении развернулась. Вы же, Алиса Романовна, печати не ставите, а из конверта она возьми да выпادي...

Тут Алиса не выдержала:

— Что ты врешь? Опять свой нос совала, куда не следует? Не могло оно из конверта выпасть никак! Тебе все интерес, а знаешь, что произошло из-за тебя... — Алиса остановилась. Не нужно Глаше было знать о таких подробностях. Желание ударить непутевую девку в ней едва подавлялось голосом разума, вторившего, что это просто глупо и ни к чему не приведет. Сама виновата. Следовало быть осторожнее... Ясно, что Осоргин, скорее всего, застал Глашку за чтением чужого письма, и, конечно же, пресек этот беспредел, а та, вместо того, чтобы сказать, что письмо от какого-нибудь ее ухажера, испугалась и отдала записку. Девчонка почему-то испытывала робость перед хозяином дома и возразить ему не могла. Научил же черт ее грамоте, а любопытства не убавил!

— Уйди с глаз долой! — угрожающе прошипела Алиса, прикрыв глаза, стараясь сдержаться. Глаша не заставила себя упрашивать и исчезла так же быстро, как и появилась.

«За что мне это? — с горечью подумала Алиса, — Наступили тяжелые дни... Господи, прошу, дай мне сил!»

Обстоятельства усложняются

— Я требую немедленно оставить меня в покое и пропустить! Что вы себе позволяете?

— Алиса Романовна, прошу простить меня, но повторю еще раз: это веление вашего мужа, мы здесь ни при чем. Нам было приказано сопровождать вас везде, куда вы пойдете. Никому и в голову не могло прийти ограничивать вашу свободу: все это делается единственно для безопасности.

Алиса была возмущена до глубины души. Приказать следить за ней! Да мыслимо ли подобное?

— Вы забываете, что пока в этом доме хозяйка я. И мои распоряжения вы обязаны исполнять наравне с распоряжениями моего мужа. А потому я приказываю отойти в сторону и заняться тем, чем вам полагается, — в ее голосе был гнев. Она не могла поверить, что ее подвергли подобному унижению.

— Сударыня, — дворецкий все так же терпеливо продолжал настаивать на своем, — вас никто не задерживает: вы можете идти, куда вам будет угодно. Но все же позвольте и мне честно выполнять свои обязанности. Я всего лишь буду сопровождать вас, обеспечивая вашу сохранность и спокойствие.

Алиса побледнела. Какой позор! Даже слуги теперь указывают ей, что делать! «Я пленница в собственном доме...» — пронеслось у нее в голове. Стараясь сдержать подступившие слезы, она развернулась и быстрым шагом направилась к себе. Ногти впивались в ладони, оставляя следы. Алиса кусала губы, скользя взглядам по окружающим предметам. Отчаяние, ярость, злость, унижение... Весь спектр эмоций рождал в ее душе бурю, заставляя сбиваться дыхание. Она буквально влетела к себе в комнату, закрыв за собой дверь, упала на кровать и расплакалась.

Горячие соленые капли стекали по щекам, падая на белую ткань. Она вся дрожала... Пальцы сжимали одеяло, а комната наполнилась звуками сдавленных рыданий. Все напрасно... Больно. Как же больно любить кого-то, не имея возможности быть с этим человеком... Все было против них, и осознание этого заставляло слезы стекать нескончаемыми мокрыми дорожками. И за эту любовь она платила собственной свободой. С ней обошлись как с ребенком, который хочет попробовать то, что ему запрещают родители. А если он все же смог обмануть их и получить желаемое, его наказывают и смотрят, чтобы подобный инцидент не повторился. Да только вот Алиса уже давно не была ребенком, а жизнь кидала ее из стороны в сторону, как пылинку на ветру, и хозяйкой своей судьбы она никогда не

была: права на счастье судьба ей не давала. Да и взять его возможным не представлялось: теперь даже выйти из дома без надзора она не могла. Если только...

Алиса перестала рыдать и села на постели. «Ну конечно! Нужно написать ему! Пока еще есть время...» Она вытерла слезы ладонями и подлетела к письменному столу. Дрожащей рукой нашла перо и, окунув в вязкие чернила, принялась писать на пожелтевшей бумаге:

«Борис,

Пишу к тебе в совершенно расстроенных чувствах. Я в отчаянии! Скажу тебе сперва, что супругу моему все стало известно о нас...», — тут она помедлила.

«Нельзя, чтобы Борис узнал о том, что вчера произошло... Это ошибка. Я не должна была...»

Перо снова забегало по бумаге, воплощая мысли женщины в жизнь.

«Прости меня! Это вышло совершенно случайно, я до сих пор в растерянности... Он очень странно отреагировал на сие известие. Я не видела его с самого утра: видимо, решил уехать раньше. Но, Борис, он приказал следить за мной! Я теперь и шагу сделать не могу без того, чтобы за мной не присматривали. Даже это письмо я пишу в страхе. Потому что прошлое мое послание тебе оказалось в руках у мужа. И хоть теперь его нет в городе, мне все же страшно. Но другого способа известить тебя о произошедшем нет. Скрывать правду о нас более не представляется возможным. Все кончено! Я не знаю, что нам теперь делать... Любовь моя, ты моя единственная надежда! У меня больше нет никого на целом свете. Только ты и сын. Боренька, приезжай за мной, или я здесь умру! Теперь все будет по-другому. Все или ничего... Любовь или смерть... Мы больше не будем прятать наши чувства и я наконец обрету долгожданную свободу... и счастье... счастье быть с тобой», — горькая слеза, пробежав по ее щеке, упала на письмо — *«Так сделай меня счастливой или забудь обо всем, как о страшном сне. Другого нам теперь не дано»,* — она вздохнула и написала дрожащей рукой:

«Любящая тебя Алиса»

Тщательно сложила письмо, осторожно разглаживая бумагу по краям. Опустила в конверт и, подумав, все же запечатала его. Потянулась к стоявшему на столе маленькому колокольчику и позвонила. Глаша вбежала через минуту.

— Звали, госпожа?

— Да, — Алиса устало прикрыла глаза и поманила девицу пальцем. — Возьми. Передашь адъютанту, — продолжила она бесцветным голосом, — Лично. В собственные руки. И упаси тебя Бог письмо где-нибудь обронить.

Глаша испуганно похлопала ресницами, схватила протянутую бумагу и, низко поклонившись, попятилась к двери. Алиса отвернулась к окну. Мысли путались. А была ли вообще хоть когда-нибудь ясность? Кажется, что нет. В последнее время она ничего не могла знать точно. Все выходило совершенно не так, как она предполагала.

— Только бы теперь все получилось... — прошептала совсем уже тихо...

Ход ее мыслей нарушил стук в дверь. Алиса обернулась на звук и нетерпеливо приказала войти. Дверь отворилась, и на пороге возникла женщина, намного старше хозяйки дома, с аккуратно уложенными волосами и в строгом платье.

Заходят, как на приеме... Да и что же? Вот он, весь ее мир, - сосредоточен в пределах ее комнаты. Не уйдешь, не сбежишь... Только бы он пришел... Только подождать...

— Алиса Романовна, — произнесла вошедшая серьезным тоном, — не хочу отвлекать вас от важных дел, но Федя желал вас видеть... С утра звал маму и отказывался есть.

До того ли ей теперь... Она не зашла с утра поздороваться с сыном. Занятая своими бедами...

— Агафья, — Алиса подняла глаза на няню и слабо улыбнулась, — скажи ему, чтобы ел и что я скоро подойду. Пусть не переживает понапрасну.

— Пусть так, Алиса Романовна, — Агафья кивнула и добавила:

— Он в последнее время беспокойный. Все время вас спрашивает, изволит капризничать и бывает совершенно непослушным. Может, и не мое это дело, но, кажется, ребенку не хватает родительского внимания. Сергей Владимирович хоть с ним занимался, а теперь-то уехал... Вы уж уделите ему время, а то негоже, чтобы ребенок от еды отказывался.

Агафья всегда говорила прямо обо всем, что считала нужным. В отличие от других слуг, она не боялась указывать хозяевам на то, что по ее мнению было неправильным или требовало внимания. Потому Алиса всегда прислушивалась к ее замечаниям и теперьшний раз убедилась в правильности выбора гувернантки для сына.

— Не волнуйся так. Я тебя услышала, скоро буду.

Агафья поклонилась и тихо вышла. Возвращая напряженную болезнетворную тишину...

Все, что Алиса чувствовала теперь - одиночество. Разрывающее легкие судорожными всхлипами... Она никогда еще так остро не ощущала свою беспомощность...

Не смогла бы признаться самой себе... Никогда... Даже это ожидание стало для нее мучительным. Даже эта любовь... Она не приносила спокойствия. Только бы все кончилось! Уже не важно как... Быть может, она предпочла бы теперь, чтобы ей просто запретили...

Она была измучена.

Все новые и новые мысли о том, как несправедливо, неправильно складывалась теперь ее жизнь, заставляли вздрагивать. Слез не хватало. Горе тихое. Уже совсем беззвучное...

«Федя... — подумала женщина, — Что будет с ним, когда я уйду? Как будет он расти без меня? Нет, Сергей не позволит ему покинуть дом. Он ни за что не отпустит его... Как сможет сын вырасти без матери?» — эта мысль острой болью отозвалась в сердце. «Я не могу иначе... Пять долгих лет я жила не своей жизнью. Хватит... Навсегда забуду о том, что такое одиночество и слезы. А все прошлое пусть в нем и останется...»

Потерянность

«Алиса,

Я... Я не знаю, что сказать тебе... Это так неожиданно. Я думал, что у нас еще есть время. Любимая, мне также не хватает тебя, и моя душа стремится к тебе. Но то, о чем ты пишешь, невозможно сейчас.

Во-первых, я теперь не в Петербурге. Дела вынудили меня уехать. Это временно, но увидеться с тобой теперь не представляется возможным. Алиса, я прошу меня простить... Я очень люблю тебя и всем сердцем желаю быть рядом. Но как представляешь ты себе ту жизнь, о которой пишешь? Один шаг, и ничто уже не сможет быть прежним... От тебя отвернется общество, и свет будет навсегда закрыт для нас. А твой сын? Пойми: тебе придется его оставить. Не думаю, что моего влияния хватит для того, чтобы забрать его от твоего супруга. Ты готова пойти на это?

Алиса, хорошо подумай. Стоит ли оно того? Рушить все для того, чтобы идти в неизвестность? Нет... Это неразумно, необдуманно. Только не теперь, Алиса. Когда я вернусь, мы сможем что-нибудь предпринять. Но я хочу предостеречь тебя от опрометчивых поступков.

Твой Борис»

Алиса опустила дрожащую руку, в которой держала письмо. Взгляд ее был отсутствующим, лицо бледным. «*Стоит ли оно того... Невозможно сейчас... Нет... неразумно... необдуманно...*» — вставало перед глазами. «*Пустая блажь... опрометчивый поступок...*» — она смотрела в одну точку, только губами шепча несвязные фразы. «*Он... оставил меня... Борис! Оставил... бросил... уехал...*», — она, пошатываясь, сделала пару нетвердых шагов. В ее глазах не было слез — только обескураженность, незащитность... потеряность. «*Оставил меня здесь. Одну... Беспомощную, ненужную... И уехал. По делам*», — Алиса болезненно улыбнулась. «*По делам! Наверное, что-то жизненно важное... А я и не знала...*» — растерянно сжала в ладони бархатную ткань платья — «*Что ж... Я приму ваш совет, господин адъютант. Стоит избегать необдуманных решений...*»

Она подошла к столу, зажгла стоявшую на нем свечу и только собралась предать тайну горьких слов пламени, как дверь открылась со скрипом. В комнату вошел Сергей Осоргин. Повернула голову на звук... Она почему-то даже не удивилась, чего нельзя было сказать о ее супруге, заставшем жену в подобном состоянии за весьма странным занятием. Впрочем, лицо его теперь выражало скорее беспокойство и озабоченность. Алиса была бледна, покрасневшие от слез глаза совместно со странным, отсутствующим выражением и совершенно безэмоциональной улыбкой, которой она одарила мужа, — все это внушало ужас и создавало уверенность в том, что женщина находилась в крайне опасном состоянии.

— А, это вы, Сергей Владимирович... Прошу меня простить: не заметила вашего приезда, не встретила... — она смотрела на колышущееся пламя свечи, плавно водя рукой над фитилем.

— Алиса... — Осоргин произнес это скорее вопросительно, надеясь понять по ее реакции, как вести себя с ней далее. Все его мысли по поводу разговора с женой отошли на второй план.

Да, он собирался поговорить с ней о том, что так более продолжаться не может и что им необходимо принять решение касаясь их дальнейших отношений. Все эти дни, что он отсутствовал, мужчина не мог найти себе места. Множество чувств, эмоций, переживаний... Все это обрушилось на него в один день. Измена! Такой расклад событий не мог прийти ему даже в страшном сне. Догадываться, предполагать... Получить подтверждение своим догадкам — совершенно иное. А потому и рассуждать логически, и делать выводы представлялось чем-то невероятным. Но решить что-то было необходимо. Только не здесь... Не там, где она... Не рядом с ней. Куда угодно, но подальше от дома! Видимо, Бог действительно уже давно раскинул карты человеческих судеб и знал исходы всех возможных партий, потому что именно в эти дни Сергею Владимировичу выпала необходимость покинуть город по делам службы, что при подобных обстоятельствах было как нельзя кстати.

Три дня, проведенных вдали от дома, пошли ему на пользу, помогли собрать в единое целое разрозненные мысли и обрисовать возможную картину дальнейших действий. Мысли... Мысли о том, чтобы принудить жену прекратить эту грязную, порочную связь и под страхом смерти заставить думать о доме, а не о чем-либо еще или отправить ее ко всем чертям саму строить свою жизнь, запретив предварительно видеться с сыном, а после забыть обо всем, как о страшном сне, как бы тяжело это не далось...

Но покоя ему не давало и то, как он поступил с Алисой, узнав обо всем... Да, вспыльчивость ему не была свойственна, но что на него вдруг нашло? Желание утвердить свою власть, дать жене понять, что в ее жизни он единственный мужчина? Наказать ее? Что ж... Утвердил. Понять дал. И это хоть сколь-нибудь помогло? Бред...

Хотя, возможно, это была наиболее приемлемая реакция после того, как Осоргин усилием воли подавил в себе желание воплотить первую пришедшую в голову мысль, а именно приложить дуру головой о что-нибудь твердое.

Да, сломать руку ей, наверное, было бы целесообразнее, чем заниматься с ней любовью, если это теперь вообще можно было так назвать. Ведь, как она выразилась, ему это чувство было несвойственно. Что ж... Со сломанной рукой встречаться с любовником было бы действительно проблематичнее.

Он не мог понять одного: почему? Почему она пошла на это? Что он делал не так? Казалось, он дал ей все, что только можно. Жертвуя здоровьем, личным временем и своими интересами для того, чтобы Алиса была счастлива. И больше всего было оттого, что это была не его дальняя родственница, знакомая, коллега или кто бы то ни было еще, а жена... Любимый человек... Если на всей земле и был кто-то, кроме него самого, кому Сергей Владимирович мог доверять, то только ей. Привыкшему всегда и во всем полагаться на себя Осоргину было удивительно, что, прожив, наверное, большую часть своей жизни, он нашел кого-то, кто мог понять его и просто-напросто ждать его возвращения домой. У них был ребенок... Ребенок, который, как он считал, был результатом чувства, а не простой необходимости

обзавестись потомством. Он вспомнил, как с волнением ждал появления Феди на свет, как присутствовал при родах, несмотря на принятое в обществе мнение, что это недопустимо и мужчина должен быть где угодно, но только не рядом со страдающей женщиной, как Алиса тогда сжимала его ладонь и просила только, чтобы он остался, как впервые взял сына на руки... Куда все это делось? Почему его предал самый близкий ему человек?

После той гневной речи, что ему пришлось услышать и узнать, что, оказывается, он делал неправильно совершенно все, подобные рассуждения не выглядели столь уж неверными. Во всяком случае, какое бы решение он не принял, но объясниться с Алисой и понять, что им предстоит теперь, было необходимо.

Но увидел ее глаза, эту нервную, вымученную улыбку... И вместе с тем бесконечное отчаяние. Она как будто разом постарела на много лет. Огонь в глазах потух, и осталась только безысходность... Это было страшно. Поистине страшно. Когда не знаешь, чего ожидать от близкого тебе человека, когда не можешь предсказать его поведение — это пугает, вызывает ступор. Сергей Владимирович с опасением и жалостью смотрел на свою болезненную жену, не решаясь сделать что-либо, не зная, к каким последствиям приведет то или иное его действие.

Внимание Осоргина привлекло письмо, которое Алиса до сих пор держала в руке. Женщина поймала его взгляд и тем же неживым голосом произнесла:

— Кстати, это письмо от господина Тилинга. Хотите прочесть?

— Благодарю, но читать чужие письма не в моих правилах, — он посмотрел на нее, встречаясь взглядом с ее затуманенным взглядом. — Если они, конечно, напрямую не касаются меня или моей семьи.

— А я думала иначе... — Алиса провела развернутым листком над подрагивающим пламенем свечи. — Что ж, тогда позвольте поинтересоваться: зачем вы пришли? Кажется, все, что было возможно, вы мне уже высказали в прошлый раз. А что не успели сказать, объяснили иным способом... В любом случае, вы можете быть спокойны за свое доброе имя и безупречную репутацию. Все кончено. Я остаюсь вашей женой, продолжаю выказывать свою любовь и уважение, соблюдать приличия и вести одобряемую светом и обществом жизнь. Господин адъютант мне очень это рекомендовал, — она посмотрела вокруг невидящим взглядом, затем вдруг прикрыла глаза. Улыбка ушла с ее лица, и она продолжила, но уже без тени иронии:

— А впрочем, можете выгнать меня вон, забрать свою фамилию и все, что вам принадлежит: мне совершенно все равно. Я вас ненавижу...

Сергей Владимирович молча слушал эту тихую истерику. Решить, что все, сказанное супругой, он принимал близко к сердцу, было бы неправдой, потому что он, хоть и понимал, что Алиса переходит все мыслимые границы, все же видел: отчета в своих действиях она себе не отдает.

Никогда не смог предположить, что ему придется вести подобный разговор. Таким образом... То, что было между ними, уходило, словно песок сквозь пальцы.

И все же это не было удивительно. Закрывая глаза на ошибки, пробелы, на то, что может изменить, сломать привычный ход событий, все же в конце концов сталкиваешься с тем, чего так долго пытался не замечать. Но уже в совершенно иных масштабах. Остальное — лишь вопрос времени.

— Послушай меня, Алиса. Я... Я приношу свои извинения за то, что произошло между нами... Подобное поведение с моей стороны было недопустимо... — она видела, что эти слова даются ему с трудом. — Мне жаль, что все вышло именно таким образом. Не в моей власти заставить тебя любить кого-то... И, видя твои страдания, я искренне сочувствую тебе. Если мнение человека, который был дорог твоему сердцу, все же оказалось схожим с моим, и он дал тебе совет не сходить с ума и хотя бы немного подумать о последствиях такого шага, то я не могу назвать его глупцом. Потому что, несмотря ни на что, этот человек был прав, говоря подобное.

Как смешно, наверное, звучали такие слова с его стороны, в его положении, при сложившихся обстоятельствах... Но это не имело значения теперь. Ей было плохо. И с этим нужно было что-то делать.

Алиса подняла голову, с удивлением глядя на мужа. Кажется, в первый раз за время разговора абсолютная отрешенность ушла из ее взгляда, уступив место слабому интересу.

— Пойми же наконец, что тайно встречаться с замужней женщиной и жить с ней открыто — две совершенно разные вещи. И если первое не влечет за собой ничего более неприятного, чем возможное прекращение отношений ее с ее супругом при условии, что она будет совершенно неумело скрывать свою связь, то второе — вызов. Откровенное безрассудство. Я одного не могу понять: как ты себе это представляла? Не думаю, что мнение общества играет для тебя последнюю роль. В любом случае, осознание этого пришло бы. Но потом, когда вернуть уже ничего было бы нельзя... — Он прервал свой монолог, плотнее закрывая дверь, обходя Алису, затем, отвернув голову и нервно пожав плечами, продолжил:

— Я отлично понимаю господина адъютанта. Кажется, он сейчас занят устройством своей карьеры. Лишние заботы и проблемы ему совершенно ни к чему. А то, на что, смею предположить, рассчитывали вы, было бы ему только в тягость и с продвижением по службе точно не вязалось. Его поведение понятно. — Он тяжело вздохнул и заложил руки за спину. — На развод вы можете не рассчитывать. Мне это не нужно. Продолжайте вести себя, как ни в чем не бывало, во всяком случае так, чтобы никто из посторонних не заметил перемен. Пока вы упорно пытались похоронить репутацию семьи, лично я делал все возможное для того, чтобы этого не произошло. А потому теперь ваш черед включиться в работу. Остальное на вашей совести.

Алиса растерянно смотрела на мужа, пытаясь до конца осознать весь смысл сказанного им. Забывшись, женщина поднесла руку слишком близко к желтоватому пламени свечи и в следующий момент жалобно вскрикнула, отдернув ладонь. На запястье остался багровый след, а боль нещадно жгла кожу в месте, где рука соприкоснулась с огнем. Алиса бессильно закрыла глаза, и слеза выкатилась из-под ее длинных ресниц. Не в силах более сдерживать раздирающее душу отчаяние, она заплакала, закрыв лицо руками.

Осоргин, решительно настроенный разобраться со всем беспределом, учиненным неблагодарной супругой, все же не мог спокойно смотреть на слезы близкого и, как то ни было печально, любимого им человека. Алиса была очень чувствительной, но при нем старалась ничем не выдавать своих душевных терзаний, а потому застать ее расстроенной, а тем более горько плачущей Сергей

Владимирович мог крайне редко. Несколькими шагами он пересек комнату, приблизившись к жене, взяв ее за руку и уверенно притянув к себе. Он обнял ее за подрагивающие от беззвучных рыданий плечи и, осторожно поймав ее обожженную ладонь, накрыл ее своей рукой, легко поглаживая.

— Боже, за что мне все это? — прошептала женщина, уткнувшись лицом в его плечо.

— Алиса... — голос Осоргина был спокоен и мягок, — ты сейчас страдаешь от проблемы, которую сама же себе создала для того, чтобы потом ее мужественно решить. Ну зачем ты это делаешь? Возьму на себя смелость предположить, что Бог здесь все же ни при чем. В любом случае, у него нет других рук, кроме наших. Ошибок было совершено достаточно: вовсе нет смысла делать их еще больше, — говоря ей это, Сергей Владимирович тем временем осторожно взял из ее рук злосчастное письмо, которое Алиса отдала, даже не сопротивляясь, и поднес его к наполовину сгоревшей свече. Бумага тут же ярко вспыхнула, и Осоргин опустил ее тлеть в свечную подставку. Огонь быстро и с жадным потрескиванием поглощал аккуратно выведенные чернилами слова, строки, абзацы, историю...

«Ну и что с этим теперь делать?» — подумал он, смотря, как тлеют остатки письма. Может, не поздно еще попытаться предпринять что-нибудь для сохранения между ними нормальных, человеческих отношений? Все-таки жизнь, наверное, свела их вместе не просто так...

— Сергей Владимирович... — впервые за все время их диалога Алиса обратилась к нему по имени, — я хочу уехать отсюда! Этот дом... — она никак не могла успокоить прерывающийся голос. Осоргин ласково погладил ее по волосам. — Он давит на меня! Это... это невыносимо! — она вздохнула, пытаясь сдержать слезы. — Я хочу все забыть... Все, что я сделала... Я так больше не могу!

— Хорошо, — он взял ее руку в свою, смотря в ее голубые, влажные от слез глаза, успокаивающе шепча, — не бойся. Мы уедем отсюда... Ты нездорова... Тебе нужно восстановиться. Постарайся сейчас отдохнуть, а завтра мы уедем... — Он отвернул голову, задумчиво глядя в окно на стремительно погружавшееся во мрак наступающей ночи небо. — У всех бывают трудные дни...

Ночь

Алиса спала плохо. Тревожно... Беспокойно... Возможно, дело было в тусклом свете заглядывающей в окно луны, а может быть, о себе дали знать сильное эмоциональное потрясение и переживания последних дней.

Ей снилась темнота. То ли без единого окна и просвета комната, то ли просто неведомое, неопишемое нечто, у которого не было границ. Идти вперед впотьмах. Силясь разглядеть хоть что-нибудь перед собой. Холодно... Почему здесь так холодно? И так темно...

Внезапно возникший луч осветил неподвижно стоящего человека. Откуда этот свет? Белый, искусственный... В нем не играли пылинки. Он был недвижим. Мертв...

Но в этом луче отчетливо выделялась одинокая фигура. «Кто бы это мог быть?» Алиса поспешила вперед, сию минуту разглядеть кого-то впереди нее.

«Борис!»

Сознание обожгло неожиданное открытие. Это действительно был адъютант. В холодном белом свете он смотрелся невероятно хорошо. Какая-то застывшая, гордая красота и стать были сейчас в нем. Такой, каким Алиса увидела его в первый раз. И запомнила на всю жизнь... Темные волосы, тонкая линия усов над верхней губой, белый сияющий фрак и эти пронзительные, чистые, голубые глаза. Алиса, пытаясь не оступиться, устремилась к нему навстречу. «Нет! Этого не может быть! Я сплю... Борис!» Ее душа ликовала, радостный трепет охватил все ее существо. Он здесь! Рядом с ней! Наконец-то!

— Борис! Родной! — она подбежала к нему, обняла и отчаянно прижалась к его груди. Адъютант не шелохнулся. Алиса подняла голову и взглянула в его глаза. Он даже не посмотрел на нее. Взгляд мужчины был направлен куда-то в сторону. Равнодушный... Безучастный...

— Что с тобой? Ты не рад меня видеть? Знал бы ты, как тяжело мне было без тебя! То, что ты сказал... Ведь это все неправда, да? Ты здесь, со мной! Нас теперь ничто не сможет разлучить! Господи, как же мне тебя не хватало...

Она ищуще заглядывала в его лицо, надеясь увидеть в нем хоть какой-то интерес, хоть что-нибудь... Неожиданно молодой человек повернул голову. Посмотрел на нее. И от этого взгляда Алисе стало не по себе. Холод. Снова холод... Словно бы осколки льда застыли в красивых голубых глазах.

Алиса почувствовала, как ладонь Тилинга легла на ее талию. Другой рукой сжал ее тонкие пальцы. Танец? Да, кажется, они находятся в бальном зале. Только почему она не видит стен? И не слышит музыки... Просто темно-серый пол, который едва можно было разглядеть в непонятно откуда возникшем узком луче света, открывавшем взору единственную пару на этом странном празднике... Знакомые движения успокоили Алису. Он танцует с ней так, как и всегда. То, что она любила... Алиса находила особый интерес в балах. В захватывающем кружении, соприкосновении рук, в пылающем взгляде появлялась какая-то особая связь, которую нельзя было никак объяснить, лишь почувствовать. И теперь...

Но все же что-то было не так. Привычные движения казались какими-то неестественными. Словно этот танец они исполняли уже в сотый раз... Молодой человек смотрел на нее, но почему-то Алисе хотелось отвести глаза. Ей было странно, неуютно... не по себе. Казалось, это был не ее Борис, а кто-то чужой, незнакомый. Небольшое расстояние между ними не позволяло прижаться, почувствовать тепло тела. Словно непреодолимая преграда, пропасть... Его руки не были нежны. Он вел ее так, будто это была какая-то необходимость, словно жизнь продолжалась бы только до того момента, пока они кружатся по этому холодному темному полу...

Алиса тревожно обернулась. Никого вокруг. Зловещая, пронизывающая тишина. Она будто бы чувствовала ее всей кожей. Что происходит? Движения адъютанта стали резче, быстрее. Алиса едва успевала за ним. Одной рукой она придерживала подол прекрасного черного платья, удивительно мерцавшего в темноте множеством маленьких драгоценных камушков. Невероятно красивое. Невероятно элегантное.

Невероятно дорогое... И оно просто удивительно шло ее хрупкой фигуре. Подарок мужа... Почему-то только сейчас Алисе стало совершенно непонятно, каким образом даже в таких незначительных деталях он незримо был рядом. И почему даже тогда, когда в целом мире не должно было быть никого, кроме нее и ее возлюбленного? Это показалось ей крайне нелепым, неуместным... Как же она не обращала на это внимания раньше? Все было не так... Нет, это был не ее Борис! Какой-то другой, чужой, далекий человек...

Странные звуки, прорезавшие густую темноту... Внезапно. Обернувшись, Алиса с ужасом увидела, как из тьмы на нее смотрят... глаза. Алые горящие точки, которым с трудом можно было бы дать подобное определение. Через пленку, похожую скорее на то, что остается от потрохов, проглядывали белесые мутные зрачки.

Взгляды словно бы прожигали ее насквозь. И омерзительный, пробирающий до костей шепот. Запах гнили... Она не понимала ни слова, но от этих тихих, хриловатых, высоких голосов кровь стыла в жилах.

Резкий поворот. Алиса прижалась ближе к Тилингу, с ужасом смотря в его равнодушные глаза. Он перехватил ее руку, прижал ближе, а затем... просто отпустил. Омерзительные, покрытые сероватыми нарывами обрубки, похожие, скорее, на лапки каких-то насекомых, потянулись навстречу. К ней...

«Нет!»

Хватая за платье, касаясь нежной кожи.

— Не надо! Нет! Ну пожалуйста! – сорвавшимся от безумного страха голосом. Скорее хрип...

Алиса отчаянно закричала, но поток света, окружавший ее и адъютанта, рассеялся во мраке так же неожиданно, как и возник. Черты адъютанта медленно растворялись во тьме, отдаляясь от нее. И только его лицо оставалось таким же бесчувственным, безучастным...

Голоса были повсюду. Женщина сходила с ума. Ей казалось, что она слышит их у себя в голове, чувствует отвратительные прикосновения грязных конечностей везде. Они царапали ее, сдирали кожу. Что-то омерзительно липкое. Разъедающее... Густой, беспросветный мрак. Отчаянный крик, безраздельный ужас.... Алиса в страхе пыталась вырваться, бежать, но неестественные в своей тошнотворной отвратности существа словно были везде, повсюду, куда бы она ни повернулась. Горящие глаза, облепленные струпьями руки, леденящий душу детский смех... Они швыряли ее и , казалось, желали просто разорвать на части. Женщина закрыла лицо руками, задыхаясь от собственного крика и бесконечного страха. Оступилась... Не удержала равновесие и упала... В чьи-то теплые руки. Почти что теряя сознание, захлебываясь слезами и дрожа от пережитого ужаса, Алиса все же ощутила, как кто-то осторожно сжал ее в своих объятиях. И вдруг поняла, что кошмар для нее кончился. Осталось только это теплое, уверенное, спокойное объятие и чувство защищенности. Ощутила такое знакомое и ласковое прикосновение чьей-то руки на виске... и поняла, что уже не спит.

В свете полной луны она увидела обеспокоенное лицо склонившегося над ней мужа. Женщина часто дышала, ее щеки были влажными от слез. В волнении она чуть приоткрыла рот... Сергей Владимирович аккуратно провел ладонью по ее лбу, убирая с него растрепавшиеся в беспокойном сне пряди волос.

В следующий момент Алиса приподнялась и отчаянно прижалась своими губами к губам мужа. Он, видимо, оторопел, не ответил. Вряд ли она понимала, что делает... Но как теперь ей нужно было тепло! Успокоение... Хотя что-нибудь... Алиса, дыша лихорадочно и часто, наклонила голову, едва касаясь кончиком носа его лица, зажмурилась и углубила поцелуй. Почувствовала, как он подался ей навстречу, ощутила его прерывистое дыхание. Так прекрасно, горячо, самозабвенно... необходимо... Пробивавшееся сквозь занавеску тусклое лунное сияние осветило два слившихся силуэта. Алиса, не прерываясь, поднесла руку к его щеке, проводя по ней пальцами, чувствуя, как он осторожно покусывает ее губы, и продолжила... страстно, отдаваясь этому головокружительному порыву после пережитого кошмара. Сергей Владимирович, прикрыв глаза, прильнул к ее полуоткрытому рту губами, мягко лаская ее языком. Алиса тихо застонала, отзываясь на его теплые, чувственные прикосновения, ощущая, как он проникает глубже, слегка отклонила голову назад. Ей не хватало дыхания, но она не хотела прекращать... не могла оторваться от него... Осоргин отстранился первым, мягко пресекая ее попытки найти его губы, слегка надавливая рукой на ее живот и заставляя лечь. Алиса послушно выполнила его желание, не отрываясь, смотря на мужа. В темноте ее глаза удивительно блестели.

— Отдыхай, Алиса, — он осторожно поцеловал ее, слегка разочарованную, удивленную, в лоб, и женщина уже не увидела, как Сергей Владимирович тихо вышел из комнаты, потому что усталость наконец взяла свое. Она провалилась в глубокий, ровный, спокойный сон...

Воспоминания

Весна. Прекрасное время, полное мечтаний и надежд. Природа приходит в себя после нескольких месяцев жестоких холодов и безжизненной пустоты. Мир словно бы воскресает, подобно Фениксу, являя свою красоту, как какое-то чудо: на кажущихся мертвыми сухих черных ветках неожиданно распускаются нежные листочки, застывший воздух наполняется смелым щебетанием птиц, живыми звуками. Оцепенение, длившееся три долгих месяца, постепенно спадает, давая волю всему, что хочет увидеть свет и начать дышать...

Алиса Подольская смотрела на всю эту красоту, сидя на широком деревянном подоконнике, держа в руках книгу. Как жаль, что пока еще нельзя выходить: слишком холодно, а у нее, как назло, совсем недавно прошел кашель. Только и остается, что наблюдать за бегущими по садовым дорожкам ледяными ручьями, да смотреть на колышущиеся под легким ветром ожившие темные ветки. Взгляд скользил по мелко напечатанным строкам, не оставляя читательнице времени вникнуть в их смысл. Алиса неожиданно открыла для себя, что уже несколько минут перечитывает одну и ту же страницу. Мысли норовили унести юную леди куда-нибудь подальше от мирской суеты. Она любила читать романы. Как бы это ни было просто, но ей нравилось все то же, что и любой девушке ее возраста: мечтать. О будущем, о браке... ну и, конечно же, о любви. Любовь... Сколько было для нее в этом

слове волнительного, пленяющего душу, неизведанного... Она ждала этого, кажется, сколько помнила себя, но почему-то сама не знала, отчего ожидание этой любви вдруг стало неотъемлемой частью ее жизни. Какая-то половина ее неосознанно хотела узнать это чувство, какая-то пугалась: а что будет потом? Что ждет Алису, когда она станет женой, когда у нее, возможно, будут дети... Этого она почему-то страшилась более всего. Наверное, потому что сама все же еще была ребенком. Если уже не внешне, — все-таки Алиса теперь была скорее молодой девушкой, нежели девочкой — то внутри она была неопытна, наивна и склонна к чрезмерному витанию в облаках.

Что такое отношения? Признания, смущенный шепот, будто бы случайные прикосновения, взгляды... Она видела романтику во всем, что, наверное, было неплохо для девушки ее возраста. Безраздельное посвящение себя друг другу, счастье от возможности просто побыть вместе, далеко идущие планы и идеи... Она не сомневалась, что встретит человека, способного принять ее такой, какой она была, понять ее и во всем разделить ее взгляды. А так же любить. Любить безгранично и преданно, посвящая всего себя их любви. А как же могло быть иначе?

В своих мечтах она даже видела его. Красивый молодой человек. Высокий, стройный... С большими, немного наивными, голубыми глазами. Как у нее... Алиса провела кончиками пальцев по волнительно вздымающейся груди. «И он обязательно поймет, что я та, кого он искал всю свою жизнь...» По-детски милая улыбка тронула ее губы, а на щеках появился румянец.

Мечтания Алисы оборвал высокий женский голос:

— Алиса! Где ты пропадаешь? Собирайся, вечером бал у Довголевских. Давай, Алиса, а то ты еще даже не примеряла платье!

«Ах, точно! Сегодня же бал! Надо быть неотразимой! Думаю, то светло-розовое платье будет смотреться просто восхитительно», — она свесила ноги с подоконника и, отложив в сторону так и не прочитанную книгу, легко спрыгнула с него, поспешив к ожидавшей ее Екатерине Сергеевне.

***

Предположения не оправдались. Вовсе. Тогда Алиса еще не знала, чем обернется для нее тот бал, и что конец ее волшебным представлением мадам Истрицкая положит буквально через месяц.

— Алиса! — без стука вошедшая в комнату женщина пребывала в странном оживлении. — Могу поздравить тебя: ты выходишь замуж! Сергей Владимирович Осоргин сделал предложение. Через три недели свадьба. Все-таки чтобы мужчину заставить пойти под венец, женское влияние просто необходимо! Ничего они без должного давления не делают... Кажется, девицы свою свободу ценят не столь сильно, сколько они. Ну да Бог с ним. Готовься, моя милая! — Екатерина Сергеевна потерла руки с таким видом, словно только что заключила крайне выгодную сделку и продала какой-то не слишком дорогой товар весьма удачно.

Девушка не могла вымолвить ни слова. Потрясенная до глубины души... «Предложение?! Мне?» — Алиса дышала часто, едва приоткрыв рот. Взгляд ее метался от одного предмета к другому, ни на чем не сосредотачиваясь. Словно гром среди ясного неба... «Я выхожу замуж... Я выхожу... замуж...» она уже не слышала, что еще воодушевленно говорила Екатерина Сергеевна. Все ее мысли были теперь

заняты столь неожиданно пришедшей новостью. И тут только до нее дошел весь смысл сказанного. «Замуж за Сергея Владимировича Осоргина...» От волнения ей чуть не сделалось дурно. Благо ее покровительница оказалась рядом, вовремя успев подхватить Алису под руку.

— Ну, ну, милая! Довольно терять сознание! Хотя не могу не согласиться: последний раз твой обморок был весьма кстати — она усмехнулась, усаживая девушку на кровать. — Но сейчас не надо, — она быстро подошла к столику, взяла хрустальный графин, налила полный стакан воды и подала пытающейся прийти в себя от потрясения воспитаннице.

— Приводи себя в порядок и спускайся: надо будет обсудить с тобой кое-какие детали предстоящего мероприятия. Ох уж эти мне юные девицы! Столько с вами хлопот...

Женщина вышла из комнаты, оставив Алису в полном смятении.

— Да как же это... Так скоро... И, — она в растерянности сжала свою прелестную головку ладонями, — за Осоргина...

Нет. Это было невозможно! Невозможно... Совсем не так она представляла себе свое будущее. Совсем. Того, за кого ее отдавали, она едва знала. Видела все пару раз: на балу, да несколькими месяцами ранее, причем совершенно случайно, когда с Екатериной Сергеевной покидала дом ее давней подруги, на улице. Шел снег, и Алисе едва удалось разглядеть человека в черном пальто, уверенно идущего куда-то мимо нее. Мужчина на несколько секунд остановился возле них, чтобы поздороваться, и поспешил дальше. На девушку взглянул мельком, быстро кивнув ей в знак почтения. Алиса смущенно опустила глаза. Тогда он проявил к ней совершенно мимолетный интерес. Такой, какой проявляет любой, кто вынужден ответить на вопрос о том, где находится тот или иной дом или улица. Но оказалось, что мадам Истрицкая была хорошо осведомлена о том, кем был этот, с точки зрения Алисы, незнакомец.

— Из министерства. Занимает высокое положение и со временем только улучшает его. Не женат, что особо примечательно...

Впрочем, Алиса тогда не обратила ровно никакого внимания на слова приемной матери. Ей было не до того... Да и как может заинтересовать юную шестнадцатилетнюю девушку мужчина, который, судя по всему, был более, чем вдвое старше нее? Знала бы она тогда, какую неожиданность преподнесет ей судьба...

Сергей Владимирович был человеком, которого уж точно никак нельзя было назвать пределом мечтаний Алисы Подольской. А скорее, полная противоположность ее представлений об идеальном мужчине. Он не был стар, но уже давно перешагнул тот порог, когда юные представители сильного пола только начинают строить свою карьеру и заявлять миру о своей значимости. Хотя для Алисы его возраст был таким, в котором, по ее мнению, уже пора задумываться скорее о составлении завещания, чем о женитьбе. Темные волосы, тронутые сединой, средний рост, едва заметные, но все же различимые морщинки на лбу. И серые, как предгрозовое небо, глаза... В любой другой ситуации она не обратила бы на него особого внимания. Ничего, что Алиса могла бы счесть красивым, в нем не было, но и ничего плохого сказать о нем девушка бы также не смогла. Теперь же, при подобных обстоятельствах, Сергей Осоргин стал для Алисы воплощением кошмара. Стоило

только представить, что с ним она, вероятно, проведет весь остаток своей жизни, не имея возможности изменить свой выбор, как по ее спине пробегали мурашки. Наверное, это был именно тот страшный сон, от которого девушка с криком просыпалась по ночам, а потом лежала в постели, не в силах заснуть, вся во власти ужасных, горестных мыслей...

***

Впрочем, вскоре Алисе пришлось принять тот факт, что «страшный сон» станет неотъемлемой частью той реальности, в которой она жила. Хотя теперь уже ее волновали совсем другие обстоятельства. Смириться со своим новым положением она смогла достаточно быстро. В отличие от ее ожиданий, Сергей Осоргин оказался совершенно не тем человеком, каким она его себе представляла. Спокойный и сосредоточенный — таким она могла видеть его почти всегда. Вернее тогда, когда он бывал дома. Потому что вскоре Алиса открыла для себя, что, в основном, она была предоставлена исключительно самой себе. Сергей Владимирович большую часть дня проводил в министерстве, приходя домой лишь под вечер. Сначала девушке казалось, что в этом и есть ее счастье. Одна! Впервые в жизни она была вольна делать то, что считала нужным. Более того: возможность не видеть не слишком любимого супруга невероятно грела душу.

Но опьянение собственной свободой продлилось недолго. Нет, в теперешнем положении Алисы никаких изменений не произошло — все так же шло своим чередом. Изменилась она сама. Стремительно, неожиданно для самой себя. Вскоре она поняла, что совершенно странным образом начала скучать по тем редким минутам, когда Сергей Владимирович бывал дома. Сначала Алиса не могла признаться в этой удивительной особенности самой себе. Но как бы девушка ни пыталась обмануться, все чаще ей приходилось замечать, как она бессознательно смотрела на часы, прикидывая, сколько еще осталось времени до возвращения супруга. Это было странно. Она никак не могла объяснить себе, почему это так волнует ее. Возможно, дело было в том, что девушке — а вернее, уже молодой женщине — было просто-напросто не с кем даже поговорить. Слуги были не в счет. Алиса вскоре поняла, что круг людей, с которыми она имела возможность общаться, был весьма ограничен. Может быть, некую роль играло и то обстоятельство, что изменения в ней были не только духовного характера, но и физиологического. Она чувствовала это и боялась... От природы склонная к вере во все сверхъестественное и потустороннее, Алиса вполне серьезно относилась к религии и считала испытываемые ей эмоции и желания порождением греха. Но сделать с этим ничего не могла. Новая сторона жизни, недоступная ей ранее, была слишком соблазнительна и манила юное создание, не оставляя девушке никаких шансов на спасение. Коря себя за слишком бурные фантазии и проявления чувственности, она была не в состоянии справиться с возникавшим вихрем эмоций, который испытывала теперь, даже просто ощущая прикосновение мужа к своей руке, смотря в его глаза... Это было необъяснимо. Это пугало.

Она не понимала его. Не понимала во многом. Ни хода мыслей, ни сочетания твердости характера и спокойствия, ни какой-то степени цинизма вместе с нежностью и, скорее, снисходительностью, которые он проявлял по отношению к ней. Но то, что было непонятно ей вовсе — безграничная преданность своей службе.

Если и были моменты, когда Сергей Владимирович не возился с бумагами, то крайне редко. Алиса очень скоро осознала, что эта черта определяет весь его образ жизни. Для Осоргина основополагающими являлись продвижение по карьерной лестнице и поддержание положения в обществе. В обществе, мнение которого он не сильно чувствовал, полагаясь, в основном, на свой опыт и здравый смысл. Но в то же время понимая, что жизнь его и его семьи протекает именно среди этих людей, и от их рассуждений, отношения и взглядов зависит очень и очень многое. И эта странная двойственность юной мадам Осоргиной также была непонятна. Как можно общаться с теми, мнение кого ты нисколько не воспринимаешь всерьез, при этом стараясь казаться подобным им? Алиса, еще слишком юная и неопытная, искренне удивлялась этому.

Сергей Владимирович уходил рано. Алиса зачастую еще спала, поэтому увидеться с ним могла только вечером. Да и то... Иногда он, ссылаясь на сильную занятость, задерживался допоздна. И тогда девушка, уже лежа в постели, прислушивалась, пытаясь уловить знакомые мягкие шаги и тихий скрип половиц. Он всегда входил неслышно, стараясь не будить ее. Но все же, услышав за своей спиной шорохи, она вся подавалась навстречу кому-то большому и теплому, едва различимым силуэтом выделявшемуся в темноте. И чувствовала прикосновение сухих губ к своим губам, тепло мужской руки на спине...

Алиса жила этими моментами. Потому что наступавшее своим чередом новое утро она зачастую встречала одна. Бессознательно вытянутая во сне рука обнаруживала лишь смятые простыни. Отражавшийся в только что открытых глазах свет обещал Алисе долгие, томительные минуты и часы одиночества... И тогда ей казалось: а может, все произошедшее ночью было лишь сном? Вот она снова одна. Может, ничего другого и не было вовсе?

Чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых мыслей, молодая женщина пробовала заниматься тем же, чем и в прежней своей жизни: чтением, вышиванием. Тем, что всегда успокаивало и позволяло скоротать время. Но все же Алиса, как истинная дочь Евы, — причем, именно к ней это определение можно было применить в самой, что ни на есть полной мере — была склонна слишком большое количество времени посвящать иногда совсем ни к чему появлявшимся размышлениям. Может, именно таким образом и возникает ничем не подтвержденная уверенность в собственной ненужности и покинутости? Разве заслужила она такое? Нет... В свои юные годы Алиса склонна была думать, что даже для человека, взявшего ее в жены, она, по большому счету, была не слишком важна. Да он никогда и не стремился это опровергнуть. Выражения чувств, которые, как считала Алиса, нормальны для влюбленных людей, были ему несвойственны. Во всяком случае, пламенные речи и страстные признания — это то, чего от Сергея Осоргина никак нельзя было ожидать. Из всего этого для Алисы, не способной в силу своего характера понять никакие другие проявления любви и привязанности, следовал вывод о том, что она в этом доме играла роль всего лишь украшения. Изящного, дорогого. Способного подчеркнуть статус владельца и послужить предметом восхищения тех, кому довелось увидеть милую безделушку. Но более смысла в ней не было...

Говорить об этом с мужем она не решалась. Нет, он никогда не давал ей повода бояться каких-либо его действий, но Алиса все же чувствовала, что за внешней

умиротворенностью скрыт твердый характер, и спорить с таким человеком — дело рискованное. Скорее всего, ее страх был подобен тому, что дети испытывают к своим родителям, боясь быть осужденными за свои мысли, а потому не проявляющими особого желания распространяться о своих идеях.

Один раз Алиса, собравшись с духом, все же решилась на разговор. Как назло, Сергей Владимирович в этот день задерживался, но женщина твердо решила дождаться его возвращения и не торопилась ложиться. Скрип входной двери. Щелчок замка. Алиса почти что сбегала вниз по лестнице и увидела вошедшего Осоргина, снимавшего черное кашемировое пальто. Услышав шаги, он поднял голову, и Алиса изумилась: таким уставшим она его еще не видела... Серые глаза смотрели с какой-то грустью и опустошенностью. Он сейчас казался даже старше своего возраста. Редкие морщинки на лбу почему-то теперь выделялись особенно явно. Сергей Владимирович улыбнулся краешком губ, хотя было видно, что даже это ему далось с трудом.

— Алиса... Почему ты еще не спишь? Час уже поздний... Впрочем, я все же очень рад видеть тебя.

Он, сняв верхнюю одежду, подошел к ней и, осторожно приобняв, коснулся губами ее щеки, на секунду прикрыв глаза. Наверное, именно в такие моменты Сергей Владимирович понимал, что, несмотря на какие бы то ни было проблемы и жизненные неурядицы, быть счастливым не так уж и сложно. Алиса тихо замерла. Пренная ее решимость исчезла в один момент. Может, и не стоило начинать все это? Но она слишком долго готовилась и собиралась с мыслями. Возможно, другого шанса у нее не будет.

— Сергей Владимирович, — произнесла она, когда Осоргин уже собирался подняться наверх, — мне нужно с вами поговорить.

О чем? Именно теперь? Все мысли мужчины сейчас были о том, чтобы без происшествий дойти до своей комнаты и успеть раздеться перед тем, как упасть на постель. Вряд ли он теперь способен на нечто большее. Впрочем, может, ее беспокоит действительно что-нибудь важное?

— Хорошо... Пойдемте ко мне, если это так необходимо...

Разрушить чужую жизнь – хорошее средство внести в свою нечто новое

Алиса шла за мужем по темному коридору. Тусклый свет едва освещал его стены: свечи уже догорели, а новых слуги не зажигали, так как был поздний вечер. Некоторые оставшиеся огоньки неярко мерцали в маленьких озерцах расплавленного воска.

Они дошли до комнаты Осоргина. Сергей Владимирович, слегка надавив на дверь, открыл ее и пропустил Алису вперед. Его рабочий кабинет. Здесь уже и вовсе царил мрак, только свет уличного фонаря едва пробивался через приоткрытые

шторы. Алиса прошла на середину комнаты и остановилась, ожидая, пока муж зажжет свечи. Когда начавшие разгораться огоньки сделали возможным свободно ориентироваться в пространстве, женщина наконец смогла оглядеться. Небольшая комната, аккуратно убранная, производила приятное впечатление. Алиса бывала здесь крайне редко: не было особой необходимости, так как за исключением рабочего стола, на котором идеально ровными стопками лежали какие-то бумаги, и большой двуспальной кровати, находившейся за стенкой, в ней не было ничего примечательного. Впрочем, бумаги лежали не только на столе, но и на полу, так что передвигаться приходилось с осторожностью, чтобы случайно не сбить ту или иную стопку. Алиса почему-то вспомнила, как когда-то стала свидетельницей бурных разбирательств Сергея Владимировича с молодой служанкой, видимо, ненароком при уборке куда-то девшей какой-то очень важный документ. Впрочем, «неважных» бумаг здесь и не было. После того случая Глаша стала относиться к хозяину с опасением, боясь сказать или сделать что-либо не то. Алиса предпочитала просто не вмешиваться в рабочий процесс мужа, лишней раз не вторгаясь в его пространство.

Осоргин жестом пригласил ее сесть. Алиса опустилась на деревянный стул, стоявший возле письменного стола. Удобный, но все же жестковатый. Видимо, для того, чтобы не было соблазна уснуть прямо за работой. Судя по всему, хозяин покоев имел привычку заниматься своими делами по ночам. В те редкие дни, когда мужчина все же оставался дома, он занимался делами службы прямо здесь, о чем говорило потертое металлическое перо и повидавшая виды чернильница.

Сергей Владимирович пододвинул себе кресло, стоявшее в углу комнаты, предварительно убрав оттуда кипу конвертов.

— О чем же вы хотели поговорить? — произнес он, устраиваясь поудобнее и машинально растирая уставшие кисти рук.

Алиса не знала, с чего начать. Почему-то ее затея показалась ей теперь крайне неуместной. Не так она все это себе представляла... Да и что она ему скажет? Что он, по ее мнению, слишком много времени проводит в министерстве, а она чувствует себя покинутой и ненужной? Что ей тесно в этом доме, будто бы давящем на нее? Что она устала постоянно чего-то ждать? Почему-то все проблемы, которые женщина еще днем так ясно вырисовала в своем воображении, теряли свою убедительность под каким-то измученным взглядом серых глаз Осоргина.

— Сергей Владимирович... — она начала нерешительно, сбивчиво. Затем все же собралась с духом и закончила мысль, — мне кажется, вас слишком часто не бывает дома. Я... не знаю, отчего-то это гнетет меня... Может, это, конечно, и глупость, но... я обеспокоена... — Алиса украдкой взглянула на мужа, а затем устремила свой взор на рисунок на полу, внимательно рассматривая его. Почему такие простые вещи даются ей с таким трудом? Откуда этот непонятный страх?

— Алиса, — Осоргин, прикрыв глаза, потер переносицу. Как она уже успела заметить, этот жест он часто повторял, будто бы по сотому разу объясняя маленькому ребенку какую-то простую истину. — Мне приятно слышать, что вы обо мне беспокоитесь. Но вы можете предложить что-нибудь лучшее? Я совершенно согласен с тем, что заниматься делами службы мне приходится в очень большом количестве. Но, честно говоря, никогда не слышал, чтобы люди, которые ничем не занимаются, достигали каких-либо успехов. Приходится либо работать, либо

заключать брак с тем, кто работает, — при этих его словах Алиса покраснела, нервно сжав пальцы. — А потому вся забота о благополучии семьи лежит на моих плечах. Скажу прямо, помещик из меня так себе, и подобный образ жизни я представляю очень слабо. Поэтому стараюсь делать то, что, смею думать, мне дается весьма неплохо, — он откинул голову на спинку кресла и, подводя итог своей речи, произнес:

— Высокая должность предусматривает большое количество обязанностей.

Алиса молчала. Да и что могла она ответить на приведенные супругом доводы? Действительно, он во всем был прав. Вот только ей от этого было не легче...

— Послушайте, Алиса, — он заговорил с ней тише и мягче, — Я делаю все, что в моих силах. Но поймите, что я всего лишь человек. Жить две жизни одновременно у меня не получится. К тому же, кажется, у вас самой не слишком много каких-либо важных дел. Я понимаю, что в вашем возрасте сидеть затворницей в собственном доме — это последнее, что хочется делать молодой женщине. Что ж, попробуйте найти себе знакомых. Кажется, не все те люди, с которыми мне по долгу службы приходится общаться, и которые бывают у нас, столь отвратительны. Думаю, вы легко сможете найти себе компанию. Послезавтра, кстати, у нас обедают княгиня Ставринская с мужем...

Алиса внутренне содрогнулась. Приемы она не любила совершенно. Много шума, много людей... Одинаковые улыбки и слова. Притворное восхищение и лесть. Она была женой советника министра финансов, а потому к ней все это относилось вдвойне. И приходилось улыбаться в ответ, будто бы надевая какую-то маску, должную изображать веселье, но вышедшую крайне уродливой...

— Да... Я все поняла.

Алиса поднялась со стула, собираясь уходить. Действительно, начинать все это было совершенно незачем. Проблемы-то, в общем, и нет... Но тихий голос прямо за ее спиной заставил ее остановиться и обернуться.

— Перестань волноваться понапрасну. Ты слишком много думаешь, Алиса. И не о том, о чем нужно... Постарайся успокоиться и сделать, как я сказал.

С этими словами Осоргин, приподняв ее лицо, поцеловал ее в лоб, а затем, уже задержавшись, прильнул к губам. Алиса послушно ответила ему. Как же не хотела она, чтобы этот момент прерывался... Почему нельзя, чтобы так было всегда? Почему новый день всегда приносит новые испытания? Что ж, кажется, он что-то говорил насчет приема...

***

Ночной город. Снег, вихрем кружащийся над промёрзшей, мертвой землей. Стук каблучков о мостовую... Алиса практически бежала по заснеженному тротуару. Слезы, катившиеся по щекам, застывали на ветру, холодея кожу, но женщина не обращала на это ровным счетом никакого внимания. Она встретила его... Она позволила ему себя поцеловать! Нет... Это сон! Она сейчас же вернется домой, и все растворится, останется лишь в ее воображении... Этого просто не может быть!

Молодой человек, с которым она говорила... Неожиданно для себя она обнаружила, что ее интерес, кажется, стал слишком уж явным. Отчего бы это? Да, он был с ней мил, и... Алисе тогда пришло в голову, что у них гораздо больше общего, чем могло показаться на первый взгляд. Что ж, ей часто приходилось общаться с

начитанными, сведущими людьми. Но здесь было что-то иное... Смотря на него, смеясь удачным шуткам и бессознательно играя прядью каштановых волос, она вдруг подумала, будто знала его давно... Очень давно... Видела... Может, в своих детских снах? В далеком прошлом...

Они уже встречались. У нее в доме. Странная ирония? Или же судьба... Его отец, граф, был знакомым ее мужа. И почти ровесником... Какие-то вопросы, касавшиеся общих дел... Алиса совершенно в этом не разбиралась. Но положение хозяйки обязывало принимать участие и в таких разговорах.

На удивление, граф появился в их доме не один. Молодой человек, следовавший за мужчиной и поначалу вызвавший лишь вежливый интерес Алисы, оказался его сыном.

Пожалуй, внимание Алисы привлекло то обстоятельство, что растерянность юноши была такой же, как и ее собственная, и они оба совсем не понимали, о чем же идет речь. Принимая в беседе весьма посредственное участие, женщина по обыкновению думала о своем... Вопросы введения акцизных марок на вино-водочные изделия и табак ее мало беспокоили. Впрочем, вскоре Алиса обнаружила, что юноша так же не слишком рьяно поддерживал отца в его рассуждениях. Отстраненный вид... Тогда она чуть было не рассмеялась этому открытию. «Взрослые» разговоры, которые были так скучны... Ведь они тут были совсем лишними.

Странное тепло, разлившееся внутри, когда она встретила с ним взглядом... Понимающая, будто бы извиняющийся улыбка... Смешная, но такая милая ... И когда он ушел, что-то внутри странно шевельнулось. Затрепетало... Алиса потрясенно сидела на месте, не имея сил как-то назвать то, что произошло только что между ними.

Лишь вопрос мужа о ее самочувствии вывел Алису из состояния задумчивости. Дань вежливости... По его лицу она видела, что разговор будто бы не принес Сергею Владимировичу удовлетворения. Поинтересовалась, что было не так. Быть может, не удалось заключить договор или граф сказал что-то нежелательное...

—Граф хороший человек, - немного подумав, ответил Осоргин. - Все прошло как нельзя более удачно. Но он столь сильно печется о благе своего нерадивого сына, что мне становится его жаль... — улыбка скорее печальная. — Нынешнее поколение слишком мало ценит те усилия, которые прикладывают родители молодых людей, пытаясь обеспечить им положение, мнение в свете... Думаю, и в этом случае препятствий у юноши не будет. Но в двадцать лет столь сильно зависеть от своего родителя, живя на его деньги и прожигая собственную жизнь... Нет, мне все же не удастся понять подобный... *infantilisme*. Ни к чему хорошему такое обыкновенно не приводит.

Алиса пожалала плечами. Она не была согласна, но не стала говорить ничего против. В конце концов, это замечание могло бы иметь отношение и к ней самой...

Через неделю она встретила его снова.

Конец. Для нее это был конец...

Вечер у княгини Жульен. Алиса присутствовала на нем одна: у Сергея Владимировича в тот день не было свободного времени. Что, впрочем, для нее не стало новшеством... Общество подруги довольно благоприятно влияло на Алису, и

никто не смог бы допустить предположения о том, чем может закончиться подобный визит...

Вспоминала, как Борис сам подошел к ней, завязав, казалось бы, совершенно непринужденный разговор... Он тоже нашел забавным то положение, в котором оказались они при первой их встрече. Но в то же время и внимание, проявленное к ней со стороны адъютанта, показалось ей чуть большим, чем должно проявлять к уважаемой светской даме, состоящей в браке. Принятые этикетом любезности и фразы перешли в совершенно искренний смех и гораздо более личные темы... Пара бокалов вина...

Алиса не могла понять, чем молодой человек так не приглянулся ее мужу. Да разве же он плохой? Нет, нет... Ведь это совсем не так. Просто он не знал его так, как она. Не мог узнать...

Пробежавшая искра. Что-то, напрочь затмившее собой здравый смысл... Вечер, пролетевший столь незаметно... Столь быстро.

В доме стало душно. Алиса сама не заметила, как рука неожиданно очутилась под локтем нового знакомого. Сад... Да, так действительно лучше. Как же кружится голова...

Пронзительные голубые глаза смотрели в самую душу. И она не смогла остановиться, не смогла помешать ему после... Да как же это так вышло? Алиса до сих пор чувствовала на своих губах тот поцелуй. Такой нежный и вместе с тем невероятно страстный. И тот взгляд.... Она ведь должна была оттолкнуть его, должна была возразить! Дать пощечину! Неслыханная дерзость... Но почему-то не смогла. Не сумела. Или не захотела?

Бушующая стихия, казалось, была отражением того, что чувствовала Алиса в этот момент. Она не верила, не могла поверить в то, что произошло. Что она наделала? Она замужняя женщина, и сотворенное ею — преступление. Страшное, тяжелое... Боже, а если ее кто-то видел? Алиса сжала пальцами ткань пальто, ускорив шаг.

Зря она вообще сюда приехала. Да, заняться дома ей было особо нечем, но надо же уметь держать себя в руках! Да и что это на нее нашло? Много ли вокруг было молодых людей разного рода, а иногда и очень даже привлекательных. У нее, наверное, помутилось сознание, если она позволила такому произойти... Да что же это? Никак не удастся унять дрожь...

Нужно бежать. Скорее бежать отсюда! Пересечь сад, быстрее очутиться в карете... и домой... Домой... К сыну! И мужу...

Как она теперь посмотрит ему в глаза? Что она натворила... Нельзя было ехать к княгине, нельзя оставлять дом... Она вспомнила слова Осоргина: «Ты можешь нанести визит госпоже Ставринской. Думаю, она вполне сумеет тебя развлечь. Кажется, я тебе этого не запрещал». Вспомнила, как он задумчиво посмотрел на нее, а затем добавил: «Только, прошу тебя, недолго. Договоримся, что ты будешь дома до одиннадцати. Мне кажется, этого вполне достаточно. Не забывайте, сударыня, что у вас есть семья». Последние слова были произнесены полушутливым тоном, но для Алисы сейчас они звучали подобно приговору. «Не забывайте, что у вас есть семья...». А она забыла... Забыла...

***

— Послушайте, что вы себе позволяете? Я требую объяснений!

Алиса без стука ворвалась в кабинет мужа. Сергей Владимирович, аккуратно выводивший что-то на очередном листе, от неожиданности выронил из рук перо. Повернулся к разгневанной женщине, постаравшись все-таки скрыть свое искреннее удивление от ее бесцеремонного поступка, снял пенсне с голубоватыми стеклышками, положив его на стол.

— А теперь разрешите и мне спросить: что вы позволяете себе? Какой проступок был мной совершен, что вы считаете возможным начинать разговор подобным тоном и чего-либо требовать?

Алиса замялась. Она была рассержена, но весь запал мгновенно исчез под взглядом Осоргина. Его слова подействовали на нее, как упрек отца действует на дочь, позволившую себе лишнее. Конечно, отца в жизни Алисы почти что не было, и уж точно он не смог бы отчитывать ее за плохое поведение. Но если бы мог, то, наверное, делал бы это именно подобным образом.

— Почему ко мне приходит гувернантка Федей и говорит, что вы ее рассчитали?

— А вы не знаете? — в голосе Осоргина проскользнули стальные нотки. — Она позволила себе его ударить.

— Но... — Алиса не знала, что ответить. О таких деталях она осведомлена не была.

— Вообще-то я, кажется, поручал вам озаботиться вопросом поиска мадам для присмотра за Федей. И что в итоге? Почему женщина, которой вы доверили воспитание нашего сына, позволяет себе подобное?

— Может, возникло какое-то недоразумение? Я не верю в то, что это могло произойти... Я...

— Но это произошло, — Алиса видела, что он сдерживает себя для того, чтобы не повысить голос. Осоргин, смотря на нее рассержено, произнес, чеканя каждое слово:

— Никто и никогда не поднимет руку на моего сына. Как его воспитывать — решать исключительно мне, — а затем добавил, отвернувшись от нее, и уже тише:

— Кажется, я здесь единственный человек, который вообще способен что-либо решать...

На несколько секунд воцарилась тишина, нарушаемая только мерным постукиванием пальцев Сергея Владимировича по столу. Алиса не знала, что сказать. В чем она опять провинилась? Она думала, что подошла к этой задаче со всей серьезностью. Да и не слишком ли трепетно он относится к вопросу воспитания сына? Кажется, отцы вообще не склонны вмешиваться в этот процесс, оставляя подобные трудности женскому полу.

— Что ж... Видимо, мне самому придется заняться поисками. Особенно учитывая, что свободного времени у меня «в избытке».

Алиса с силой прикусила губу.

— У вас есть еще какие-то вопросы? — он посмотрел на нее нетерпеливо. — Если нет, то прошу простить, но у меня много работы.

— У вас ее всегда достаточно! — Алиса резко развернулась и вышла из комнаты, не забыв закрыть дверь со звучным хлопком.

То, что подумал Осоргин, смотря вслед неблаговоспитанной супруге, он бы никогда не произнес вслух. Сергей Владимирович глубоко вздохнул, беря в руки перо и пытаясь снова сосредоточиться на бумагах.

Что же с ней опять такое? Откуда взялись эти резкость и несдержанность? Алиса прислонилась спиной к стене. Щеки ее пылали. От стыда ли, от досады... Она не знала. За что она так накинулась на него? В чем была его вина? В том, что Алиса не видела, не чувствовала того, что могла взять там... В другой своей жизни. Ни слова упрека, ни единого сердитого взгляда... Там... Там она была такой, какой хотела. Такой ее и принимали... Он принимал...

Вот и все. Все кончено. Во всяком случае, ее достойная жизнь. Падшая женщина... А ведь не прошло и двух месяцев с момента их встречи...

Закрывает глаза. Кажется, что за последние полгода в их семье не произошло никаких перемен. Но то была лишь видимость. Все изменилось. Она изменилась. Она изменила...

Все произошло гораздо раньше. Наверное, еще там... Та встреча... Если она и могла остановиться, то только тогда. Теперь же было действительно поздно. Их отношения с Борисом зашли слишком далеко, и то, что случилось, было всего лишь закономерностью...

Можно было сказать, что она ошиблась, оступилась, поддалась эмоциям. Но все же в глубине души Алиса знала, что хотела этого. Теперь безумный порыв оставил ее смотреть уже на последствия своего падения. Жалела ли она? Алиса не знала... Не могла ответить самой себе. Это было слишком тяжело. Те минуты, мгновения, когда она, казалось, растворялась в чувстве совершенного счастья, оборачивались для нее часами терзаний, мучения от собственного обмана и лжи...

Она хотела прекратить... отпустить, забыть... Но что именно? Ее устоявшуюся благопристойную жизнь? Или ту, другую... Это было сложно, больно... Почему она должна обманывать? Общество, мужа, себя... Что ж, она не нашла любви в своем браке, так может теперь вершится ее судьба?

Почему так поздно? Почему он не пришел раньше, когда она еще была свободна, когда ждала его? Почему пять лет вынуждена она была думать, что так и должно быть и будет всегда? Нет... Их любовь была другой. Живой, настоящей... С ним не было «надо», было «хочу». Не было «потом», было «сейчас». Не было обязательств, была свобода. Алиса никогда не ждала его возвращения. Наоборот, Борис всегда встречал ее, торопливо входящую в гостиничный номер, закутанную в шаль, в темной, плотной вуали. Их свидания определялись единственно их желанием. Других препятствий быть не могло. Ни служба, ни усталость, ни какие бы то ни было важные встречи. Только они вдвоем. Вместе...

Впрочем, Алиса и теперь не могла найти себе покоя. Встречи урывками... Осторожность... Многочисленные предлоги... От природы не склонная, да и не умеющая лгать, Алиса чувствовала себя особенно дурно в моменты необходимого притворства и лжи. Но впрочем, придумывать особо изощренные способы обмана не приходилось: Сергей Владимирович вполне доверял ей, полагаясь на ее осознанность. А зря...

Незаконная, порочная связь... Все, чего хотела женщина — обрести наконец счастье. Обыкновенное. Такое же, как у других... Быть законной женой, матерью

детей любимого человека. И казалось, что именно теперь пришло время... Конечно, Борис будет рад, когда она наконец откровенно скажет мужу обо всем, что связывает их, когда она получит развод, когда станет его... Когда они не будут прятаться и... просто будут вместе.

Может и бессознательно, неосознанно она искала этой любви. И нашла... Сначала сомневалась и пыталась противиться тому чувству, что так стремительно разгоралось в самом ее сердце. Но сдалась. Сдалась его жарким словам, признаниям, обещаниям... Тому, чего всегда так хотела ее хрупкая душа.

Бориса Тилинга можно было, не задумываясь, назвать совершенством представлений юных леди об образе «принца на белом коне». Тот самый «высокий брюнет», столь часто встречающийся на страницах дамских романов...

Осанка, стать... Темные волосы, задор и безрассудство. Голубые глаза, которые она так любила... Он, верно, жил лишь сегодняшним днем. Не задумываясь о том, что будет после, следуя лишь своим желаниям. Так он встретил и ее. Как идея закрутить роман с замужней женщиной вообще может прийти в голову? Ответ прост: если ты не задумываешься ни о чем, то и в этом случае беспокоиться не стоит. Алиса была молода и красива. Она всегда обращала на себя внимание, но в этот раз судьба сыграла с ней злую шутку... Впрочем, эта любовь ей казалась даром свыше. Именно так она ее видела, представляла. Такой она ее желала. Алиса и сама редко думала о последствиях своих решений. Так зачем же было что-то менять теперь? Молодой человек быстро вскружил женщине голову. Молодой... Ему, кажется, было даже чуть меньше, чем ей...

Полная противоположность ее мужу. Сергей Осоргин и Борис Тилинг были словно два разных времени года. Осень и весна. Рассудительность и безрассудство. Спокойствие и порывистость. Похожи они были только в одном: оба любили одну и ту же женщину. Одну... И все же по-разному...

Смена обстановки может привести к смене настроения

Недопитая чашка кофе на столе... Грустный, безразличный взгляд перед собой... Алиса сидела в гостиной, устроившись в большом кресле, думая о чем-то своем, монотонно водя кончиками пальцев по обитому тканью мягкому подлокотнику. Обеденное время. Где-то суетились, бегали по дому слуги. Теплый солнечный свет, наполнявший комнату, создавал ощущение спокойствия и умиротворения. Впрочем, Алисе скорее было все равно. Возможно, оно и к лучшему. Ее не душили слезы, не переполняла безудержная радость. Она просто тихо сидела, и в ее голове мысли плыли неспешно, одна за другой. Одна печальнее другой...

Борис... Сколько в этом имени теперь было для нее... невозможного. Боль, разбившиеся надежды, острая грусть... Не получилось... Не с ним. Он не может, не хочет брать ее в жены, нести за нее ответственность... Что ж, видимо, не суждено. А

как по-другому? Может, он поспешил? Может, она неправильно все поняла? Нет... Он сказал ей остаться. Поговорить с ним? Убедить? Какой в этом смысл, если для него вся их «любовь» была лишь очередным развлечением? Если ни к чему более серьезному, чем встречи в холодном номере отеля, он не был готов... Но он же сказал, что можно что-нибудь придумать...

«Что придумать? Что?» — она и сама понимала, что это глупо. Но как теперь жить? Без него... И почему так горько? Больно...

Шаги за спиной. Знакомый голос, отдающий какие-то приказания. Через минуту она увидела фигуру Сергея Владимировича Осоргина, быстрым шагом вошедшего в гостиную. Он не суетился, но был сосредоточен и серьезен. Впрочем, в этом состоянии Алиса выдела его очень часто. Правда, сейчас он не был занят делами службы. А что тогда?

— Алиса... — кажется, разговор он всегда начинал именно так. Обращаясь к ней по имени.

— Да... — женщина ответила, даже не повернув головы. Безразлично.

Осоргин нахмурился. Вся эта ситуация его совершенно не радовала. Что она опять себе надумала?

— Собирай вещи. Я отдал необходимые распоряжения, но по поводу того, что ты возьмешь с собой, решай самостоятельно. Уже обед, так что поторопись.

— Хорошо... — все так же односложно. Равнодушно.

Сергей Владимирович несколько секунд стоял, пристально смотря на жену. Затем подошел, опустился на стоявшее напротив нее кресло, заглядывая ей в глаза.

— Послушай... Я могу предположить, чем вызвано такое твое состояние, и о ходе твоих мыслей догадываюсь. Посмотри на меня, пожалуйста. Я хочу обозначить раз и навсегда: то решение, которое ты сейчас примешь, будет для тебя последним. На твои терзания и сомнения я, говоря откровенно, смотреть не имею ровным счетом никакого желания. Если тебе что-то в моих словах кажется неприемлемым, то ты вольна строить свою жизнь так, как сочтешь нужным. Не в моих силах мешать тебе совершать ошибки. Сдается мне, что как взрослому человеку тебе это должно быть понятно. Запомни: я не держу тебя. В своем выборе ты свободна. Но я хочу, чтобы ты сделала его прямо сейчас. Сгораешь желанием создать новую семью — что ж, доброй дороги. Не вижу смысла пытаться тебя удерживать. Изменить что-либо в твоей уверенности, что там, куда ты пойдешь, будет лучше, я, видимо, не властен. Остаешься, так будь добра вести себя соответствующим образом. Терпеть подобное положение вещей более я не намерен. Пойми: только ты одна способна себе помочь. Я могу лишь поддержать. Все, что сейчас происходит, делается только для того, чтобы ты была счастлива и довольна. Но в том случае, если в этом есть и твое желание. По-другому не выйдет.

Она смотрела на него и на этот раз понимала, что ни сочувствия, ни смягчения своего приговора она не дождет. Слишком серьезен и пронизателен был его взгляд, а слова звучали без тени иронии. Кажется, еще вчера он готов был принудить ее к тому, чтобы остаться, но сейчас дал понять: теперь ответственность за ее выбор полностью лежит на ее плечах. А впрочем, он прав... Идти или остаться... Новая жизнь или прежняя...

— Я, кажется, уже дала свое согласие, Сергей Владимирович, — она взглянула на него измученно из-под своих длинных темных ресниц. — Делайте со мной, что захотите...

Он, казалось, не был удовлетворен ее ответом.

— Тогда прекращайте строить из себя Офелию и займитесь, чем я вам сказал. До вечера все должно быть готово. Я подал прошение, с минуты на минуту должен прийти ответ. Поэтому прошу поторопиться.

Осоргин еще раз посмотрел на нее с каким-то недоверием, о чем-то раздумывая. Внезапно взгляд его наткнулся на пустую наполовину чашку кофе, скромно стоявшую на круглом столике.

— Нет, это никуда не годится. Вам сейчас это будет совершенно бесполезно. Пойду прикажу поставить чай, — вздохнул и добавил, посмотрев куда-то в сторону:

— У меня складывается впечатление, что если и есть какой-либо способ, которым можно себе навредить, то вы обязательно его используете...

Заметив, что взгляд ее из, казалось, на время прояснившегося снова становится задумчивым, Сергей Владимирович раздраженно поискал что-то во внутреннем кармане и, достав оттуда металлическое перо, взяв со стола небольшой блокнот, протянул жене. Алиса с недоумением воззрилась на мужа.

— Поумножайте в столбик. Отвлечитесь.

Затем встал и так же быстро покинул комнату. Алиса долго смотрела на белую гладь бумаги. И снова она чувствовала себя маленьким ребенком. Что за странное ощущение...

Через некоторое время женщина встала с кресла и, обойдя столик, неспешно пошла к себе. «Куда мы едем? А впрочем, есть ли разница... Главное — подальше отсюда...» Она в задумчивости поднималась по широкой лестнице, когда ее взору предстала неожиданная картина: в коридоре возле перил стоял маленький Федя и внимательно слушал опустившегося перед ним на одно колено Осоргина. Судя по тому, как надулся мальчик, то, что говорил отец, ему было явно не по душе. Сергей Владимирович прямо смотрел на сына, держа того за плечи, будто в чем-то его убеждая. При этом его голос был настолько тих, что Алиса не могла слышать даже отдельных слов. Федя смотрел в пол, закусив губу, с крайне обиженным видом. Осоргин легонько тряхнул его за плечи, привлекая внимание, и замолчал, словно бы ожидая ответа. Мальчик наконец поднял голову и, надувшись, тихо произнес: «Хорошо...» Сергей Владимирович улыбнулся, глядя на него с неподдельной теплотой и нежностью. Алиса подумала, что он так же смотрел и на нее. Раньше... Теперь же в глубине этих глаз она видела какую-то невероятную грусть. То, что было там, даже если он пытался это скрыть.

Осоргин притянул сына к себе, обнимая того, осторожно покачивая. Закрыв глаза, словно бы желая навсегда запомнить этот момент, отгородиться от всего мира, держа в своих руках это маленькое существо... На фоне отца Федя действительно казался очень маленьким... Алиса удивилась тому, как невероятно хорошо смотрелись они вместе. Отец и его ребенок... Было в этом что-то непонятное, необъяснимое. Может, сочетание силы, уверенности и хрупкости, незащитности...

Сергей Владимирович наконец поднялся, ласково потрепал сына по волосам и произнес уже нарочито громко:

— Ну все, Федор Сергеевич, остаешься за хозяина. Не подведи меня!

Мальчик мгновенно посерьезнел и с готовностью кивнул. Осоргин легонько толкнул того в плечо, отправляя вприпрыжку бежать к себе в комнату. Затем, развернувшись, заметил стоявшую все это время внизу Алису. Не сказал ни слова, просто посмотрел на нее этим уже знакомым ей взглядом: решительным и... усталым. Это непонятное сочетание... Отошел в сторону, освобождая ей путь, и сам стал спускаться вниз. Алиса обернулась лишь на секунду, но он уже скрылся из виду. Мысль о том, что неплохо было бы узнать, куда они направляются, пришла в голову женщины слишком поздно. Подумала, что стоит пока дать некоторые указания прислуге на время отсутствия, ускоряя шаг...

Как и предполагал Сергей Владимирович, ответ из министерства пришел быстро. Решение было положительным, хоть в письме и высказывалось некоторое удивление по поводу столь внезапной необходимости предоставления отпуска. Впрочем, все это сущие мелочи, когда твоя семья находится на грани распада...

Всего через пару часов Алиса уже сидела в карете, по привычке смотря в окно. На вопрос о том, что станет конечной точкой их пути, Алиса получила ответ «лес». Что ж... Неожиданно. Но, как ни странно, она обрадовалась, услышав это. Пыльные дороги, душный воздух и стук копыт о мостовую плохо влияли на нее. Перспектива побыть хотя бы какое-то время на природе невероятно грела душу. Пожалуй, это была одна из немногих хороших новостей за последние дни...

В дороге она молчала, отстраненно наблюдая за происходящем на улице. Осоргин, сидевший рядом, предпочел не отвлекать ее, словно задумавшись о своем. Да и сил говорить о чем бы то ни было с человеком, упорно не желающим идти навстречу, иногда просто-напросто не хватает. Он уже давно заметил в себе одну особенность: убедить в чем-либо ему удавалось почти что любого. Это могло занять разное количество времени, но в итоге результат бывал достигнут. Кто-то бы мог даже назвать подобную способность даром. Только вот чувство опустошения и совершенной измотанности после подобных разговоров наваливалось и могло не покидать очень долго, в зависимости от того, насколько сложно было договориться с собеседником. Свойство невероятно полезное, и в жизни Осоргин часто пользовался им, как в служебной деятельности, так и в кругу семьи. Но с возрастом такие разговоры давались все сложнее, и, хотя он практически всегда мог склонить беседовавшего с ним на свою сторону, иногда совершенно меняя точку зрения последнего, восстанавливаться после этого приходилось теперь намного дольше и труднее.

Внезапно Сергей Владимирович почувствовал, как его руки коснулось что-то холодное. Повернул голову. С недоумением увидел, как Алиса осторожно дотронулась до его ладони своими пальцами, медленно проводя по ней. Посмотрел на нее. Женщина не поднимала головы, глядя куда-то вниз. Затем совсем неожиданно для него взяла его руку в свои хрупкие ладони, несильно сжав ее. Про себя Осоргин успел подумать, какие же у нее были холодные, слабые пальцы. Алиса некоторое время продолжала хранить молчание, осторожно касаясь его кожи, словно бы вбирая все то тепло, что он мог дать ей. И вдруг мужчина услышал, как она тихо, дрожащим от волнения голосом произнесла:

— Прошу... Не оставляй меня...

Неожиданно подняла голову. Сергей Владимирович с изумлением смотрел в ее блестящие от подступивших слез большие глаза. Столько боли, тоски, отчаяния... мольбы помочь... Он привык к резким переменам в ее настроении, привык к тому, что иногда совершенно не мог этого объяснить. Но сейчас все было ясно. Оступившаяся, сошедшая с пути женщина, сознательно направляющаяся «в никуда», способная своими мыслями довести себя до состояния совершеннейшего отчаяния, создающая проблемы на ровном месте и сама же страдающая от них... Она никогда не была сильной, никогда не следовала его советам, а потом, совершая ошибки, терялась и не могла найти выход. Утешать себя можно было только тем, что, возможно, так вели себя все или очень многие представительницы слабого пола. Но именно с ней по случайному стечению обстоятельств ему пришлось связать свою жизнь. И за ее ошибки приходилось отвечать...

Он вспомнил, что она почти так же сжимала его руку во всех самых трудных для нее ситуациях. Когда сама она совершенно отчаивалась и прибегала к единственному, что у нее оставалось: его помощи. И эти глаза... Он видел их уже не раз. «Не оставляй меня...» — так она говорила, иногда почти что теряя сознание, но все еще продолжая держаться за него, боясь, что он вот-вот может уйти. Бросить ее одну... Он всегда оставался рядом. Хотел ответить только «если ты сама не навредишь себе»... Но сказал то же, что и всегда:

— Не оставлю.

И был награжден сиянием этих невозможных голубых глаз. Впервые за последние, наверное, месяцы он видел такую искреннюю, бесконечную радость... И надежду. Алиса сильнее сжала ладонь мужа, поднося ее к своим губам и прижимаясь к ней. Что-то оборвалось в сердце Сергея Владимировича. Смотреть на нее в таком состоянии было выше его сил. Да что же она делает?! Красивая, молодая, цветущая женщина, которая даже при совершенно безбедной и, казалось бы, счастливой жизни, все равно умудряется найти повод для слез. Глядя на то, как она трепетно целует его пальцы, Осоргин подумал, что, может быть, у них еще есть шанс... Во всяком случае, он делал для того все, что было в его силах. Ее губы были такими мягкими, нежными... Она словно бы просила прощения, закрыв глаза, в каком-то забытии покрывая поцелуями каждый сантиметр его ладони. Осторожно погладил ее по щеке, удивляясь тому, с какой готовностью она льнет к этой его ласке. И убрал руку.

Скоро конец пути...

Сгущались сумерки, когда они наконец приблизились к небольшому бревенчатому дому, стоявшему на опушке в окружении деревьев. Последнюю часть пути добираться пришлось верхом на почтовых. Когда полчаса назад Алиса с изумлением услышала, что экипаж дальше не поедет, Сергей Владимирович ответил на этот немой вопрос в ее глазах:

— Когда я говорил, что дорога лежит в лес, я именно это и имел в виду. Ехать еще около двух миль, но я все же предпочитаю лошадей пешей прогулке. Верхом вы держитесь хорошо, я это знаю. Ничего страшного в этом, кажется, нет. Тем более, насколько мне помнится, природа здесь невероятно красива.

«Он бывал здесь раньше?» — почему-то это показалось Алисе совершенно странным. Небольшая белая лошадь, которую Осоргин выбрал для жены, была

привязана поводом к другой, караковой. Кобыла казалась вполне мирной, и Алиса, с опасением относившаяся к езде верхом, вскоре успокоилась. Хотя поводья она, в отличие от супруга, держала далеко не так уверенно, оставшуюся часть пути смогла выдержать с достоинством.

Окружающая местность была действительно глухой. Возможно, отсюда до города было и не слишком далеко, но то, что этот уголок природы не был удостоен внимания человека и его последующей деятельности, бросалось в глаза сразу. Вековые сосны, плотно смыкающие свои ветви где-то высоко над головой, неровные тропинки, пересеченные мощными корнями... Красноватые отблески заката на ковре из опавших листьев и прошлогодней хвои создавали впечатление пожара, разгоравшегося повсюду: на земле, на мощных стволах и в ветвях. Слово тени, огромные силуэты деревьев исчезали в последнем вздохе угасающего дня. Неописуемо... Волшебство...

Шорохи, неожиданные звуки, голоса ночных птиц, готовящихся выйти на охоту. Размеренные толчки от медленных движений лошади и ее фырчанье. Все будто бы жило своей жизнью, и два всадника на заросшей, пустынной тропинке, свободной от кого бы то ни было еще, казались частью этого живого движения... Алиса оборачивалась, смотрела по сторонам, наблюдая за всем происходящим вокруг. Она уже не помнила, когда в последний раз закат так волновал ее. Даже в деревне, где она бывала еще ребенком, вид заходящего солнца не вызывал в ней таких чувств. Сергей Владимирович едва заметно улыбнулся, наблюдая за тем, с каким искренним удивлением Алиса оглядывалась, с большим вниманием изучая пейзаж. Облегченно подумал, что ей стало заметно лучше. Во всяком случае, сейчас ее мысли были заняты явно не тем, чего он так опасался...

Когда солнце уже зашло за горизонт, цель пути наконец была достигнута. Алиса ощутила, как ее лошадь повернула голову, наострив уши, будто бы прислушиваясь к чему-то. Осоргин натянул поводья, заставляя коней остановиться. Приехали. Увидела, как он спешил, затем взял под узду свою караковую. Неожиданно из темноты вынырнул невысокий мужской силуэт. Сергей Владимирович бросил поводья подбежавшему. Обойдя белую кобылу спереди, протянул Алисе руку, помогая спуститься. Она, приняв его помощь, легко спрыгнула вниз, лишь на мгновение очутившись в кольце объятий мужчины. Ее руки оказались на его плечах, ощутив под собой ткань сюртука, и в то же время Алиса почувствовала, как он несильно сжал ее талию, удерживая, не позволяя оступиться или упасть. Взгляды встретились. Она вздохнула, едва приоткрыв рот, и даже когда Осоргин отошел в сторону, все еще пребывала в каком-то странном, неясном для нее самой состоянии, вызванным этой, казалось, ни к чему не обязывающей близостью.

Тихое «пойдемте», сказанное бархатистым мягким голосом, вывело ее из состояния оцепенения. Но Алиса осталась на месте, будто бы не вникая в смысл сказанного. Сергей Владимирович нахмурился. Сделал к ней шаг, беря женщину за руку. Повел за собой... Неожиданно подувший легкий ветерок заставил ее поежиться. Алиса была несказанно рада, когда Осоргин наконец открыл дверь бревенчатого дома, пропуская ее вперед. Здесь было тепло. Запах ели и можжевельника кружил голову. Тихий скрип досок, когда она поднималась по узкой лестнице куда-то наверх, шероховатая поверхность бревенчатых стен, тусклый свет свечи, подрагивавшей в

руках идущей впереди женщины в простом деревенском платье... Все было по-другому... Каждый предмет будто имел свой особый характер. Даже ее новая спальня совершенно отличалась от той, что была у нее в Петербурге: небольшая уютная комната, обставленная очень просто. Возможно, именно эта незатейливость так располагала к себе. Свет от единственной свечи был скудным, но его вполне хватало для того, чтобы осмотреть помещение в мельчайших подробностях. Скошенная крыша, подпираемая деревянными балками, бревенчатые стены с многочисленными потемневшими следами от сучков, большое окно, плотно закрытое, а также двуспальная кровать, застеленная шерстяным пледом, — вот и все, что могло показаться примечательным тому, кто только что вошел в комнату.

Подождав, пока сопровождавшая, поклонившись, выйдет, предварительно оставив на широком подоконнике гореть еще одну восковую свечу, Алиса села на убранную постель и принялась развязывать походную сумку. Грубые шнурки плохо поддавались ее нежным пальцам, поэтому, когда после негромкого стука в комнату вошел Сергей Владимирович, женщина была вся сосредоточена на распаковке своих вещей. Занеся с собой пару объемных саквояжей, Осоргин поставил их прямо на пол, затем подошел к окну, легонько дернул за ручку, не открывая створку, с сомнением оглядел помещение и наконец обратил свое внимание на Алису.

— Что ж, надеюсь, вы сможете неплохо здесь устроиться. Это, конечно, мало напоминает наш дом в Петербурге, но у него определенно есть свои достоинства.

— Благодарю, меня здесь все совершенно устраивает. Это место мне по душе, — она внимательно смотрела на мужа снизу вверх.

— Рад слышать. Располагайтесь и набирайтесь сил, — он посмотрел на нее, словно хотел еще что-то сказать, но вместо этого просто кивнул. — Доброй ночи, — и вышел.

«Доброй ночи...» — Алиса произнесла эти слова про себя. Раздраженно отставила сумку с непослушными завязками в сторону и откинулась на ласковую поверхность пледа. «Может быть, ночи здесь действительно будут добрыми...»

Долгая прогулка

Раннее утро. Свежий воздух, заполняющий грудь, кружа голову, окрыляя... Простор... Свобода — бежать через лес по еще зеленой мокрой траве, чувствуя, как касается кожи буйная растительность, покрытая капельками росы. В них отражается солнце... Невероятный блеск, создающий ощущение, будто кто-то щедро рассыпал повсюду горсти сверкающих алмазов. Сумасшедшее, опьяняющее чувство... Лучи солнца, проскальзывающие через чуть пордевшую листву, слепят, тепло касаясь всего живого, согревая... Осень разнообразна, удивительна... Теперь она преподнесла сюрприз в виде нескольких ярких, погожих дней. К чему бы? Наверное, потому что природа, как и человек, не может вечно являть свету одни и те же настроения. Рано или поздно наступает момент, когда хочется просто забыть обо всем и пустить все свои чувства на волю, словно ветер, волнующий травинки в полях. Радостные,

живые, громкие голоса. Птицы... Кажется, эти существа созданы специально для того, чтобы прославлять новый день, утро, новую жизнь... Их переливы и трели разносятся по всему лесу, пробуждая его ото сна, встречая теплые солнечные лучи. Хвоинки, шуршащие под ногами, прячущиеся в траве, тихо похрустывающие. Музыка леса. Его жизнь.

Отодвигая тонкую зеленую ветку, Алиса, легко перепрыгнув через длинный древесный корень, проследовала вперед. Куда? Зачем? Да какое это имеет значение... Цели не было. Просто идти вперед. Вперед через эту красоту дышащей ранней осенью природы... Осенью, которая, казалось, на время уступила свои права летним дням, даря возможность смотреть на чистое, безоблачное бирюзовое небо. Прекрасное, разностороннее, переменчивое время...

Уже не в первый раз шла она по густому травянистому ковру, меж темных гибких древесных стволов, вдыхая утренний свежий воздух, чувствуя, как легкий ветер холодит кожу, путая в волосах облетающие листья. То, что подобные прогулки станут для нее совершенным обыкновением, она поняла еще в первый день приезда. Самые ранние солнечные лучи только проникли в комнату спящей женщины, освещая полумрак помещения, дразня игрой пылинок, маня своим теплом. Сквозь сон Алиса почувствовала осторожные, но в то же время настойчивые прикосновения к своему полуобнаженному плечу. Сколько бы ни было времени, но в столь ранний час никто не мог бы ее потревожить. Молодая женщина, вздохнув во сне, повела рукой, словно пытаясь воспрепятствовать такому бесцеремонному нарушению ее покоя. И, казалось, отогнать наваждение получилось. Долю минуты ей совершенно ничего не мешало. Пока резко откинутае одеяло и ощущение чьих-то горячих ладоней на своих бедрах, несильно, но достаточно ощутимо дернувших ее тело к краю постели, не заставили ее наконец открыть удивленные, сонные, растерянные глаза. Алиса, совершенно не понимая, что происходит, попыталась ухватиться хотя бы за что-нибудь, прижимая к себе край одеяла. Тихий, но такой искренний смех окончательно разбудил ее. Алиса подняла голову и встретила взглядом... с Осоргиным. Его серые облачные глаза отчего-то светились, больше этого мягкого смеха говоря о том, что мужчина пребывал в хорошем расположении духа.

— Вы долго спите. В таком чудесном месте это совершенно непростительно. Вставайте. Пройдемся по лесу.

Казалось, ее непонимающий, растрепанный после сна вид только вызывал у него улыбку. Впрочем, вскоре она поняла, что эта идея была не столь уж плохой. Скорее наоборот: отличной. Она давно не чувствовала себя такой живой... Забыв о том, что она совсем не ребенок, Алиса резво бежала вперед, иногда все же останавливаясь и оборачиваясь на супруга, неспешно следовавшего за ней. Затем ускоряла шаг, иногда преодолевая небольшие препятствия в виде канав, покрытых дерном, и упавших веток. Неожиданно для себя она вышла на опушку, окруженную гордо стоящими рядом друг с другом, не прижимаясь ни единой частью своих стволов, деревьями. Клевер, низкая поросль, солнечные лютики... Разнотравье, не позволяющее глазу сосредоточиться на чем-либо одном. Запах хвои, запах утра... Алиса восхищенно смотрела на открывавшийся вид. Сделав пару шагов, тихо вскрикнула, упав на спину в невысокую мягкую траву. Закрыла глаза, проводя пальцами по нежным зеленым стебелькам. Ее раскинутые руки, подрагивающие

ресницы и волнительно вздымающаяся грудь смотрелись невероятно, гармонируя с красотой природы вокруг лежавшей на земле молодой женщины... Румянец на щеках, легкое льняное платье, облежавшее волнительные изгибы, открывая взору все совершенства форм... Кузнечик, поющий свои песни где-то недалеко, жужжание шмеля, негромкие шорохи... Удивительное единство живого мира, позволяющее забыть обо всем... Разве могло в целом свете существовать что-либо еще, кроме этих разнообразных звучаний, голосов птиц, дыхания леса...

Прохладная тень легла на запястье Алисы, а затем поднялась выше. Открыв глаза, она с удивлением воззрилась на стоявшего над ней супруга. Когда он успел подойти? Она даже не услышала... Сергей Владимирович, с укором смотря на жену, чуть наклонился, протягивая ей руку.

— Алиса, я очень рад, что ты здесь чувствуешь себя хорошо, но лежание на холодной земле я в виду не имел. Вставай. Мне совершенно не хочется, чтобы ты после заболела.

Это вечное желание движения... В последнее время редких минут покоя у нее совершенно не находилось. Какой уж раз он пытается поднять ее, не позволяя и короткой передышки между какими-либо делами. Что за напасть...

Алиса, мило улыбнувшись, медленно подала ему руку, аккуратно сжав ладонь мужа. Чуть приблизила к себе, заставляя его наклониться ниже. Станный блеск в ее глазах Сергей Владимирович заметил слишком поздно, чтобы что-то сделать, прежде чем женщина, неожиданно приподнявшись, резко потянула его на себя, повиснув на нем всем телом. Положение, бывшее далеко не самым устойчивым, не дало мужчине шансов удержать равновесие после столь подлого поступка, и он упал на землю рядом с Алисой. Осоргин даже не успел понять, что произошло, когда услышал возле себя чистый, звонкий женский смех. Да что за шутки?! Какого черта вдруг ей вздумалось? Он уже хотел выразить свое недовольство и сказать, что падать с высоты своего роста — отвратительный повод для веселья. Пусть это и не было больно, так как трава смягчала удар, не позволяя нанести какой-либо вред, но заваливать людей, предлагающих свою помощь, как минимум глупо. Но вдруг увидел ее лицо прямо перед собой. Сияющие, блестящие глаза... Алиса смотрела на то, как он, казалось, собирался рассердиться за ее выходку, и ей почему-то становилось весело. Странное настроение. Может, из-за погоды...

Она, перевернувшись на живот, наблюдала за тем, как менялось выражение лица Сергея Владимировича. Собранный, казалось, начаться ураган в серых глазах сменился спокойным, пасмурным, волнующим осенним небом. Она сама не заметила, как оперлась одной рукой о его плечо, нависнув над ним. Осоргин с интересом смотрел на жену, не произнося ни слова, будто бы изучая ее... Серьезно, без тени смеха... Что за контраст? Алисе казалось, что лежавший перед ней мужчина по характеру был похож на большое озеро. Такое же ровное, свободное, живущее по каким-то своим законам, неподверженное чьему-либо влиянию. Глубокое и неизведанное, манящее своей ровной гладью, остающееся спокойным и мягким почти что всегда, но в то же время способное при непогоде обрушиться в бездну не одну неосторожную лодку. Что может быть интереснее, чем заставлять эту гладь волноваться, серые глаза темнеть... Разбивать в прах эту собранность, сдержанность, вынуждая терять контроль... Особенно, если перед тобой человек, привыкший все и

всегда держать в своих руках, не упускающий из своего внимания ни малейшей детали.

Нет... Какая теперь разница? Как хочется оставить все воспоминания там, откуда они пришли: в прошлом. Оступилась ли она тогда? Разве может оступиться человек, ищущий того, чего ему не хватает? Но теперь перед ней стоят условия... Условия, которые она должна соблюсти или же сделать иной выбор... Если она сейчас здесь, так далеко от тех мест, где раз за разом позволяла себе медленно, но верно идти к краю, вслепую двигаясь, как ей казалось, к тому, что было предназначено ей судьбой, если она теперь там, где наконец-то может вздохнуть полной грудью, привести в порядок мечущиеся в отчаянии мысли... то, может, так оно и должно быть? Но разбираться сейчас в своих чувствах, думать о том, что ее, возможно, ждет, не хотелось совершенно. Имеет ли теперь значение, что было и что будет... Рядом с ней сейчас человек, которого она, возможно, не сможет понять никогда... Но, боже, она не будет в состоянии солгать, если скажет, что в этот момент ее тянет к нему, подобно воде, набегающей на берег во время прилива. Она потеряла цель. Она потеряла смысл... Она не знает, что ее ждет. Она не знает, что делать. А он почему-то знает. Лучше нее. Он говорит ей, направляет, заполняя эту щемящую пустоту, терзающую ее измученную душу. И тогда, когда она оступается, его уверенная рука поддерживает, не позволяя упасть... Куда он ведет ее? Какая разница, если сама она не видит своей дороги...

И теперь, всматриваясь в черты его расслабленного, немного заинтересованного лица, она совсем не хочет думать о том, что, может быть, ждет ее в дальнейшем. Он говорил ей перестать мучить себя пустыми мыслями. Как же это было верно... Забыть все... Забыться самой... Оставить всю память, весь ужас и боль там, в холодном, сером, пыльном городе...

Не давая себе времени одуматься, прислушиваясь лишь к звуку бешено колотящегося в груди сердца, Алиса наклонилась совсем близко к лицу Сергея Владимировича, чувствуя острые, кружащие голову нотки одеколona, так резко контрастирующие с запахами леса, травы... А в следующую секунду впилась в его губы. Волна упоения, накрывшая с головой... Она с трудом отстранилась, чтобы видеть его глаза. Открытый, немного удивленный взгляд. Почувствовала, как он затаил дыхание, не шелохнувшись, наблюдая за ее действиями. Нет, нет... Не так. Алиса мотнула головой, ощутив, как жар прокатился по всему телу. Ее мягкие ищущие губы оказались на его шее, лаская кожу, и наконец она, совершенно неожиданно для себя, почувствовала, как его дыхание сбилось, услышала тихий, приглушенный голос:

— Алиса... — это слово, произнесенное с такой растерянностью, на выдохе, еще сильнее взбудоражило сознание. Теплое дыхание на лице и мягкие, щекочущие кожу волосы... Тонкие, быстрые пальцы, переместившиеся на ткань идеально выглаженной рубашки. Поражающая аккуратность и сдержанность в манере одеваться подталкивали к мысли учинить со всеми этими пуговицами и застежками полнейший беспорядок. Она, закрыв глаза в лихорадочном нетерпении, чувствуя, как запылали ее щеки от прилившей горячей крови, покрывала поцелуями его лицо. Ощутила, как рука Осоргина опустилась на ее спину, чуть надавив. Повела плечами,

устраняя помеху, прижимая его запястье к земле. Дорожка, проводимая мягкими губами от подбородка до груди вслед за прохладными пальцами...

С лихорадочной поспешностью она расстегивала его рубашку. Руки женщины, обычно весьма неплохо справлявшиеся с застежками, сейчас совершенно ее не слушались. Пара оторванных пуговиц незаметно скатилась куда-то в траву.

Прикосновения горячего языка к груди заставили Сергея Владимировича откинуть голову назад, судорожно втягивая воздух. Пальцы рук сплелись, словно бы борясь в какой-то схватке, стиснув напряженные ладони... Ее губы переместились по его груди, мягко обхватывая сосок, покусывая. Мужчина отвернул голову, сжав зубы, чтобы не застонать. Нежное, красивое лицо опустилось ниже по его торсу, заставляя Осоргина вздрагивать от ощущения ее жадных, страстных прикосновений. Это маленькое, хрупкое существо, казалось, просто подменили. Облако темных распущенных волос, горящие глаза, сосредоточенность, с которой Алиса проделывала это... Словно то была не она, а некий демон... Суккуб, вселившийся в это молодое, жаждущее любви и ласки тело...

Впрочем, возможность приводить какие бы то ни было сравнения и делать предположения о ее следующих действиях оставалась только до того момента, пока Алиса, спустившись вниз, не дернула за пряжку кожаного ремня, распуская его. И дальше...

То, что она творила, доводило до умопомрачения, стирало все границы, разрывая уже совершенно не прочную связь с реальностью. Вспышка и мрак... Даже при закрытых глазах ярко. Способность думать о чем-либо в этот момент покинула его, казалось, безвозвратно... Сумасшедшее, растущее наслаждение, вызванное ее распутными движениями... Искрящийся взгляд Алисы. Наблюдать за результатами своих деяний было превосходно, завораживающе... Смотреть, как на его лице появляются темноватые пятна, как он судорожно сглатывает, откинув голову на редющую осеннюю траву, шепча ее имя, дыша тяжело и часто. Сильные пальцы, стягивавшие ее густые каштановые волосы, путались в них... Даже в такие моменты потребность контролировать не оставляла его, и с этим приходилось мириться. Сначала едва сдерживаемые тихие стоны с каждой ее лаской становились громче. Чувствовать это было совершенно невозможно. Невозможно... Ее бледная, онемевшая ладонь, которую женщина теперь совершенно не ощущала, вцепившись ногтями в его кожу, царапая руку... Впрочем, на такие мелочи никто не обращал внимания. Алиса сама тихо застонала, чувствуя, что желание, граничащее с болью, в ней достигло своего предела. Близость с ним была нужна, необходима, превращая страсть в одержимость... Ощущение горячей влаги между собственных бедер рождало ужасные, греховные помыслы. Впрочем, никто и не пытался мешать простору ее фантазии...

Разгоряченное лицо Алисы снова оказалось над его. Темные, словно водная гладь омота, глаза... Она нашла его в полубессознательном состоянии. Чуть подрагивающие влажные ресницы, приоткрытый рот... Так нежно, беззащитно... Кажется, ни один человек не способен в такие моменты притворяться, играя какую-то роль. Сквозь установленные правила, навязанные запреты прорывается истинная суть. Во всяком случае, если позволить себе такую вольность...

Но иллюзия рассеялась, когда она почувствовала, как ладонь Осоргина легла на ее затылок, с силой надавив, заставляя придвинуться ближе. Горячие губы, вовлекающие в долгий поцелуй... Алиса не сопротивлялась, с жаром ответив на эту кажущуюся теперь такой невинной ласку. Язык, овладевший ее податливым ртом, встретился с ее, сплетаясь, дразня, жестоко крадя дыхание... Алиса простонала в его губы, прикусывая их до боли, сжимая свободной рукой ткань расстегнутой рубашки. Наконец, резко отстранившись, вскинула голову, пробегая взглядом по опавшим, чуть пожелтевшим листьям, зеленому травянистому ковру... Все виделось с трудом. Казалось, в ней теперь были живы одни ощущения. Остальное притупилось, оставив только эту невероятную жажду. Тело, откликавшееся на каждое прикосновение...

Алиса приподнялась, опершись руками о его грудь, перекинув стройную, изящную ножку, оседлав его бедра... Подол платья разметался по земле, заставляя пожелтевшие хвоинки цепляться к льняной ткани. Она глубоко вздохнула, приоткрыв рот, словно это далось ей с трудом. А затем двинулась. Не давая телу возможности привыкнуть. Быстро. Стремясь скорее достигнуть предела, совершая толчки чаще. Резче. Она отдавалась ему отчаянно, словно пытаюсь забыться, раствориться в этом действии...

Встретилась глазами со взглядом Осоргина. В нем можно было прочесть все, даже несмотря на его попытки контролировать дыхание, сдерживая себя. Страсть, желание обладать ей... и что-то еще... Пришедшее на смену холодной пустоте... Всего на одно мгновение она увидела этот взгляд. Теплый, щемяще-нежный. Необъяснимо глубокий... Так, как он смотрел на нее раньше. До всего случившегося...

Свет всходящего в зенит солнца, проникавший сквозь негромко шептавшиеся листья, коснулся ее темных волос, создавая невообразимые переливы, играя каштановыми волнами... Почувствовав его движения навстречу, Алиса тихо всхлипнула... Мужские руки отодвинули тонкую льняную ткань платья, обнажая бледную кожу, поглаживая стройные бедра, поддерживая ее... Успокаивая, замедляя...

Что-то в ее взгляде поразило его... Потребность доверять. Это чувство в ней никогда не было столь сильным, как теперь... Она, беря инициативу в свои руки, все равно искала поддержку, нуждалась в ней... Хотела чувствовать, как он направляет ее.

Прикосновения к ее напряженному животу. Какой он был у нее мягкий, когда она, пропустив очередную волну, позволяла себе на мгновение остановиться, расслабиться в его руках... Алиса запрокинула голову назад, застонав, не в силах больше выносить эти уверенные ласковые прикосновения, это болезненное, мучительное наслаждение... Платье наполовину сползло с ее плеч, являя взору аккуратные округлости груди, изящную бледную шею... Сергей Владимирович смотрел на нее снизу вверх, время от времени блаженно прикрывая глаза.

Ладони, сжимавшие бедра, переместились на талию, тяня женщину за собой. Алиса безвольно опустилась на грудь Осоргина, устало уткнувшись носом ему в шею. Приятная тяжесть мужской руки на спине... Он обнял ее, прижимая к себе. Пара движений, и Алиса громко простонала в его ухо, почувствовав, как жар прокатился по всему телу, доходя до сознания, заслоняя его, вспыхивая яркой искрой где-то глубоко внутри, а после оставляя мерзнуть возле тлеющих головешек. Тихая дрожь,

пробежавшая по коже. Сергей Владимирович погладил ее по волосам. Так, как она к тому привыкла...

— Тише, тише... — прошептал, сжимая в своих объятиях ее хрупкое тело, чувствуя усталое дыхание на своей шее, касаясь губами ее виска...

Громкие споры десятка птичьих голосов. Звуки стрекотания зеленого насекомого где-то в зарослях... Шелест колышущейся травы. Прохладный ветер, заставляющий зябко подрагивать кроны деревьев... Сергей Владимирович смотрел в их редкий покров. Красивые просветы неба... Оно было безоблачным, пронзительным... Невероятно пронзительным... Хотя, может, таким оно казалось только через призму его восприятия. Тихо лежащая на груди головка с копной каштановых волос... Алиса не двигалась. Просто лежала, и один бог знал, о чем могли быть ее мысли в тот момент. Осоргин задумчиво смотрел вверх, медленно проводя пальцами по обнаженной спине.

«Что ж... По крайней мере, она научилась хорошо отвлекаться...»

У соблазна рыжие локоны

Вечер. Длинные тени, ложащиеся на тротуар, похожи на крылья ночных птиц... Голубое небо, медленно поглощаемое лиловыми отблесками заката. Сгущающиеся сумерки, впрочем, еще не настолько завладевшие окружающим душным пространством, чтобы появилась надобность зажечь фонари или хотя бы свечу. Приходящая темнота дарит покой. Покой и забвение всех дневных забот. Уходит суета, беспорядочные мысли не тревожат утомленное сознание. Воздух пропитывается ночной свежестью и влагой.

Молодой мужчина, сидя за письменным столом возле окна, с напряженным лицом внимательно вчитывался в написанные мелким острым почерком строки. Около десятка листов, которые он держал в руках, могли бы вызвать ужас у любого ленивого школяра. Да и сам он теперь чувствовал себя так, будто на несколько часов вернулся во времена студенческой юности. Можно бесконечно переписывать, придумывать или разрабатывать что-либо. Но заучивать... Отвратительно. Впрочем, в том действительно была большая необходимость. Если с утра эту речь придется произносить на заседании, и от нее зависит возможное повышение... Постараться можно было. Тем более, что весь этот объем мужчина планировал осилить всего за несколько часов. Ошибки допустить было нельзя. Так что, лишний раз пробегая глазами текст, он понимал, что завтра жалеть о бессонной ночи не придется.

Тихий скрип двери... Впрочем, даже этот едва слышный шорох не отвлек сидящего человека от его занятия. Тем более, что гадать о личности вошедшего не пришлось. Красивые женские руки опустились на его плечи, слегка надавив. Теплое дыхание, коснувшееся шеи. Запах лаванды... И тихий, глубокий голос, прошептавший в самое ухо:

— Сергей...

Мужчина, не отрываясь от бумаг, задумчиво произнес:

— Здравствуй, Ирэн...

Тихий женский смех. Она провела пальцами по его плечу, обходя кругом.

— Трудисься? Господи, отчего я не удивлена...

— Прости, завтра заседание. С утра пришлось писать речь, а теперь необходимо все запомнить. Не понимаю, почему так сложно было сообщить об этом на пару дней раньше...

Он устало потер виски, на секунду зажмурился, а затем, вздохнув, снова погрузился в чтение. Тихий шелест юбок. Длинные пальцы отодвинули пожелтевшие листы, и чиновник почувствовал, как на колени опустилась приятная тяжесть женского тела. Зеленые, словно бокал абсента, глаза... Обжигающий, дерзкий взгляд... Прядь рыжих волнистых волос упала ему на грудь.

— В таком случае, тебе просто необходимо отвлечься. Нельзя посвящать этой скуке весь день.

Он поднял на нее глаза, посмотрев из-за голубоватых стекол пенсне. Недовольно...

— Послушай, я действительно не шучу, — он раздраженно убрал ее руки со своих плеч, — Это очень важно.

— Я все понимаю... — тихий завораживающий голос, близкий к шепоту. — И я так же серьезно говорю: тебе нужно отдохнуть. Видел бы ты себя со стороны... — она наморщила носик, — Когда ты успел испортить зрение? По-моему, человеку, которому едва ли за тридцать, не нужны очки. Не превращайся в старика! — казалось, его недовольство молодую особу лишь веселило. В следующий момент ее рука легко скользнула возле его лица, быстро снимая очки, а затем она, немного повертев вещицу перед собой, нацепила их на свой очаровательный носик.

— Боже, как ты в них что-то видишь?! — она заливисто засмеялась, уворачиваясь от попытки мужчины забрать пенсне, откидывая рыжую головку назад. — Ну скажи же, что мне идет! Скажи!

— Очень. Только дай мне спокойно закончить работу.

Мягкие губы коснулись его щеки, а затем и шеи...

— Знаешь, у меня в детстве жил еж, — пальцы, расстегивающие рубашку. — Один в один похож на тебя. Тоже все время что-то тащил в ящик с деловитым видом, — сводящий с ума запах пушистых волос... — Не любил, когда его трогали... И еще громко фырчал! — Ирэн, чуть отстранившись, показала, как фырчит еж. — Мне кажется, вы бы подружились.

Он улыбнулся. Ну что с ней было делать? Жалкие попытки протеста ни к чему бы не привели... Она все равно всегда добивалась своего, и едва ли ему приходилось потом об этом жалеть. В зеленом омуте этих глаз можно было тонуть бесконечно... Удивительное, невероятное существо. Рыжая, не знающая ни в чем границ, ведьма. В Средневековье она бы давно уже сгорела на костре. Да и теперь вызывала в обществе невероятное волнение, неодобрение, восхищение... К ней нельзя было остаться равнодушным. Сергей Владимирович до сих пор не понимал, как эта женщина смогла так быстро войти в его размеренную жизнь, совершенно перевернув ее своим появлением с ног на голову. Он любил в ней все: тихий, мелодичный голос, копну рыжих непослушных волос, обрамлявших ее аккуратное личико, будто необузданное дикое пламя, звонкий смех, взбалмошность и некую

бесцеремонность... Ей можно было простить даже это. Появляясь в его доме темными вечерами, Ирэн могла смешать все планы, заполняя собой весь его спокойный мир, осуществляя свои желания любыми доступными ей способами. Он не мог понять, как случилось то, что они вообще встретились. Как случилось, что она приходила в его дом, оставаясь с ним до утра... Она жила одним днем, беря себе все, что было только возможно. Ставя перед собой цели, с удовольствием и азартом претворяя в жизнь свои желания. Может, так она обратила внимание и на молодого, вполне привлекательного чиновника. Очередной интерес или нечто большее... Он и сам того не знал.

Ирэн была молодой вдовой. Прожив с ней в браке всего два года, ее муж скоропостижно скончался, оставив жене все свое состояние, а также титул княгини. Никто не мог предположить, откуда она появилась и чем занималась до появления в свете. И когда Сергей Владимирович видел перед собой эти лукавые зеленые глаза, чувствуя, как она вдавливая его в шелк простыней, то почему-то совершенно не хотел знать, кем она была до встречи с ним. И отчего ее супруг так скоро отошел в мир иной...

Он был представлен ей на одном из балов. Княгиня, не танцевавшая, одетая в черное платье, подчеркивавшее скорее не траур, а элегантность вкуса, вела себя, как и положено скорбящей супруге. Только глаза... Задорный, живой взгляд выдавал отсутствие и толики печали. Тогда это удивило его. И заинтересовало... Впрочем, зная князя, он вполне понимал причину ее веселья. Гораздо более занимательной была игра, которую молодая вдова вела просто превосходно. А вскоре Сергей Осоргин понял, что ее интерес, направленный на его скромную персону, стал слишком уж очевидным... Иногда ловя на себе взгляд, который княгиня тут же отводила, стоило только посмотреть на нее, видя ее милую улыбку, чувствуя мимолетное прикосновение, когда она приветствовала его... Знакомые и невероятно простые женские уловки действовали безотказно. Но наиболее удивительным и привлекательным было то, что Ирэн своими манерами, своим внешним видом совершеннейшим образом контрастировала с привычными взгляду дамами светского круга. Даже цвет ее волос словно бы бросал вызов. Рыжие локоны, уложенные в замысловатую прическу, создавали невероятное сочетание с зеленью глаз...

Она околдовывала, привораживала... Во всяком случае, только этим Сергей Владимирович мог бы объяснить то, что однажды, проснувшись утром в своей постели, обнаружил мирно спавшую в его объятиях княгиню. Безумие, которое захватило три года их жизни... Возвращаясь домой из министерства и заходя в свой кабинет, Осоргин зачастую не видел, но чувствовал, как в его руках совершенно неожиданно оказывалась стройная женская фигура и страстное, полное жизни существо прижималось к нему, шепча невразумительные, обжигающие слова, увлекая за собой...

А утром она исчезала. Легко и просто. Будто ее и не было. Одарив его своей очаровательной улыбкой, уходила в тот мир, откуда появлялась. Возвращалась, когда вздумается. Он был рад ей всегда. Даже когда работы было столько, что Сергей Владимирович, приходя домой, буквально валился с ног. Тогда Ирэн смотрела на него понимающим взглядом в ответ на приветствие, произнесенное усталым, глухим

голосом, и просто оставалась рядом, тихо лежа с ним в темноте, что-то негромко напевая, растирая его ладони. Тогда он мог лишь благодарно улыбнуться, прежде чем заснуть, чувствуя ее тепло. Ее заботу...

То, чего он боялся больше всего, — разговоры. Пересудов в обществе. Впрочем, скрывать свои отношения им удавалось весьма успешно, ведя себя в свете так, словно они видели друг друга впервые, обмениваясь любезными улыбками, ведя бессмысленные, пустые беседы. Ирэн справлялась с ролью прекрасно, как и всегда. Вот только ее глаза не умели лгать... Возможно, не слишком проницательный человек и не смог бы заметить искры, вспыхивавшие в этих зеленых омутах, когда она, сделав неглубокий реверанс, поднимала голову, смотря на чиновника. Но Осоргину казалось, что своим взглядом она говорила все... Совершенно... Стоило только надеяться, что никто не наблюдал за ней столь внимательно и не проявил бы к этим совсем не к месту загоравшимся озорным огонькам должного интереса. Но однажды она все же чуть было не перешла границу.

Вот уже с четверть часа на одном из светских приемов, казалось, все присутствующие дамы бурно обсуждали новые серьги княгини Белинской. Небольшие зеленые камни в обрамлении белого золота просто притягивали восхищенные взгляды. Они поразительно шли к цвету ее прекрасных глаз. Камни, название которых никто бы не смог сказать точно, потому что, в отличие от изумруда или малахита, в них словно бы не было дна. Будто зеленая от отражения летней листвы вода, манящая своей нераскрытой тайной... Ирэн, улыбаясь с гордым достоинством, скромно отвечала, что эта фамильная драгоценность досталась ей по наследству от матери. Впрочем, поверить в то, что украшение, должно быть, бережно хранилось, передаваясь из поколения в поколение, было несложно, так как оно, судя по всему, стоило целое состояние.

Княгиня повернула голову и, словно только что увидев стоящего неподалеку Осоргина, обратилась к нему с наимилейшим видом:

— Сергей Владимирович, а что вы думаете по этому поводу?

Он обернулся, несколько удивленный, встретившись с ней взглядом. Ирэн пояснила:

— Мы обсуждали вот эти серьги, — она провела тонким пальчиком по украшению. — Какого ваше мнение?

— Превосходно, — он ответил нарочито спокойно.

— И вы не спросите, откуда они?

— Могу предположить, что это подарок какого-нибудь почитателя вашей красоты.

— Дорогой подарок... — она внезапно посерьезнела, пристально смотря на него. У Сергея Владимировича перехватило дыхание...

— Для любимой женщины не может существовать подобного понятия... — его голос понизился.

— Вы в этом уверены? — ее взгляд был серьезен, задумчив...

— Совершенно.

Они смотрели друг на друга слишком долго. Почувствовав его беспокойство, Ирэн быстро изобразила веселость, одарив мужчину лучезарной улыбкой, и исчезла в шумном обществе светских дам.

Уже позже, на улице, когда Сергей Владимирович собирался отправиться домой, он внезапно ощутил, как женские руки обняли его сзади, и услышал тихое «спасибо...», произнесенное знакомым голосом. Обернувшись, увидел перед собой светившееся счастьем лицо Ирэн. Мгновенье, и ее мягкие губы оказались на его губах, даря нежный, благодарный поцелуй. Осоргин попытался запротестовать. Вокруг, кроме них, не было никого, но добром бы все это определенно не кончилось... Он резко отстранил ее от себя, схватив женщину за плечи, и как раз вовремя... Из особняка вышла молодая пара, направляясь к карете.

— Что ты творишь... — тихий, почти свистящий шепот.

Ее невинный, робкий взгляд. Сергей Владимирович мгновенно отпустил ее, отходя в сторону. Быстро поклонился и направился прочь.

Уже дома, у себя в комнате, Осоргин, встретив приехавшую на час позже княгиню, позволил себе выразить свое возмущение.

— Ирэн, так нельзя! О чем вы думали? Неужели ты не понимаешь, что подобное поведение может иметь последствия, совершенно для нас нежелательные? Я бесконечно ценю любые проявления твоих чувств и польщен таким вниманием с твоей стороны, но то, что ты сделала, было крайне неосмотрительно. Прошу, не стоит давать кому-либо повода для разговоров!

Она смотрела на него долго, пристально, пока он говорил. Затем без тени смеха, совершенно серьезно произнесла:

— Не надо показывать мне свой характер. Подобным образом вы, сударь, разговаривайте со своими подчиненными. Я здесь не для того, чтобы выслушивать наставления, — на секунду замолчала, а затем повысила голос, — Вы стыдитесь моего общества? Вы боитесь дать свету повод думать, что между нами может быть что-то? Отчего же? Жены у вас, кажется, нет. Я так же свободна... Почему отношения двух людей, не связанных какими-либо обязательствами, должны вызывать неодобрение? К тому же, неужели это имеет для вас такое значение?

— Господи, Ирэн... У меня и в мыслях не было намерения тебя оскорбить. Я всего лишь хочу предостеречь от лишних проблем, которые могут возникнуть по причине нашей... нашего столь теплого общения. Не думаю, что это вообще должно касаться кого-то, кроме нас двоих... Я приношу свои извинения, если мои слова каким-то образом тебя задела.

Она, подняв глаза, слабо улыбнулась. А затем рассмеялась.

— Ты словно юная девица! Хотя у нее, наверное, меньше поводов для переживаний по поводу безупречности своей репутации и сохранения чести. Впрочем, забудем об этом... — она чуть наклонила голову, прищурившись, а затем, усмехнувшись, плавно шагнула ему навстречу, — Я еще не отблагодарила тебя за подарок, как следует...

Если обстоятельства нельзя изменить, лучше изменить свое к ним отношение

Тихо тикающие часы в гостиной показывали шесть. Неяркий вечерний свет проникал в приоткрытые окна, создавая причудливые блики на мебели, играя с тенями... Капли осеннего дождя мелодично стучали по стеклу, сплетая шумы, разнообразные звуки в удивительную музыку. Мелодично, успокаивающе... Алиса лежала на диване, лениво пробегая глазами строки, не вчитываясь. Как и много лет назад... Сосредоточиться на чтении снова не удавалось. Мысли все время рассеивались, не давая сконцентрироваться, увлекая идеями, тревожа сознание... Диван был на редкость неудобный. Старый, поношенный... С серыми заплатами в некоторых его частях. Впрочем, странным было даже само нахождение некогда весьма изящного предмета во всей этой обстановке... Шкуры и массивные кресла здесь смотрелись куда уместнее. Алиса, сменив уже не одно положение, пытаясь сначала с совершенно аристократичным видом углубиться в хитросплетения сюжета, сидя на самом краешке и держа книгу на коленях, теперь лежала на животе, свесив одну руку, теребя пальцами тонкую деревянную щепку, отколовшуюся от дощатого пола, опираясь на локоть... Нет, так ненамного лучше. Женщина перевернулась на спину. Вставать не было никакого желания... Но и ее занятие уже порядком приелось. Ничего хорошего эта затея ей не приносила. Одолевавшие невеселые мысли тревожили неокрепшее сознание, не позволяя отдаться чтению полностью. Может быть, дело было в погоде... А может быть, в том, что свойство перебирать в голове все грустное и тревожащее разум было присуще Алисе как никому другому. Если бы люди могли сохранять в сердце только радужные и приятные моменты своей жизни, несчастных бы попросту не существовало. Видеть прекрасное — замечательное умение. Но дано оно, увы, далеко не каждому. Жалеть себя гораздо проще, чем делать что-либо для своего же счастья, а уж тем более, чем радоваться тому, что уже имеешь... Даже понимая, что многие наши ошибки уже нельзя исправить никаким образом, люди часто грустят о прошлом. О том, что бы могло быть, если бы они поступили по-другому, если бы обстоятельства сложились иначе, если бы... В любом случае, причин для грусти всегда можно найти более, чем достаточно.

Загоравшийся внутри раскаленный, горячий шар, пронизывающий все нутро своими теплыми волнами... То почти исчезая, то тревожа ее вновь... Ей нужно было любить. Ощущение полета, восторга, волнения... Не так много, но столь необходимо для нее. Быть может, и сама она не осознавала, что и объект чувства для нее был не столь важен, сколь само это чувство... Порою понять всю сложность и витиеватость образа мыслей молодой женщины или девушки бывает совсем не просто.

Какая-то непонятная тоска и печаль овладели сознанием Алисы. И как бы не хотелось ей от этого избавиться, получалось не слишком успешно... Промучившись еще с полчаса, женщина наконец поднялась с дивана и, прихватив с собой книгу, направилась в сторону лестницы. Но по мере того, как она поднималась вверх, вся решимость стремительно таяла, а когда Алиса оказалась перед дубовой дверью, ведущей не в ее комнату, пропала вовсе. Впрочем, подобное состояние было для нее вполне обычно. Может быть, тот день, когда она перестала бы испытывать робость при любой попытке поговорить с мужем, стал бы предметом ее особой гордости. До тех пор она каждый раз пересиливала себя, стараясь достойно изложить мысли, отстаивать свое мнение... Впрочем, последнее удавалось совершенно плохо. Если их

точки зрения расходились, то спор заканчивался, едва начавшись. Она всегда уступала, боялась, соглашалась... Что, наверное, было не так уж плохо, учитывая ее неопытность во многих вопросах, а также склонность больше доверять чувствам, нежели голосу разума.

Но все же, в очередной раз сделав над собой усилие, чувствуя даже некое удовольствие от подобной своей решимости, Алиса тихо постучала. Услышав негромкий мужской голос и получив приглашение войти, Алиса толкнула дверь, поддавшуюся с трудом. Придерживая подол платья, шагнула за порог.

Взгляду предстала комната, мало отличавшаяся от ее собственной. Все достаточно просто, умеренно... Только здесь был еще и небольшой письменный стол, на котором теперь лежали бумаги. Сергей Владимирович, оторвавшись от сосредоточенного чтения какого-то документа, поднял голову, взглянув на вошедшую женщину.

«Снова за работой... Снова занят. И даже здесь...»

— Простите, я отвлекла вас... — голос Алисы был непривычно тих.

— Это не так. Меня радует ваше присутствие, — он едва заметно улыбнулся.

— Можно... можно я просто посижу у вас немного? — ее пальцы теребили открытую страницу книги, незаметно сминая уголок.

— Почему нет, — он обвел взглядом комнату, где, впрочем, кроме кровати, не было более места, куда бы можно было сесть. Тем не менее это не стало препятствием для Алисы, и она, сделав несколько неуверенных шагов, опустилась на поверхность шерстяного пледа. Опершись спиной о бревенчатую стену и расправив подол платья, положила книгу перед собой. Осоргин, с минуту наблюдавший за тем, как жена легко разглаживает клетчатую ткань, раскладывая ее так, чтобы та едва прикрывала аккуратные колени, усмехнулся про себя и снова занялся бумажной волокитой.

Странно... Ей было странно осознавать, что ни для одного человека, который встречался на ее пути, она никогда не была важнее каких-либо обстоятельств. Мнение общества, личные интересы... службы...

«Даже для...»

Слезы навернулись на глаза. Досада, обида... Алиса сглотнула, пытаясь прогнать эту застывшую где-то в горле злость. Неужели женщина — это всегда лишь дополнение к чьей-то жизни?

Маленький, вечно жаждущий внимания и любви щенок... Эгоистичный, себялюбивый ребенок. Когда же она стала такой? Или была всегда... Сергей Владимирович задумчиво смотрел на то, как она дует губки, отчаянно делая вид, что увлечена чтением. Удрученно покачал головой... Так и недосмотренный лист лег на стол. Осоргин встал и медленно приблизился к сидящей женщине. Алиса провела рукой по щеке, заправляя за ухо каштановую прядь...

— Могу поинтересоваться, что за произведение вы читаете столь увлеченно?

Она подняла на него голову, поражая глубиной взгляда больших голубых глаз.

— Разумеется... — протянула ему книгу, коснувшись самыми кончиками пальцев... Удивлена, хоть и пытается скрыть...

Осоргин перевернул книгу в руках, найдя надпись на немного потрепанной коричневой обложке.

— Карамзин? — он посмотрел на сборник с сомнением. — Сентиментализм...

Алиса нервно пожала плечами.

— Довелось читать его «Историю». Неплохой документалист. Что же до всего остального...

Сергей Владимирович пролистнул несколько страниц, чуть хмурясь. Задержался в том месте, что Алиса отметила загнутым уголком.

— Никогда бы не подумал, что подобный стиль может принадлежать мужчине.

— Вы говорите о «Бедной Лизе»? Я люблю эту повесть. Мне кажется, он пишет достаточно... проникновенно.

— Вам нравится наблюдать за тем, как страдают другие люди? — в его словах сквозило непонимание. Внимательный, испытующий взгляд...

— Но... с чего вы так посчитали? — Алиса смотрела на мужа с удивлением.

— Я знаком с содержанием сего произведения. И, если честно, не могу разделить вашего восторга. Возможно, я чего-то не понимаю, но, в таком случае, быть может, вы мне объясните, какой интерес люди находят, наблюдая за страданиями девушки, в конце самым безрассудным образом закончившей свою недолгую жизнь?

Алиса замялась. Разговор выходил крайне странным. Какое ему дело до того, что она читает? В любом случае, вряд ли он сможет это понять.

— Алиса, я же тебя не допрашиваю. Мой интерес вполне искренен: что ты в этом нашла?

— Я не знаю, почему вы осуждаете ее. Она искала любовь, пыталась создать свое счастье... Разве в этом ее вина?

Осоргин вскинул бровь, пожав плечами.

— Не думаю, что можно построить свое счастье на страданиях других. А тем более, по своей воле пытаться уйти в мир иной...

— Вы осуждаете ее поступок? — глаза Алисы заблестели. Отчего-то даже столь невинный разговор пробуждал в ней целую бурю различных чувств, — А что же ей еще оставалось? Девушка лишилась всего, что ей было дорого. Как могла она продолжать жить, потеряв не только любовь, но и свою честь? Среди тех, кому нет дела до чужих чувств...

Сергей Владимирович пристально смотрел на жену, говорившую вдохновенно и страстно.

— Сударыня, — его голос был ровным и спокойным, — вы хотя бы представляете себе, как выглядит утопленник? Почему-то мне кажется, что многие склонны считать утонувшую женщину схожей с мифической русалкой. Бледная кожа и струйка крови, стекающая по щеке... Скажу вам, что эти представления совершенно отличаются от того, что существует в реальности. Поверьте: зрелище далеко не из приятных. Думают ли люди, сводящие счеты с жизнью о том, какую память они оставят после себя, я не знаю. Но, если бы хоть на секунду задумывались, тех, кто превозносит самоубийство, было бы в разы меньше.

— Неужели вам совсем не жаль ее? — Алиса, опустив голову, мяла в руках кончик пледа.

— Нисколько. А вот ее матери — у нее ведь, если мне не изменяет память, осталась в живых старая мать — я искренне соболезную. Воспитывать дочь, вкладывать свою душу, делать все для ее счастливого будущего, а потом узнать... что

она бросилась с обрыва в реку из-за каких-то безумных идей. Что ж... Довольно жестоко, не находите?

— Вы называете ее чувства безумными идеями... — Алиса подняла голову. Глаза предательски заблестели... — Почему любовь кажется вам чем-то противоестественным? Можно не быть романтиком, но... но нельзя же жить, руководствуясь исключительно сухим рассудком!

— Вы плохого обо мне мнения, — улыбка грустная... — Но мне всегда казалось, что любовь — это все же несколько большее, чем красивые слова и стремление к физической близости... Хотя, вполне возможно, что в двадцать два года все рассуждают подобным образом... Поверьте, через некоторое время осознание того, насколько все эти метания и переживание малозначительны, все же придет... Алиса, если наш разговор тебя задевает, я могу не затрагивать эту тему. Мне кажется, ты воспринимаешь все слишком близко к сердцу. Я всего лишь делюсь своим опытом и взглядами... — он посмотрел на женщину, которая отвернулась, продолжая сжимать в руках ни в чем не повинный кусок ткани.

— Меня совершенно огорчает то, с какой скоростью подобная литература в последнее время получают распространение... Господа Лермонтов, Достоевский... Не знаю, отчего, но многие поддерживают их сомнительные идеи. Хотя, какие советы могут дать юным умам бывшие заключенные или сходящие с ума от скуки дворяне, для меня большой вопрос... — и добавил, будто бы про себя:

— Люди, подобно Александру Македонскому или Оливеру Кромвелю, к сожалению, не излагают свои мысли в виде художественных произведений. В конце концов, в этой жизни они чего-то добились, в отличие от прочих... Вероятно, за перо берутся в основном те, у кого на это слишком много свободного времени, — посмотрел на нее. Смесь сожаления и отцовской теплоты...

— Пойми, Алиса, я беспокоюсь за твое состояние, и мне кажется, что то, чем ты сейчас занимаешься, никак не способствует его улучшению, а только усугубляет. Право, лучше бы ты читала сказки...

Вздыхнул... В какой уже раз. Кажется, рядом с ней это вошло в привычку...

— Просто ответьте мне на один вопрос, — она чуть напряглась, пробежав кончиками пальцев по коже руки. Оставляя белые полосы...

— Сколько влияния мне нужно оказывать на вас, чтобы желание загонять себя в состояние беспросветной грусти смогло наконец покинуть вашу голову? Вы действительно считаете, что господин Карамзин со своим... своеобразным взглядом на мир — это то, что вам сейчас нужно? Допустим, что в этом мире существуют личности, которые воспевают страдания и возвращают в себе состояние угнетения... Допустим, что есть те, кто, по непонятным причинам пользуясь популярностью среди незрелой молодежи, толкают других ломать свою жизнь, совершая расходящиеся с логикой поступки... Но вы, Алиса... Неужели вам это нравится? — он развел руками. — Право, я поражен...

Алиса посмотрела на мужа с обидой. Сергей Владимирович на секунду подумал, что она, кажется, оскорбилась в лучших своих чувствах. Нет... Так не пойдет. Пусть кто угодно ведет себя подобным образом в любой другой семье, с любым другим мужем. Но только не здесь. Не с ним. С такими взглядами нормальную жизнь построить нельзя...

— Мне жаль разочаровывать вас, — холодок, сквозивший в ее голосе, казалось, можно было ощутить физически, — но чтение литературы подобного рода — мой интерес. Кажется, от ваших дел я вас не отрывала.

«Не отрывала. Просто закрутила роман с другим мужчиной...»

— Алиса, — он тяжело опустил голову на свою ладонь, — вам станет легче, если я скажу, что занимаюсь делами службы, потому что мне это приносит удовольствие?

— Даже теперь...

— У меня странные увлечения. Но, кажется, на личное время я тоже имею право. Есть ли значение, каким именно образом я его провожу?

Она не отвечала. Закусив губу, рассматривала свои руки.

— Знаете... Если ничего лучше, чем лелеять свое уныние, вы не придумали, то у меня для вас есть полезное занятие, — он встал с кровати, давая понять, что разговор окончен. Взял со стола пару листов, вернулся к жене. Алиса растерянно смотрела на Сергея Владимировича. От бывшего сочувствия не осталось и следа. Решительность и собранность... Она с непониманием воззрилась на протянутые чистые листы.

— Что это?

— Попробуете поучаствовать в развитии экономики страны.

Судя по всему, на ее лице было изображено такое удивление, что Осоргин посчитал нужным разъяснить:

— Ничего сложного. Просто пишите то, что я буду говорить. Кажется, это вам вполне по силам. Впрочем, пересядьте лучше за стол...

Он привычным движением провел ладонью по волосам, пальцами другой руки нетерпеливо перекатывая металлическое перо. Алиса поднялась на ноги, недоумевая. Но перечить не было совершенно никакого желания. Когда в его голосе звучали подобные интонации, способов поведения оставалось не так уж много. А вернее только один: делать то, что он говорил. Нерешительно подошла к столу. Писать ей приходилось не слишком часто. Ничего, за исключением писем...

Неуверенно села, поджав ноги... Попытка найти среди бумаг перо ни к чему не привела, пока опустившаяся перед ней мужская ладонь не оставила лежать на столе необходимую письменную принадлежность. Взглянула на Сергея Владимировича, который сделал несколько медленных шагов по комнате. Обрато...

— Готовы?

Она только кивнула. Он отвернулся, проходя до окна. А затем стал диктовать.

Она боялась не успеть, ошибиться, испортить... Но Осоргин не спешил, иногда останавливаясь, повторяя уже сказанное, давая Алисе время. При этом, заложив руки за спину, неспешно мерил шагами комнату, иногда поправляя край длинного черного жилета. И вскоре она замедлилась, немного успокоившись. Ее рука выводила красивые замысловатые вензеля, попевая за темпом речи Сергея Владимировича.

Иногда он делал паузы, будто бы ища подходящие слова. И тогда Алиса поднимала на него глаза в ожидании. Украдкой рассматривая... Незаметно для самой себя... Странно, но почему-то теперь возможность наблюдать за мужем в процессе работы показалась ей занятой. Возможно, дело было в исходившей от него энергии

невозмутимости, собранности... Ни одного лишнего движения, ни одного нервного жеста. Внимание, с которым он выполнял каждое свое действие...

Задумчивое, немного напряженное лицо... Иногда он хмурился, совершенно не замечая этого, задумавшись, проводя языком по пересохшим губам. Брал у нее уже исписанные листы, сверяя что-то... Алиса, не отрываясь, следила за тем, как он пробегал глазами строки, время от времени задирая голову вверх, словно ловя ускользающую мысль. Не прекращая чтения, разминал пальцы. Профессиональная привычка, стало быть... Брал со стола перо, делая какие-то пометки на листе. Клад обратно и продолжал неспешно говорить...

Алисе удивительно было обнаружить, что наблюдать за увлеченным своим делом человеком бывает настолько интересно. Она чувствовала, как разыгравшаяся в душе непогода понемногу утихала, смиряла свой пыл. Чувство спокойствия и сосредоточенности передалось и ей. Действительно, разве могут его волновать какие-либо невзгоды и жизненные неурядицы? Наверное, нет... Иначе бы он не двигался с такой размеренностью, не заполнял бы пространство вокруг себя таким умиротворением...

Возможно, при других обстоятельствах, при другом складе характера Алиса смогла бы и раньше увидеть это, оценить... Но истинный, вечный ребенок в ней всегда искал ответной чувственности, безрассудства, спонтанности... Можно ли было винить ее за это? Кто знает... Наверное, если жизненные реалии не могут соответствовать ожиданиям, логичнее всего приспособиться к новым обстоятельствам. Но в мире существуют вещи, которые очень сложно рассматривать с точки зрения какой-либо логики. Возможно, в этом парадоксе и состоит вся прелесть жизни.

Негромкий глубокий голос, говоривший иногда совершенно незнакомые ей вещи, скорее убаюкивал... Она сама не заметила, как глаза начали слипаться, а слова на бумаге появлялись будто бы сами собой, минуя сознание... Очнувшись, когда ощутила, как оказавшаяся на плече чья-то рука чуть встряхнула ее. Сон мгновенно ушел. Подняв глаза, Алиса увидела перед собой мужа.

— Уже поздно... — он собрал лежавшие на столе листы в аккуратную стопку. Откинул со лба несколько темных с проседью волос... — Заснуть за рабочим столом — худшее из того, что может произойти. Отправляйтесь к себе. Завтра я разбужу вас рано.

Последние слова Алиса восприняла без энтузиазма. Взять в толк, как можно уделять сну так мало времени, ей не удавалось совершенно. Но здесь она была бессильна... Приняв предложенную руку, медленно встала, ощутив, как боль сводит пальцы, тяня, сдавливая... И совсем неожиданно для себя поняла, что это занятие совершенно странным образом рассеяло все дневные переживания, оставив только неясные тени где-то в закоулках сознания. Возможно, дело было и в другом... Но теперь думать ни о чем, кроме скорой возможности недолгого, но здорового сна, ей не хотелось. Как же это утомительно... Боже, как у него может хватать сил еще на что-либо?

Оперлась о его руку, чувствуя, как он уверенно ведет ее в ее комнату. Осоргин открыл дверь, придерживая, пропуская супругу вперед. Уже перешагнув порог, она

остановилась и неожиданно обернулась. Немного уставшая, но все такая же очаровательная...

— Сергей Владимирович... — тихо, неуверенно... — Я хотела поблагодарить вас...

Уточнять, за что именно, было не нужно. Мужчина взглянул на нее с пониманием. Коснулся ее руки своей. Несильно сжал ладонь женщины, поднимая, поднося к губам... Тепло разлилось по всему телу от ощущения этого легкого, невесомого, горячего касания... Алиса отвернулась. Смущение... Так странно теперь было видеть этот неяркий, красноватый румянец на ее щеках. Все же она еще такой ребенок...

Осоргин поклонился и вышел, закрыв дверь. Оставляя ее одну. Алиса прислонилась к двери спиной... Непонятное, неясное чувство. Наполненности? Целостности? После всего, что с ней произошло... Провела тонкими пальцами по дереву. Сердце стучало неровно... Странное чувство воодушевления, умиротворенности и... конечно же, желание спать. Упасть на кровать, зарыться лицом в подушки, забраться под одеяло с головой и отрешиться от всего...

Лежа в постели, скользила сонным взглядом по деревянным балкам, испещренным глубокими трещинами... Неясные звуки, медленно затухавшие в ночи...

«Жаль, что он не остался...» Последняя мысль перед тем, как сознание, расколовшись на миллионы цветных обрывков, погрузилось в темную, непроглядную глубину сна...

Иногда для того, чтобы идти вперед, что-то приходится оставить в прошлом

Запах табачного дыма мешался с запахом влажного после дождя воздуха. Пепел, нервно стряхиваемый время от времени в мокрую от залетавших в комнату капель пепельницу посредством постукивания о ее дно образовывал горстку, готовую вот-вот перевалиться за край керамической посуды. Сергей Владимирович, сделав очередную неглубокую затяжку, смотрел, как облачко сероватого дыма растворилось за окном, уносимое прохладным ветром. От продолговатой темной сигары осталась лишь половина...

— Тебе не станет дурно? — раздавшийся сзади насмешливый женский голос не вывел его из состояния задумчивости. Лежавшая в постели рыжеволосая женщина, наполовину завернувшись в одеяло, с интересом наблюдала за стоявшим у окна чиновником.

— Отвратительная привычка... Поверь, такими темпами перспектива долгой жизни тебе не грозит, — она потянулась, а затем капризно заявила:

— Может, закроешь все-таки окно? Ужасно холодно...

Осоргин не обратил на ее слова внимания. В отличие от Ирэн, мысли его теперь были лишены какого-либо радостного оттенка. Он давно планировал этот

разговор... Несколько раз Сергей Владимирович безуспешно пытался обсудить с ней то, что его волновало. Но умелые женские руки либо увлекали его обратно в постель, либо рыжая бесовка сводила все к шутке, делая вид, что не воспринимает его слова всерьез. Но всегда в эти моменты он видел в ее глазах страх. Ирэн понимала, что он хотел сказать. Когда-то это должно было прекратиться...

А вопросы были все те же. К чему ведут их отношения? Кончится ли это когда-нибудь или перерастет во что-то большее? И самое главное: почему она не хочет их узаконить? И если Ирэн, судя по всему, подобные мелочи не волновали, то Сергей Владимирович размышлял об этом почти что с самого начала. Однажды, лежа с ней рядом, наблюдая за тем, как ее пальчик рисует на одеяле замысловатые узоры, он все же спросил:

— Ты никогда не задумывалась о детях?

Она тихо засмеялась.

— Старый пень тоже переживал по этому поводу. Знаешь, существует много способов для того, чтобы избежать...

— Я не об этом, — он чуть нахмурился. — Тебе не кажется, что ты слишком жестока к своему почившему супругу?

Она посмотрела на него странно, и от этого взгляда Осоргину стало не по себе.

— Ты просто не представляешь, что значит спать со стариком.

— Даже не хочу пытаться представить, — он откинул со лба мешавшуюся прядь волос.

— Разве тебе никогда не хотелось, чтобы рядом с тобой был кто-то, похожий на тебя? Тот, кого бы ты могла воспитать, помочь чего-то добиться в жизни. Смотреть, как эта часть тебя будет расти, меняться... Делиться опытом, знать, что твой ребенок, возможно, будет разделять твой образ мысли.

— Нет. — Ирэн тряхнула рыжей головкой. — Ты так просто рассуждаешь об этом... А то, что женщине приходится девять месяцев ходить с огромным животом, всячески страдая, а потом пытаться втиснуться хотя бы в один из корсетов... Увольте.

— Это такие мелочи...

— Но не для меня. Ты же спрашиваешь мое мнение? Мой ответ — нет. Я не задумываюсь ни о детях, ни о браке, если ты это имеешь в виду. Тех двух лет мне вполне хватило. Я не собираюсь больше выходить замуж, не собираюсь рожать. Все эти церемонности совершенно ни к чему. А заниматься воспитанием отпрысков у меня нет никакого желания.

Она упрямо сверкнула зелеными глазами. Затем чуть приподнялась на локте, заглядывая в лицо Осоргина.

— Ты самый странный человек из всех, кого я встречала... Обычно мужчины не стремятся с такой силой к созданию семьи. Это происходит либо по принуждению родителей, либо из-за общественного давления. А потом измены, быт и множество потомков, появившихся, кажется, лишь по чистой случайности...

Сергей Владимирович улыбнулся самыми кончиками губ. Едва заметные морщинки... А потом в серых глазах появилась какая-то печаль... Ностальгическая, скорее...

— У меня никогда не было семьи, Ирэн. Мать я едва помню. Она умерла, когда мне не было и четырех. Отец... — он внезапно посерьезнел, смотря куда-то вдаль. Через плотную пелену, застилавшую прошлое, надежно разделяя временное пространство.... — Его я бы предпочел не помнить. Ни о каком взаимном понимании в наших отношениях речи быть не могло. Впрочем, он расстался со мной при первом удобном случае. И, наверное, это единственный поступок, за который я ему благодарен...

Женщина слушала его, нахмутив лоб, на время прекратив гладить край одеяла.

— Боже... Да ты сиротка... Иди, я тебя обниму. Мне так жаль... — она придвинулась к нему, обхватив руками, прижавшись всем телом. Была ли эта жалость искренней, или же Ирэн просто умело сыграла прилив нежности... Осоргину было не важно. Он тихо засмеялся. Все-таки женщины — удивительные существа: всегда больше любят все то, что можно пожалеть. Наверное, это все-таки был материнский инстинкт, от которого княгиня так упорно открещивалась.

Но все же их непонятные, странные отношения никуда не двигались. Ирэн была, возможно, единственным человеком, на которого доводы Сергея Владимировича не действовали совершенно. Может, дело было в том, что она проявляла излишнюю самостоятельность или же в том, что знала его слишком хорошо... В любом случае, у Ирэн были какие-то свои неведомые ему цели, о которых она предпочитала не распространяться. Взглядов мужчины на создание полноценной семьи и дальнейшую жизнь в уже узаконенных отношениях она не разделяла...

Смотря в пустоту, чувствуя горьковатый привкус сигарного дыма, Осоргин понимал, что этот день настал. Либо она принимает его сторону, либо... Дальше так продолжаться не может...

Тихие шаги за спиной. Он почувствовал мягкое, невесомое прикосновение ее теплой руки. Женщина встала рядом, накинув на себя один только халат, заглядывая ему в глаза.

— Что с тобой? — смешливые огоньки в ее глазах медленно затухали. Она поняла...

— Ирэн... Нам все же стоит поговорить.

— О чем? — нотки грусти в ее голосе давали понять, что решение она уже давно приняла...

— Думаю, ты знаешь. Ирэн, так не может более продолжаться.

— Почему? Почему, Сергей? — она неожиданно приблизилась к нему, схватив за плечи, с отчаянием заглядывая в глаза. — Что тебе мешает? Разве того, что мы просто любим друг друга недостаточно? Что же нужно еще? Зачем все это...

Он провел ладонью по ее щеке...

— Мне уже четвертый десяток. Возможно, сейчас мне действительно не нужно ничего более того, что у меня уже есть. Но что будет по прошествии пяти лет? Десяти? Пойми: с каждым годом жизненных сил и возможностей для осуществления своих идей будет становиться все меньше... Ты думаешь, что в пятьдесят я буду в состоянии заниматься воспитанием детей? Если мне к тому времени повезет еще оставаться на этой земле, то я сочту это достижением...

Ирэн печально улыбнулась, задерживая его руку на своей щеке. Осоргин продолжил:

— Может, мы действительно расходимся в наших взглядах и представлениях о счастливом будущем. Что ж... Я не могу принуждать тебя, не могу удерживать... Но и от своих желаний отказаться я не в состоянии. Я хочу создать свою семью, видеть, как растут мои дети. Мне жаль, что радость материнства ты считаешь для себя недоступной. Но в таком случае... Боюсь, здесь наши пути разойдутся.

Ему было тяжело... Он старался не смотреть на нее. Не видеть этих зеленых глаз, заглядывающих в самую душу...

Ирэн опустила голову. Рыжие пряди ниспадали с плеч, подобно ручьям, сверкающим в лучах солнца...

— Знаешь... Кто бы ни была твоя будущая жена, она будет самой счастливой женщиной во всем мире, — уткнулась в его плечо. — Ты необычный... Я искренне завидую той, кто сможет провести всю жизнь с тобой рядом, — его рука коснулась рыжих волос. Сергей Владимирович чуть приблизил свое лицо, вдыхая аромат лаванды... Пытаясь запомнить...

Ирэн вдруг порывисто прижалась к нему, обнимая...

— Наскучит семейная жизнь — дай знать, — она попыталась говорить весело, но голос дрогнул... Подняла голову, всматриваясь в его лицо бесконечно долго. Пытаясь сдержаться... Эти серые, немного грустные глаза, красивые, как она всегда говорила, черты лица, непослушная прядь волос, падающая на лоб... Жаль, что все вышло так....

Поцеловала. Не в губы. По-настоящему тепло, долго...

— Прощай, — она высвободилась из его объятий, отворачиваясь, пряча лицо... Медленно обошла, скользнув пальцами по плечу. Осоргин услышал только шорох одежды за спиной. А через несколько минут ее уже не было... Ни в его доме. Ни в его жизни.

Осоргин медленно подошел к кровати. Сел, поднося ко рту недокуренную сигару... Смотрел в окно, не видя ровным счетом ничего. Конец... Наверное, он просто не до конца осознал, что она больше здесь не появится. В воздухе еще витали тонкие нотки лаванды... Слезы не катились по его щекам. Желания бить посуду не было... Просто что-то оборвалось внутри и погасло. Рыжее зеленоглазое солнце, вспыхнув ярким светом, потухло. Для него теперь навсегда...

Отчаяние по капле просачивалось сквозь бьющиеся уже в агонии чувства, пока тлела сигара. Потому что он позволил... Когда огонек добрался до пальцев, обжигая их, Сергей Владимирович опустил ее в пепельницу. Провел рукой по лицу, словно отгоняя наваждение... Да, его жизнь уже не будет прежней, но это не значит, что она будет хуже. Просто по-другому... Просто не с ней... Нужно уметь отпускать людей. Позволить себе тонуть в черном густом омуте уныния и страданий — худший выбор из всего возможного. Все будет. Потом... Обязательно будет. Теперь надо продолжать жить. Не думать, отвлекаться... Кажется, это несложно... Нужно что-то, что сможет прогнать дурные мысли. Доделать отчет. Надо доделать отчет...

Чувства уходящего дня

— Алиса, стойте ровнее! Представьте, что перед вами человек. Если у вас так же будут трястись руки, то готовить гроб можно будет для любого, кто в этот момент просто пройдет мимо.

Осоргин немилосердно сжал ее талию, заставляя стоять ровно. Другой рукой поднял выше локоть. Понизил голос почти до шепота...

— Смотрите прямо... Не стоит ни на что отвлекаться. Просто представьте, что вокруг нет ничего иного, кроме вашей цели.

Как просто было ему говорить это. Как сложно было ей слушать... Чувствуя его дыхание на своей шее, ладонь на талии... Алиса сглотнула, пытаясь все же настроиться нужным образом.

— На «три» стреляйте.

Она вскинула голову, приготовившись...

— Раз.

Сердце бешено колотилось, словно пытаясь разбиться о грудную клетку...

— Два.

От ощущения его близости, от страха перед предстоящим выстрелом... У нее не получится!

— Три!

Хлопок. Запах пороха. Алиса испуганно дернулась назад, вскрикнув, бросив револьвер, зажмурившись... Уперлась спиной в грудь Сергея Владимировича, чувствуя, как его руки подхватывают ее, не давая потерять равновесие.

— Отлично... Только не роняйте на землю оружие.

Чуть подтолкнул ее вперед, отходя. Алиса осталась стоять в полнейшем изумлении. В ушах гудело... Руки дрожали... Она сделала это... Она это сделала... Состояние потрясения никак не отпускало ее. До этого дня она никогда не держала в руках револьвер, не то чтобы стрелять... Из забытья ее вывело ощущение теплого металла в своей ладони. И снова голос...

— А теперь два выстрела подряд и постарайтесь все же попасть в цель.

— Слишком громко...

— Но не смертельно. Во всяком случае для того, в чьих руках находится оружие... Если хотите заглушить звук, используйте подушку, — он усмехнулся. — Впрочем, смею надеяться, что эта информация вам никогда не пригодится...

Алиса повернула к нему голову. Лицо, оказавшееся от нее в совершеннейшей близости... Возможность рассмотреть даже самые незаметные на первый взгляд черты... Азартные огоньки в глазах плясали невообразимый танец. Осоргин посмотрел на жену.

— Сударыня, все, что достойно вашего внимания, находится там, — он указал рукой на стоящий в десяти шагах глиняный кувшин. — Здесь нет ничего интересного.

Видимо, она все же не сразу поняла смысл его слов, потому что Осоргин, нахмурившись, коснулся пальцами подбородка Алисы и терпеливо повернул ее голову, заставляя смотреть вперед...

Она не смогла бы предположить, какие сюрпризы ей преподнесет новый день. Когда Алиса с утра зашла в комнату мужа, его там не оказалось. Кровать, застеленная наскоро накинутым пледом, аккуратно прибранный стол, на отливающей бордовым

глади которого лежал... револьвер. Подошла чуть ближе, удивленно смотря на холодный поблескивавший металл. Оружие убийства прямо перед ней... Алиса и раньше видела револьверы, но чтобы так близко... И здесь... Она ожидала увидеть что угодно, но только не это.

Деревянная ручка со следом от сучка ближе к основанию. Гладкий ствол без изощренных, замысловатых узоров. Алиса повертела его в руках. Снизу, возле курка какие-то цифры. И гравировка. Приглядевшись, она прочла слово «Lefaucheuх». Впрочем, оно не говорило ей ровным счетом ничего.

Провела пальцем по стволу... Внезапное прикосновение к плечу заставило женщину вздрогнуть, и она чуть не выронила револьвер из рук.

— Вы знаете, что брать оружие, которое вам не принадлежит, — дурной тон... — вкрадчивый голос прямо над ухом... Осоргин осторожно взял из рук жены револьвер.

— Алиса, — уже громко, — ну что ты делаешь? А если бы он оказался заряжен?

Она повернулась к мужчине. Румянец, появившийся на щеках, и скромно потупленные глаза придавали ей вид совершеннейшей невинности.

— Простите... Мне просто стало интересно.

— Да вы хоть умеете с ним обращаться? — ему казалось, что подобные разговоры подобало вести скорее с Федей, нежели с ней. Впрочем, ощущение того, что у него все же было два ребенка, не слишком сильно различавшихся по возрасту, появлялось довольно часто...

— Нет... Мне никогда не приходилось стрелять.

Да и зачем?

— Это плохо... — Сергей Владимирович откинул барабан и теперь неторопливо вставлял в него вынутые из кармана жилета продолговатые патроны. — Защищать свою жизнь должен уметь каждый, независимо от того, мужчина он или женщина. Поверьте, это намного более полезно, чем то же вышивание...

— Зачем вам здесь понадобился револьвер? — Алисе совершенно не удавалось скрыть свое любопытство.

Осоргин взглянул на нее задумчиво. Погладил ствол, медленно прокрутив барабан, отозвавшийся отчетливыми щелчками... Затем, на секунду прикрыв глаза и мотнув головой, словно отгоняя дурное видение, произнес:

— Алиса, вокруг, за исключением двух местных жителей, нет ни одной живой души. Между тем, место довольно глухое и дикое... Водиться тут может кто угодно. Излишняя осторожность совершенно не повредит.

— Вы думаете, что эта вещь сможет остановить медведя? — Алиса облокотилась о стол, с большим вниманием рассматривая револьвер в руках супруга.

— Наверяд ли... На такой случай внизу, как вы могли заметить, висит ружье. А вот для того, чтобы научить свою жену стрелять, он вполне подойдет. Пойдемте... — ее рука оказалась в его, и Алиса почувствовала, как Осоргин потянул ее за собой. Страшно, непривычно... но вместе с тем до крайней степени интересно. От своих знакомых она ни разу не слышала, чтобы кто-либо когда-нибудь занимался подобным. Может, дамам ее круга это и показалось бы чем-то до невозможности странным, но, впрочем, она ничего не потеряет, если попробует...

Взвод курка. Рука уже почти что не дрожит. Всего одно движение... Раздавшийся грохот грубо взрезал застывшее пространство. Щелчок. Еще один выстрел. Щелчок. Еще один... Вымещая всю злость, всю боль, всю несправедливость...

Она остановилась только тогда, когда в барабанах вовсе не осталось патронов. Тяжело дышала, вздрагивая... Волосы, прилипшие к влажным щекам... Тишина, в которой рассеялись звуки выстрелов... Рассеялись вообще какие-либо звуки. Напряженный, подрагивающий воздух, словно гладь воды, в которой расходятся круги от брошенных чьей-то неосмотрительной рукой камней...

— Легче? — бесстрастный негромкий голос.

Алиса повернулась, встречаясь глазами с пронизательным, спокойным взглядом мужа. Не могла, не знала, что сказать... Только кивнула. Положила револьвер в протянутую ладонь.

— Хорошо, — разбитый случайно влетевший в его глиняную стенку пулей кувшин, свежие отметины на стволах, сломанная ветка... — Превосходно...

***

Вечер... Не такой поздний, но все же медленно провожающий своей ласковой рукой безжалостно опаляющий жаром диск солнца... Ночная свежесть, появившаяся в разряженном воздухе. Долгий день уносил с собой все бессмысленное и тревожное. Господство чувств над установленными рассудком преградами — это ночное время...

В кресле у камина было особенно уютно. Наблюдать за тем, как в тонких язычках пламени потрескивали дрова, чувствуя, как исходящее от них тепло согревает замерзшие руки — поистине лучшее занятие в такой вечер. Облокотившись о спинку, Алиса смотрела, как искры от горевших поленьев вспыхивали, исчезая в темном пространстве... Завораживающее зрелище... Как проходящая в один момент перед глазами маленькая жизнь. Яркая, но неотвратимо обреченная угаснуть... Книга на коленях, в одной руке яблоко, в другой маленький острый нож. После того, как Алиса, засмотревшись на полыхающий в камине огонь, порезала себе ладонь, она предпочла отложить его в сторону...

Откинутаая на подлокотник кресла рука обнаружила под собой неожиданную мягкость. Не бархат, которым было обито все кресло... Алиса повернула голову. Черное кашемировое пальто, скромно висевшее на подлокотнике... Впрочем, имея возможность лицезреть всю капризность осенней погоды, Алиса не удивилась тому, что оно находилось здесь. Тем более что в последние дни холод приближался совершенно неумолимо. Провела аккуратной рукой по предмету одежды. Небольшая шероховатость... Но ощущение было несомненно приятным.

Она вспомнила, как Сергей Владимирович приходил в этом пальто со службы. В животе разлилось приятное тепло. Странно... В любом случае, если уж нынешний век мог ей чем-то нравиться, так это несомненно продиктованной им манерой одеваться.

Вдруг неожиданно возникшее необъяснимое желание... Поднесла черную ткань к лицу. Зарылась носом. Все же немного жестковата, чуть покалывает. Вдохнула... Странно, но обычного для пальто запаха шерсти или меховой оторочки не было. Что-то свежее, тягучее, недосказанное... Парфюм. Алиса не могла бы назвать себя знатоком в этой области, а потому разобрать, что именно представляло собой это кружащее голову сочетание, ей было непросто. Кажется, что-то похожее на дерево...

Кедр. Так пахли кедровые доски... Или табак... Впрочем, возможно, дело было и не в одеколоне... Алиса потянулась к вороту. Здесь это чувствовалось особо сильно. Нотки чего-то цитрусового... Эта резкость, свежая легкость и одновременно с тем зрелость, устойчивость, искушенность буквально сводили ее с ума. Противоречашие, противоположные грани... Алиса потерлась щекой о ткань, пропитанную этим кружащим голову запахом... Она никогда не могла бы предположить, что столь обыкновенная деталь может вызывать у нее подобные эмоции. Ее пальцы продолжали сжимать пальто. Почему это так противоречиво? Почему это отзывается где-то внутри... бешеным стуком слабого сердца, упавшими вниз тысячами осколков, переворачивавшими все... Странное, бессмысленное занятие, от которого закружилась голова и взмокли ладони... Прикрывая глаза, она готова была вечно зарываться лицом в эту черную жестковатую ткань, с упоением ловя это чувство... которое она сама не смогла бы точно назвать... Книга упала с колен куда-то на пол. Откинула голову на спинку кресла, прижимая пальто к себе... Почему-то совершенно странным образом в этом своем состоянии она находила для себя особое чувство защищенности... Осознание того, что человек, о котором были теперь ее мысли, принадлежал ей... и был рядом. Этот запах потом останется на ее коже, так сильно контрастируя с нежным юным образом...

Тени от предметов медленно исчезали, сливаясь с неотвратимо овладевающими пространством сгущающимися сумерками. Словно прибрежные камни, уходящие под темную воду... Стихал щебет птиц, звуки бьющей ключом бурной жизни... Одиноким стрекот кузнечика в высокой траве, тоскливый голос ночной птицы... Дверь тяжело открылась. Сергей Владимирович вошел в гостиную, попутно стряхивая с себя несколько пожелтевших опавших листьев, прицепившихся к ткани. Обвел взглядом комнату. Дневной свет уже вовсе не проникал сюда, уступая место ночному сумраку. Только одинокие искорки, время от времени, ярко вспыхивавшие, освещали погруженное во тьму пространство.

В большом кресле у камина, забравшись на него с ногами, спала Алиса, запрокинув голову на спинку. Во сне ее лицо было безмятежно и расслабленно. Если бы она была такой и в жизни...

Мужчина подошел ближе. В тусклом свете особенно выделялась бледность спящей. И тут только Осоргин заметил, что Алиса почти полностью завернулась в его пальто. Зачем? Кажется, в доме теперь было очень тепло. Дрова в камине почти догорели, но перед этим окружающее пространство смогло нагреться более, чем достаточно.

Довольно поздно... Не собирается же она провести здесь всю ночь. Взгляд наткнулся на лежавшую на полу книгу, по-видимому, выпавшую из рук Алисы. Наклонившись, тихо поднял, проводя рукой, сметая несколько крошечных пылинок. Черная обложка. Сабатини... Ну допустим... Лежащий на столе поблескивавший маленький нож, половина яблока, успевшего из белого стать коричневым. Теперь понятно, откуда на ее ладони неглубокий порез. Десять раз ведь показывал ей, как это делается, но избежать хотя бы малейшего членовредительства она, видимо, была просто не в состоянии. Хотя бы перевязала руку... Нет, все же ей следовало бы учиться заниматься хозяйством, а не чем-то другим.

Будить жену не хотелось. Может, это и было чересчур наивно, но во сне она действительно смотрелась очень хорошо. Как прекрасна бывает молодая женщина, когда ее голову не тревожат волнительные идеи... Покой и безмятежность...

Провел рукой по ее плечу, делая попытку осторожно снять пальто. Алиса нахмурилась во сне, заворочавшись... Нет, не разбудить не получится. Подоткнув черную кашемировую ткань, обнял ее за талию, притягивая к себе. Чуть приподнимая ее тело. Другой рукой подхватил под колени, стараясь все же сделать это как можно осторожнее.

Она не проснулась. Устроила голову на его плече, неосознанно прижавшись к нему, пока Осоргин нес ее наверх. Неожиданно легкая. Кажется, она даже не изменилась с момента их первой встречи... Хотя, по сути, прошло не так уж много времени. Тот же шестнадцатилетний мечтательный ребенок, ждущий чего-то от жизни. Верящий в то, что все происходит исключительно по одному желанию. Что ж... Жизнь часто бывает совершенно не такой, какой бы людям хотелось ее видеть.

Ее теплое тело. Ровное дыхание... Она чуть прогнулась в талии, повиснув на его руках, доверчиво прижавшись к его груди. Алису не разбудил скрип досок, негромкий скрежет открывшейся двери... Ни ощущение его рук, когда Осоргин осторожно опустил ее на кровать, укладывая... Проводя рукой по шее, убирая с лица упавшие каштановые пряди... Расправил его черное пальто так, чтобы оно укрывало женщину полностью. Ресницы дрогнули. Тихий вздох во сне... Оставалось надеяться, что хотя бы ее сны были спокойны...

Взгляд скользнул по кровати. Отчего-то остановился на висевшей на стене иконе... Усмешка, скривившая губы. Если эта женщина и молилась кому бы то ни было, то, в любом случае, она уже нарушила все возможные законы, продиктованные правилами того, во что она верила. И как же это, наверное, просто: переложить ответственность за свои грехи на кого-то. А потом, раскаявшись, продолжить грешить. Хотел бы он жить так же непринужденно...

Тепло, наполнившее комнату, становилось чересчур ощутимым. Осоргин поморщился... То, что он не любил вовсе — чрезмерную жару. Впрочем, в доме была веранда. К тому же, совершенно неожиданно возникший во рту привкус табака подталкивал к определенным действиям... Видимо, напряжение последних дней все же давало о себе знать. В конце концов, зачем же жить, если не имеешь возможности позволить себе некоторые «отвратительные привычки»...

Еще час до начала грозы

Густая, душащая темнота... Неожиданные порывы ветра не освежали, не прорывались сквозь этот плотный воздух... Солнце зашло за горизонт. Оставив в небе следы, похожие на запекшуюся кровь... Хоть бы начался дождь... Казалось, его просила не только готовая принять живительную влагу земля, но и измученная душа.

Усталость... Все, что он чувствовал, делая очередную недолгую, неглубокую затяжку. Осоргин вообще заметил, что потребность курить у него появлялась в основном тогда, когда все было очень хорошо, или же, когда все складывалось далеко не лучшим образом. Причем последний случай обычно теперь наступал значительно чаще. Возможно, подобное времяпрепровождение уже стало частью его образа жизни...

Скопившийся на конце сигары серый пепел, который не следовало стряхивать... Задумчивый взгляд. Невеселые мысли... Он чувствовал себя уставшим. Насколько это было возможно... Единственное возникавшее желание — завалить себя делами службы и никого не видеть как можно дольше. Бороться с разбитостью и опустошенностью было трудно... В его жизни часто случались потрясения. Не в первый же раз... Но тогда и он был моложе.

Еще одна затяжка...

В отличие от Алисы, ему было совершенно не важно, где находиться. Если внутри покой, то твой дом везде. А если нет... Осоргин, опершись о перила, смотрел, как по ветке росшего перед верандой дуба прыгала какая-то невзрачная сероватая птица. Странно, что могло делать это жизнерадостное существо в надвигавшейся ночи. Может, потерявшийся птенец...

Самообладание... Качество, которому он, наверное, был обязан карьерой и относительно успешной жизнью. Держать себя в руках. Всегда. Даже тогда, когда, кажется, впереди пустота. Даже тогда, когда буквально сводит с ума возникшее желание плакать кровавыми слезами оттого, что внутри нет ничего, кроме ада... Просто развороченная, выжженная чьими-то уверенными действиями пустошь... Как он понял уже давно, слезы никогда ни к чему не приводили. А потому и незачем было убиваться. Может, только в детстве... Отец, которого выводило из себя даже присутствие рядом собственного ребенка. Серьезный взгляд серых глаз... Таких не было ни у кого. Что именно заставляло этого чужого для него человека отворачивать холодное, застывшее в гримасе омерзительного безразличия лицо, мальчику тогда понять было просто не дано. Этот немного грустный взгляд или просто то, что его считали незаконнорожденным... Жестокость и холод. Тогда уже он дал себе обещание, что со своими детьми не будет обращаться подобным образом... Чужие ошибки можно повторять... или же учиться на них. Смотря на то, как медленно угасала жизнь его матери, судя по всему, когда-то давно полной жизни и энергии женщины, Сергей выбрал для себя второе. И причиной такого ее состояния были не тоска по несбывшимся надеждам и не привычка жалеть себя, а методично возникавшие на коже кровоподтеки... Свидетельство не страстной несдержанности, а ненависти... Всеразрушающей, заполняющей разум, охватывая его своими липкими щупальцами. Он знал, что такое ненависть... Впрочем, какой смысл реветь, если в ответ встретишь лишь уничтожающее безразличие.

Изменилось ли что-то со временем? Куда уходили все те, кому было позволено проявить слабость? А впрочем, кажется, это позволялось любому, кроме него самого... Когда на тебе лежит ответственность не только за свою жизнь, но и за жизни других людей, своей семьи, становится не до собственных проблем... Впрочем, он давал волю этой слабости только до тех пор, пока тлела в руке сигара. В этот

недолгий промежуток времени можно было разрешить и радость, и жалость, и ненависть, и отчаяние...

Конечно, он предвидел с самого начала, что могут возникнуть трудности. Знал, что они, скорее всего, возникнут. Но, черт возьми, не в таком же масштабе! Последнее, что хочется сделать мужчине, перешагнувшему сорокалетний порог, — разобраться в том, какие именно проблемы выдумывает себе девочка вдвое младше него. В таком возрасте, как бы то ни было странно, хочется, скорее, видеть плоды своих трудов и вложений, коих было сделано немало. Чувствовать спокойствие, стабильность. Пресловутую «любовь», в конце концов. А выходит...

А выходит, что теперь он до сих пор пытается прийти в себя. От удара... Глупо ли переживать по такому поводу? Наверное, да, если семья для тебя — всего лишь обычное, само собой разумеющееся явление. Почему ему, в отличие от многих его знакомых, была небезразлична собственная жена, он не знал. Наверное, просто не представлял, что может быть как-то по-другому... Может, за это и получил... то, что получил. Наверное, семьи, где супруги живут каждый своей жизнью, не интересуясь друг другом, действительно самые счастливые. Не бывает так больно...

Сероватый дым, поглощаемый холодным мраком. Едва различимый в темноте маленький зверек, пролезший под верандой и, забравшись вверх по краю перил, скрывшийся под козырьком...

Сергей Владимирович посмотрел вверх. На тусклую, медленно затягиваемую темными тучами луну... Любимому человеку можно простить все. Или очень многое. Но забыть... О том, что она сделала... Что его Алиса... с кем-то еще... Он закрыл глаза, машинально проводя рукой по волосам. Почему-то посмотрел на свою ладонь. Пара выпавших волос. Грустный смешок... Неожиданно... Все-таки нервы у него действительно слабые...

Что все эти дни творилось в его сознании? Совершенно разные идеи и мысли... Весь спектр от стремления пожалеть себя любимого до желания разрядить всю обиду ей в голову подавлялся многолетней выдержкой и обыкновением осознанием того, что потом легче не станет. А уж подставляться самому из-за чужьей-то глупости... В другой жизни.

Он любил ее так, как умел. И, казалось, выказывал свою любовь настолько, насколько позволяли возможности. Почему она не могла этого понять? Что угораздило ее себе надумать? Даже, если они, возможно, слишком разные, неужели это такое непреодолимое препятствие? Впрочем, сожалеть об этом теперь было глупо. Он решил простить, дать шанс восстановить их отношения. Изменить что-то, если понадобится... О прошлом не жалеют. Хоть и забыть об этом порой бывает трудно...

Горстка пепла, вспыхнув, упала куда-то вниз. За перила. Раскат грома... Еще далеко. Время было.

Страх... Что делают люди, в которых вкладываешь свою душу? Люди, о благе которых заботишься и переживаешь...

Наверное, боль — то чувство, которое могут принести лишь самые близкие... Какое дело до тех, при мысли о ком сердце не ускоряет своего биения... К кому не стремишься, лишая себя покоя и сна. А потому ощущение пустоты внутри никак не хотело отпускать... Если сын вырастет таким же? Если он вообще относится к

окружающим не так, как следовало бы? Был ли его отец прав, делая вид, что у него нет сына... Во всяком случае, он бы ни минуты не переживал, зная, что с ним могло бы что-то произойти. Что он мог заболеть, умереть... Не переживал же, когда умерла мать...

Осоргин посильнее запахнул халат. Холодало... Первые капли, падая, разбивались о бревна, разлетаясь в стороны. Пожелтевшие листья, уносимые порывом ветра... Кажется, что так проходит и жизнь... Можно пытаться контролировать все, в том числе и себя, не позволяя ломаться. Но он ведь не железный... Главное — уметь вовремя остановиться. И он остановится. Когда кончится сигара...

Кто-то говорил, что ничто в этом мире не постоянно, особенно женщины. Глупейшее утверждение. Следить за своим поведением должен каждый. Остальное — всего лишь распушенность.

Прикрыл глаза... Надо было быть идиотом, чтобы не заметить перемены в ее поведении. Резкость, отстраненность... Чувство вины в глазах утром... Как будто она изменяла не ему, а с ним кому-то еще... О ком он не знал. И не хотел знать... Не мог верить...

Да и теперь... Ее красноречивые взгляды, вздохи ничего не меняли. А была ли для нее вообще разница, с кем спать? Ему ведь уже не двадцать лет, чтобы видеть во всем этом что-то сверхъестественное...

Видел ли он в этих глазах любовь? Он не мог сказать. Но в них было доверие. Возможно, она держалась за него, как утопающий за любой возможный предмет, способный предотвратить мучительную смерть. Она выбрала его помощь. Может, это было не все, что могла дать эта красивая, хрупкая, беззащитная молодая женщина. Но в подобных обстоятельствах достижение несомненное. И кто знает, как повернется в дальнейшем их жизнь...

Впрочем, как бы это ни было глупо, а тогда, когда, кажется, уже следует остепениться и задумываться о чем-то серьезном, у человека остаются все те же самые потребности. Бывают ли исключения? Наверное, да. Он этим исключением не был. С какой бы серьезностью Сергей Владимирович не относился к исполнению необходимых обязанностей и с какой бы точностью не выверял свои действия, а все же, скорее, так и остался романтиком... Необходимость тепла, ощущения того, что ты любим, — кажется, в этих желаниях нет чего-то необычного...

Хотелось бы поверить, что тогда, когда она накинулась на него в лесу, ей двигало не просто желание снять напряжение. Да, это было неожиданно. И хотя никаких иллюзий по поводу ее отношения теперь он не строил, что-то все-таки дрогнуло, болезненно сжавшись где-то внутри, когда она с такой нежностью касалась его лица своими губами... Хотя бы на секунду хотелось поверить... Впрочем, верить никто не запрещал.

Беспокойство... Пусть эта поездка была и не слишком долгой, но он искренне переживал за Федю. Агафья хоть и была отличной гувернанткой, но человек все же чужой... Что могло случиться за это время... Да что угодно. Контролировать действия прислуги, находясь теперь за столько миль от дома, он не мог. Хотя Алиса, кажется, за все время ни разу не вспомнила о сыне. Впрочем, разве волновал ее кто-либо, кроме себя...

Осоргин подумал, что все же нервные потрясения на нем теперь сказывались совершенно не лучшим образом. И это с учетом того обстоятельства, что ее безрассудство не обернется чем-то большим, чем сокращением лишних двух-пяти лет его жизни. А если нет... Если теперь придется подавать на развод... Да и черт с ним со скандалом и обязательными проблемами на службе. Что делать с сыном? Как объяснить ему подобные обстоятельства? Наверное, это было именно то, от чего он так пытался оградить Федю... От повторения событий собственной жизни...

Потерянность... Что будет, если все повторится снова? Нет... Не повторится. Уже никогда. Никогда впредь не позволит так себя использовать. Но начинать новую жизнь в сорок два года... Совсем не то, чего он хотел добиться в жизни. Нет, он вполне здраво оценивал свои силы и не стал бы ставить крест на своем будущем. Но уже и не хотелось... Не хотелось возвращаться к тому, от чего, казалось, ушел еще десять лет назад...

Впрочем, завтра он снова вернется к тому, что решил для себя. К тому, что сможет заглушить эту непроходящую боль... К любым действиям, которые смогут помочь сохранить хотя бы внешнее спокойствие. И гонять... Гонять ее до потери пульса. Теперь ни одно действие она не будет делать без его ведома. Довольно...

Как ни странно, но в произошедшем мужчина не склонен был винить того, на кого бы первым делом указал любой другой на его месте. Роль Бориса Тилинга во всей этой истории волновала его теперь в последнюю очередь. Не он, так кто-нибудь другой... Мало ли в этом мире проходимцев, не гнушающихся самых отвратительных средств для получения желаемого. Вряд ли хоть один из них будет опаснее беспризорного кобеля, если на них не обращать внимания. Не принимать правила игры. На ум приходило одно не слишком пристойное, но невероятно точное выражение... Все равно разбираться стоит все же с членами своей семьи, а не сваливать все грехи на какого-то малолетнего мерзавца.

Человек, живущий по тем средствам, что отпускали ему достойные родители... Превосходно. У Осоргина не возникало сомнений относительно причин столь «удивительно осознанного» решения молодого человека. Принял, исходя лишь из уверенности, что они подобное поведение не одобряют. А следовательно, и обеспечивать перестанут...

Можно было бы рассмеяться. Если бы это ни было так печально, он, наверное, так бы и сделал...

Впрочем, адъютанту Сергей Владимирович совершенно неожиданно теперь посочувствовал. Такой молодой... Ведь он тоже в его возрасте пытался добиться чего-то, с уверенностью и энтузиазмом идя к своей цели. Когда ты еще не достиг ничего, и любое неосторожное действие может стать препятствием... Не спасет даже происхождение. Столько великолепных планов и идей... Вот только он никогда не брал чужое. А как хорошо все начиналось... Осоргин усмехнулся, смотря куда-то в темноту, в последний раз выдыхая струйку дыма.

«Жаль мальчика...»

Судьба или рок

Ровное дыхание. Ровное биение сердца... Кто бы подумал, что спокойствие сможет прийти к нему так скоро... Стоило лишь немного подержать возле свернутых листьев табака спичку, вдохнуть слабый дым и досчитать до десяти... Тихо... Шум и бессмысленные звуки остались где-то за спиной. Одинокий балкон подходил как нельзя лучше для того, чтобы наконец успокоиться...

Ее больше нет. Совсем... Какая странная шутка...

Ему стоило большого труда ничем не выдать своего потрясения. Просто покачать головой и выразить сожаление... Как это было мало от того, что он хотел бы сказать...

Впрочем, и переживать по этому поводу слишком долго Осоргин не собирался. Все уходит... Кто-то раньше, кто-то позже. Ничего необыкновенного в этом нет. К тому же, он отчего-то и не предполагал, что это может произойти как-то иначе. Представить, что эта женщина состарится и будет покорно ждать, пока смерть придет за ней... Нет, кто угодно, но только не она.

Весть о том, что княгиня Белинская была застрелена кем-то неизвестным, дошла до Петербурга в крайне быстрые сроки. Осоргин отчего-то усмехнулся. Как же эта новость взбудоражила общество... Что ж, она всегда говорила, что хочет уйти из жизни в добром здравии и ясном рассудке, на пике своей красоты. А ее поведение давало все шансы к осуществлению этих странных замыслов. Какой из ревнивых ухажеров пустил пулю в лоб рыжеволосой красавицы, оставалось только догадываться.

Они не виделись несколько лет... Тогда она почти сразу уехала, кажется, в Италию...

Один раз он уже отпустил ее. Было трудно... Но единственное, наверное, качество, присутствовавшее в них обоих — способность добиваться своих целей. Что изменилось для него? Резко возросшее количество работы, помогавшее избавиться от грусти, скоротать время... Появившаяся привычка добираться до министерства исключительно пешком. За довольно короткий срок он смог значительно улучшить свое положение. Возможно, это было не совсем то, чего он хотел... Но с карьерой дела складывались как нельзя более удачно. До всего же остального...

Осоргин задумчиво поднес к губам сигару. Хотелось бы верить, что она была счастлива перед тем, как все произошло... Всегда такая яркая, смеющаяся... Трудно было представить, что эти зеленые глаза смогут навсегда закрыться. Она умерла так же, как и жила: внезапно, необъяснимо, взбудоражив всю широкую общественность. Может, она уже теперь в лучшем мире...

Стук каблучков... Шорох юбок и частое дыхание. Он обернулся. Молодая девушка, придерживая подол платья пастельно-розового цвета, почти вбежала на открытый балкон. Стоящего чуть поодаль Осоргина нежданная гостья просто не заметила. Румянец на щеках и часто вздымающаяся грудь говорили о том, что юное создание было явно взволнованно. Вдыхая свежий вечерний воздух, сжав аккуратные ладони, она встала возле перил. Прозрачная шаль, струящиеся по

плечам темные волосы... Широко распахнутые глаза и чуть приоткрытый рот. Про себя Осоргин отметил, что нежданная гостья сейчас невероятно походила на шекспировскую Джульетту. Может, чуть постарше...

«Красивая девочка...» Оставалось только надеяться, что ее судьба сложится лучше, чем у пресловутой героини пьесы. Сколько милого и неиспорченного есть в леди ее возраста. Впрочем, если ей повезет выйти замуж за достойного человека, быть может, сохранится и эта особенность, и умение удивляться всему новому, и возможность видеть в жизни прекрасное. Было бы хорошо... Впрочем, это уже не его забота.

Хоть подобное вторжение и нарушало его планы, но все же искать уединенное место, когда ты находишься не у себя дома — определенно не лучшая затея. Да, хотелось немного прийти в себя... Видимо, не судьба. Сергей Владимирович кашлянул, обозначая свое присутствие, с толикой сожаления убирая нераскуренную сигару в футляр. И что ей здесь вообще могло понадобиться? Девушка испуганно обернулась. Она явно не ожидала, что окажется здесь не одна... Знакомое лицо. Где-то он уже видел ее... Да, кажется, зимой. Алиса... Подольская. Память на лица и имена у него была превосходная. В другом случае таких потрясающих успехов на службе он бы не добился. С госпожой Истрицкой, представлявшей покровительницей этой юной леди, он был хорошо знаком.

— Мадемуазель Алиса, — легкий кивок головы. Большие удивленные глаза... Она отчаянно искала, куда бы деть руки. — Прошу прощения, я вовсе не имел намерения вас напугать.

Хотя, быть может, в таком случае она поспешит вернуться к гостям... И где, в конце концов, ее сопровождающая? Пребывание в столь уединенном месте девушки ее возраста и положения и взрослого мужчины могли бы неправильно расценить... Память у барышни была далеко не такой отменной, поэтому Сергей Владимирович счел нужным представиться. Девушка смущенно потупила глаза, а ее щеки заметно покраснели.

— Господин Осоргин... Я... прошу прощения за свою забывчивость... — она растерянно оглянулась.

— Кажется, вы чем-то обеспокоены?

Алиса подняла на него глаза. Влажные, блестящие... Она определенно силилась не заплакать.

— Нет, нет... Просто... последние события... — она тихо всхлипнула. — То, что произошло... Это ужасно.

Осоргин только подивился. Кажется, у кого-то эта новость смогла вызвать что-то помимо притворного соболезнования и горящих глаз от возможности обсудить новую сплетню...

— Люди часто умирают... Вернее, умирают всегда. Это вполне естественный процесс. Хотя и не всем дано выбрать, каким именно образом это произойдет.

— И все же... — она, казалось, была удивлена подобными рассуждениями. — Княгиня была так молода. Как жаль... — Алиса провела ладонью по лицу, отвернувшись на секунду.

Ну зачем она это говорит? Он и сам пытался сохранить жизнеутверждающий настрой, а эта девица, кажется, уже решила впасть в совершенное отчаяние, да еще и его с собой утянуть.

— Вы ее знали? — в его словах сквозил непритворный интерес.

— Нет... — она призадумалась.

— Но сожалеете о смерти человека, с которым даже не имели честь быть знакомы? — он усмехнулся. — Вы невероятно сострадательны.

Алиса побледнела. Нет, ему не показалось. Схватила за перила.

— С вами все в порядке? — Сергей Владимирович заволновался. Краска удивительно быстро сходила с лица девушки.

— Да... Благодарю за беспокойство... Просто корсет. — она попыталась улыбнуться, что вышло уже совершенно плохо. — Наверное, немного перетянула...

Больше ничего произнести она не успела, потому что голубые глаза сами собой закрылись, а юная леди, потеряв сознание, начала стремительно оседать, и если бы не крепкие руки, подхватившие ее, то упала бы прямоком на каменный пол.

— Что вы... — впрочем, испуганного возгласа Осоргина она бы все рано уже не услышала. Чудом поймав лишившуюся чувств девицу, Сергей Владимирович в полной растерянности пытался осознать, что только что произошло. Но ощущение тяжести обмякшего тела в собственных руках давало понять, что он может делать с этой ситуацией все, что заблагорассудится: ждать помощи ниоткуда не приходилось. Девчонка просто повисла на нем, и теперь любые решения о дальнейших действиях ему приходилось принимать как можно быстрее.

Позвать на помощь? Оставить ее здесь и привести кого-нибудь? Ситуация наиглупейшая, к тому же, его теперешнее положение было совершенно не в его пользу. А если их теперь так увидят?!

Но оставить ее в таком состоянии одну... При нем дамы никогда не падали в обморок. А уж тем более ему в руки. Что, если ей сейчас станет хуже? Да и представить, как он будет смотреться, крича направо и налево о том, что оставил упавшую в обморок девушку на балконе... И как объяснить, что она вообще там делала одна... Черт, и ведь даже никого из слуг нет поблизости! Он ведь отчетливо слышал шаги еще несколько минут назад. Куда все вдруг исчезли? Он чувствовал себя полным идиотом.

Впрочем, раздумывать было просто некогда. Кляня все на свете, Сергей Владимирович подтащил задыхавшуюся девушку к стоявшей неподалеку скамье. Ее лицо было совершенно бесцветным, губы посинели... Пытаясь все же сохранить хоть какое-то подобие спокойствия и способности принимать верные решения, мужчина уложил ее на деревянную поверхность скамьи, придерживая безжизненное тело... Замедленное дыхание, едва ощутимый пульс... Послав к дьяволу все правила приличий, Осоргин перевернул страдальицу на живот, принявшись развязывать и ослаблять шнурки на ее платье. Она лежала совершенно недвижимо, не приходя в себя. Корсет... Зачем его вообще так затягивать?! Безусловно красивый предмет гардероба, но не такой же ценой... Даже не пытаясь представить, как это выглядело со стороны, мужчина, чуть стянув розовую ткань с множеством оборок и откинув в сторону шифонную шаль, стремительно пробежался пальцами по завязкам корсета. И, кажется, ослабить то, что стало причиной всех мучений, все же удалось. Дыхание

девушки стало ровнее... Чуть приобняв за плечи, перевернул ее на спину. Безвольно откинута назад голова, приоткрытый рот... В себя мадемуазель Подольская приходиться не спешила...

Что еще нужно? Что? Даже графина воды рядом не было. Совершенное отчаяние... Осоргин, повернув к себе аккуратное мертвенно бледное личико, недолго думая, отвесил ей оплеуху. Затем следующую... Щеки девушки порозовели, и когда мужчина уже был готов сделать еще одну попытку вернуть ее в сознание, она вдруг открыла глаза.

Тихий вздох... Безусловно, это было лучшее, что он когда-либо слышал. В тот момент Сергею Владимировичу показалось, что никогда в жизни он еще не чувствовал большего облегчения. Склонившись над Алисой, он сам дышал часто и чувствовал, как сердце гулко отбивает удары... И радость... Она смотрела на него, будто бы не видя, но все же осознание того, что ее состояние теперь значительно лучше и ничего более неприятного, чем обморок, с ней не случилось, позволило чиновнику наконец спокойно выдохнуть. Ее жизни ничто не грозит...

Наверное, она просто не могла еще осознать, что произошло, потому что вид склонившегося над ней почти незнакомого взрослого мужчины и то обстоятельство, что она была наполовину раздета, девушку не смутили. Прошептала что-то одними губами... А потом закашлялась. Осоргин хотел было отстраниться и отойти в сторону. Но маленькая рука, еще совсем слабая после случившегося, неожиданно сжала его ладонь.

— Не уходите... — совсем тихо, отчаянно... Она была напугана, не понимая, что произошло, и теперь вцепилась тонкими пальчиками в его рукав, не позволяя мужчине сдвинуться с места.

— Вставайте немедленно и приводите себя в порядок. Нам же не нужны лишние неприятности...

Несколько секунд она смотрела на Осоргина, осознавая то, что он сказал. А затем в глазах мелькнуло понимание... Но вместо того, чтобы быстро подняться и привести в надлежащий вид все, что было разворошено в целях сохранения ее здоровья, девушка взвизгнула и попыталась закрыть руками обнажившуюся больше, чем то позволяли приличия, грудь.

«Что за дура...» — Сергей Владимирович с трудом сдержал желание отвесить неторопливой леди подзатыльник для ускорения.

— Сударыня, — он постарался говорить как можно более спокойно, — извольте наконец подняться и одеться. Кажется, вы теперь чувствуете себя лучше, а потому мое присутствие рядом с вами в таком виде совершенно необязательно. Убедительно прошу не компрометировать ни себя, ни меня.

Алиса смотрела на него испуганно. Потом, видимо, решив не спорить и последовать совету мужчины, сделала попытку приподняться. Но тут же вздохнула и откинулась обратно на деревянную скамью. Только не это...

— Голова... — она жалобно простонала. Сергей Владимирович возвел глаза к потолку. Он не должен быть рядом с ней! Но если она теперь опять потеряет сознание...

Протянул девушке руку.

— Все же постарайтесь.

Она коснулась его ладони своими холодными пальцами. Но воспользоваться помощью не успела. Громкий неприятный возглас прервал возникшую идиллию.

— Алиса! Я тебя уже обыскала, — вошедшая запнулась... — Алиса...
— ошеломленно, — Сергей Владимирович...

Желания имеют свойство сбываться

Входная дверь, отворившись и впуслав в прихожую осенний холод, через пару мгновений снова закрылась. Давно уже за полночь... Впрочем, дверь в доме теперь закрылась в последний раз за этот долгий день. Долгий... Сергею Владимировичу показалось, что в его жизни еще не было таких длинных и напряженных дней. Сумасшествие поистине...

Хотя и обстоятельства не столь уж плохие. Собственная свадьба, в конце концов... Даже какую-то пользу из этого шумного мероприятия извлечь удалось: финансирования нового проекта в его положении добиться оказалось куда проще... А потому, даже несмотря на странные обстоятельства, предшествовавшие этому событию и какой-то отсутствующий взгляд невесты, судя по всему, все это время пытавшейся сохранить твердость духа, настроение у него было приподнятое. В конце концов, не так уж много событий подобного рода бывает в жизни... Надо уметь пользоваться моментом.

Его теперь уже молодая жена, сославшись на усталость, покинула гостей раньше. Осоргин нахмурился, услышав этот робкий предлог. Что за болезненное создание... Впрочем, препятствовать ее желанию не стал. Быть может, ей просто нужно было побыть одной... У него же до ночи еще оставались некоторые дела.

***

Деланно внимательный вид, милое воркование голоса, чесчур высокого для столь почтенного возраста его обладательницы, говорившей о каких-то пустяках, мягкая обивка кресла в гостиной... Наверное, впервые Сергей Владимирович чувствовал себя так неуютно в собственном доме. А причиной столь неприятного состояния была сидевшая напротив него госпожа Истрицкая, чьей воспитанницей и являлась мадемуазель Подольская, с которой он так некстати столкнулся несколько дней назад... О причине приезда Екатерины Сергеевны к нему домой гадать не приходилось.

— Сергей Владимирович... — женщина, неожиданно перейдя к так интересовавшей ее теме, начала тихо, но за этой видимой озабоченностью вполне ощутимо чувствовались нотки от предвкушения собственного триумфа. — Я здесь, чтобы обсудить с вами тот инцидент на балу...

— Все мое внимание принадлежит вам, — Осоргин сдержал желание скрестить руки на груди, — Хотя, впрочем, не вижу здесь причины для беспокойства с вашей стороны. Я всего лишь помог ребенку прийти в чувства, потому что другого выхода для себя не видел.

— Она уже не ребенок, Сергей Владимирович, — женщина вглядывалась в его лицо, силясь понять, о чем он думает на самом деле.

— Возможно. Но если учесть, что я примерно вдвое старше вашей воспитанницы, то мое отношение к ней не может быть никаким другим.

Неприятный разговор... Особенно, когда тебе предъявляют претензии относительно действий, которые ты не совершал...

— Боюсь, общество может счесть несколько по-иному. Алисе уже скоро будет семнадцать, а положение, в котором она оказалась... — Екатерина Сергеевна изобразила весьма правдоподобное волнение. — Я ведь очень хорошо знаю вас и не могла бы допустить мысли о том, что в ваших действиях было что-то недостойное. Девушки часто теряют сознание, такое вполне могло произойти. Но то, что я увидела... И ведь, поймите, не я одна... Графиня Довголевская...

— В таком случае, вы могли увидеть, что я всего лишь проявил беспокойство о судьбе юной леди, которая по непонятным мне причинам осталась без вашего присмотра и почувствовала себя дурно. Оставить ее одну в таком состоянии с моей стороны было бы непростительно.

— Да, да, это понятно... — Екатерина Сергеевна развела руками. — Но поймите и вы меня. Алиса - девушка на выданье. Какого труда стоит поддерживать репутацию барышни, которой всеми силами желаешь подобрать достойную партию. А теперь... Какие слухи пойдут? Что будут думать о моей девочке в обществе? Ведь положение, в котором она оказалась, было... кхм... весьма двусмысленным...

Он и сам это понимал. Бесконечные доводы и уверения все равно не имели никакого смысла, какие бы цели он тогда ни преследовал. Осоргин понял, что попал... в затруднительную ситуацию. Впрочем, о последствиях своих действий он догадывался уже тогда. Но разве мог он поступить иначе?

Сергей Владимирович неопределенно пожал плечами.

— В любом случае, если ваша племянница питает такую любовь к уединенным местам, где любое действие ввиду отсутствия свидетелей можно трактовать так, как это угодно тем, кто любит обсуждать поступки окружающих, с вашей стороны было весьма неосмотрительно оставлять девушку, репутацией которой вы так дорожите, без вашего пристального внимания.

— Как вы правы. Моя вина! — ее улыбка была скорее вежливой. Замечание собственной неосмотрительности было явно не по душе госпоже Истрицкой. — Но, если мы сможем с вами прийти к согласию, думаю, вы за ней присмотрите куда лучше.

С его положением в обществе и на службе, а также финансовым состоянием госпожа Истрицкая ни за что не упустила бы такой шанс. Да и скандала, по правде, избежать все равно не удалось бы... Он тоже оказался под ударом. И портить свою безупречную репутацию каким-то глупым недоразумением у него не было никакого желания...

Екатерина Сергеевна своими словами только подтвердила его мысли:

— Думаю, что лучшего выбора я бы точно не сделала. К тому же этот брак, кажется, для вас также представляет самый что ни на есть прямой интерес. Все эти грязные слухи...

— Я отлично это понимаю, — он терпеть не мог ситуации, в которых условия диктовали обстоятельства. Ситуации, которыми управлять он не мог при всем желании. Ну не так он себе все это представлял... Выбор, которого, по сути, не существовало, и который он, наверное, сделал уже тогда, когда подхватил упавшую без чувств девушку... — Но мне все же интересно, что по этому поводу думает ваша воспитанница?

Если кто-нибудь вообще удосужился ее спросить...

— Алиса разделяет мои взгляды и будет несомненно рада узнать о нашем решении. — Истрицкая улыбнулась, отвечая на вопрос мужчины. Впрочем, ее последние слова были, скорее, лишь чистой формальностью.

Женщина поднялась с кресла, протягивая Сергею Владимировичу полную руку.

— В таком случае я могу считать, что мы с вами договорились?

Рукопожатие и такая же вежливая улыбка в ответ. Сделка заключена...

***

Радостного нетерпения или трепета перед предстоящей встречей с женой Сергей Владимирович не испытывал. Да и с его стороны это было бы странно. Но интерес... В конце концов, он сам хотел понять, что за женщина теперь носит титул госпожи Осоргиной, а по совместительству его супруги. Вряд ли он знал о девушке больше, чем она о нем...

Раздал указания слугам, мельком проверил, не случилось ли во время всей свадебной суеты чего-то из ряда вон выходящего, и, оставшись вполне удовлетворенным результатами, поднялся наверх.

Комната жены располагалась не слишком далеко от его собственной. Чудное место... Светлое помещение как раз такого размера, чтобы угодить и человеку, испытывающему боязнь замкнутого пространства, и тому, кто обладает способностью заблудиться в трех соснах...

Прежде, чем зайти, Сергей Владимирович прислушался. Тишина. Ни единого звука... Постучал в дверь. Тихое «да», сказанное чуть погодя, он едва расслышал. Осторожно толкнул дверь...

Полумрак, едва разбавляемый тусклыми отблесками нескольких свечей, горевших неровно. И белым пятном в этой темноте, подобно выпавшему на бездушную сухую землю первому снегу, выделялся подвенечный наряд невесты. Алиса сидела на постели, воззрившись испуганно на вошедшего супруга. Ссутулившись, сжавшись... Сергей Владимирович медленно прикрыл дверь. Девушка предприняла неловкую попытку подняться, но Осоргин сделал знак рукой, позволяя ей остаться на месте. Алиса притихла, опустившись на покрывало, не сводя с него глаз. Мужчина неторопливо подошел к окну. Отодвинул легкую занавеску.

— Алиса... — девушка вздрогнула от этих слов. Впервые он назвал ее по имени... — Вы не будете возражать, если я открою окно?

Девушка замотала головой. Вряд ли она теперь могла бы сказать хотя бы слово против... Алиса почувствовала, как в жар натопленной комнаты врывается морозный воздух осенней ночи... Резко, без спросу... Она поежилась, представив, как этот холод будет медленно и неотвратимо заполнять окружающее пространство, ее нутро... Ее жизнь...

Да и причины для ее опасений были достаточно вескими. Знакомая Алисы, вышедшая замуж несколькими месяцами ранее, в красках расписала, что ей предстоит. Родители выдали девушку замуж за графа средних лет, и хотя она была немного взволнована предстоящим событием, страха перед свадьбой не испытывала. Правда, по ее словам, брачная ночь была чуть ли не одним из самых мерзких эпизодов в ее жизни. Алиса видела, как морщится подруга, вспоминая, как муж, не сказав ни единого слова, раздел ее и грубо взял, также в полном молчании. Несколько минут нестерпимой боли, показавшихся вечностью...

— Единственная радость была в том, что он сразу уснул после... — она с жалостью взглянула на Алису. — Не бойся, так бывает со всеми... Потом становится проще.

После этого разговора девушка, испытывавшая совершенно противоречивые чувства от ожидания замужества, теперь с ужасом считала дни до венчания... Не так она себе все это представляла. Но если так бывает со всеми... И все же осознание этого не могло избавить юное создание от душащих ее каждую ночь слез и покрасневших, заплаканных глаз...

Словно загнанный в клетку дикий зверек, Алиса наблюдала за действиями супруга. Даже несмотря на то, что она пыталась скрыть страх. Пыталась унять невольно охватившую ее дрожь... Смотрела, делая вид, что к происходящему совершенно равнодушна. И вдруг встретила с ним взглядом. Словно сверкнувшая в сознании молния, больно ударившая по вискам... Ей захотелось отвести глаза. Сейчас же. Немедленно... Это было слишком неприлично, долго, внимательно... Сергей Владимирович просто стоял у окна, рассматривая девушку. Хоть бы затушил свечи, и все бы уже кончилось... Зачем так...

Она была напряжена. Закушенные нежные губы, неудобная поза, в которой она сидела, не зная, чего ей теперь ждать. Шумно вдыхаемый воздух... Страх... Боже, да что ей могли понарасказывать, чтобы довести до такого состояния? Жалость... Чужой дом, чужой человек... Не надо было быть особо наблюдательным, чтобы сразу понять, что внешне вполне сформировавшаяся невеста в лице Алисы внутри оставалась сущим ребенком... Ни в движениях, ни в глазах... ничего, что выдавало бы в ней женщину. Одно название. Что все же было удивительно. Даже такие юные девушки обычно бывали намного более кокетливыми. Здесь же... Но особой проблемы в этом все же не было.

— Надеюсь, вас здесь все устроит, — Осоргин говорил, неторопливо расстегивая фрак. — Мне нравится эта комната. Много света, весьма неплохой вид...

Алиса очень хотела отвернуться, чтобы не видеть, как он, складывая снятый предмет одежды, аккуратно вешает его на спинку стула. Господи, только бы погасил свечи... Но вопреки ее ожиданиям, на этом мужчина и остановился, пригладив ткань фрака.

Спокойный взгляд серых глаз... Алиса почувствовала себя неудобно. Хотелось немедленно уйти или забраться на кровать и укрыться одеялом с головой. Она не могла понять, чего он от нее ждал. Вернее, понимала, но почему, в таком случае, он медлил? Все происходило как-то неправильно... А когда Осоргин подошел ближе, она, казалось, стала одной напряженной струной. Не имея сил отвести глаз, неосознанно подаваясь назад...

В дверь неожиданно постучали. Девушка вздрогнула. Впрочем, Сергей Владимирович столь поздним визитом, по-видимому, не был удивлен. Из-за двери возник мужчина средних лет. Поклонившись юной леди, с крайне важным видом поставил на маленький столик возле кровати бутылку и два бокала. Занес еще что-то... Алиса с нескрываемым удивлением воззрилась на мужа. Судя по всему, основная часть откладывалась... И осознание этого позволило ей немного успокоиться.

— Вы когда-нибудь пили вино? — слова, сказанные, пока Осоргин осторожно открывал бутылку. Плавные размеренные движения... Алиса смотрела, словно замороженная, за тем, как его пальцы скользили по горлышку и как красноватая жидкость медленно стекала по граненым стенкам бокалов, словно кровь по коже...

— Нет... Не доводилось.

— Все когда-то бывает в первый раз... — мужчина не сразу понял, насколько двусмысленно прозвучала эта фраза. Заметил только, как девушка напряглась и как округлились ее глаза. Не выдержал и тихо рассмеялся.

— Алиса, перестаньте смотреть на меня так затравленно. Право, вы разбиваете мне сердце!

Странно, но ни вожеления, ни чувства собственного превосходства в его глазах она не видала. В них был лишь интерес. Она даже почувствовала легкую досаду...

Едва слышный скрип кровати, когда он опустился рядом с ней... Чувство легкой встревоженности... Алиса хотела было отодвинуться от супруга, но потом подумала, как глупо это, должно быть, могло выглядеть. Осоргин, посмотрев на девушку тепло и участливо, протянул ей один из бокалов. Холод стекла, уколотивший самые кончики пальцев... И неожиданное тепло его ладони, когда он едва коснулся ее руки... Она смутно помнила это ощущение. Тогда, на балконе... Но теперь даже самый малозначительный жест со стороны мужчины ею воспринимался совершенно иначе.

Никогда не пила вино и не понимала, зачем это делают другие. Да и теперь, поднося к губам бокал, чувствуя резкий запах, неприятно отдающийся в голове, Алиса совершенно не горела желанием начинать... Сергей Владимирович смотрел, как она, смешно наморщив носик, пытается пить маленькими глотками... И едва сдерживал улыбку.

— Хотите есть? Мне показалось, что вы сегодня не притронулись к еде, — Алиса повернула к нему голову, смотря совершенно растерянно...

— Я... Благодарю, наверное, не стоит...

Она была слишком взволнованна, чтобы думать о чувстве голода. Но после нескольких глотков вина, приятным теплом разлившегося где-то внутри, девушка все же вспомнила, что сегодня действительно ничего не ела. И если бы не страх, заставлявший использовать все силы, контролируя пространство вокруг нее, словно железным обручем болезненно сдавливая голову и холодя кровь, Алиса, быть может, воспользовалась бы советом мужа.

— На вашем месте я бы не стал этим пренебрегать, — чуть наклонившись, пододвинул ближе столик, стоявший недалеко от кровати. — На всех вино влияет по-разному, но при неправильном употреблении одинаково неблагоприятно.

Алиса совершенно не собиралась с ним спорить. Взяла лежавший на тарелке персик... Возможно, только теперь она немного оживилась. Во всяком случае, в больших глазах помимо настороженности появился и некий интерес.

— Ну что ж, — Сергей Владимирович сделал большой глоток из своего бокала. Неторопливо отставил в сторону... Повернулся лицом к девушке, — расскажите о себе, что ли...

Дождь

Тишина, нарушаемая звуками ночной жизни. Контуры предметов, в темноте кажущиеся синеватыми из-за света луны. Глаза, привыкшие к темноте... Но достижение все же сомнительное. Вот уже около часа Алиса никак не могла заснуть. Разбуженная раскатом грома, прозвучавшим, казалось, над самым ухом, так и не смогла успокоиться...

Открыв глаза, не сразу поняла, где находится. Кажется, она сидела у камина, а потом... Когда она успела подняться к себе? Она совсем этого не помнила. Приподнялась на локтях. Вниз сползла черная кашемировая ткань. Пальто? Почему она лежит не под одеялом... И как оно вообще оказалось в ее спальне? Или...

Алиса смутно вспомнила, как почувствовала, будто кто-то нес ее... Догадка. Неожиданная, но приятная.

Жарко... Тяжелый воздух, словно вода, заполнявший легкие. Алиса села на постели. Босые ноги коснулись нагретых деревянных досок. Она ведь даже не переоделась ко сну...

В потемках отыскав так и не разобранный чемодан, открыла его и попыталась найти ночную рубашку, раскладывая ворох платьев. Легкая сорочка из батиста вскоре оказалась в ее руках. Переодевшись, Алиса забралась обратно на кровать, накрывшись одеялом. Пытаясь наконец заснуть...

Но, проворочавшись добрых полчаса, то убирая подушку, то снова возвращая на место, скидывая одеяло и вновь укрываясь им, Алиса поняла, что, кажется, проведет так всю оставшуюся ночь. Хотелось пить. В горле давно пересохло, а губы чуть потрескались. В спальне, как назло, не было даже графина с водой... Мысль идти по темному коридору, спускаться на ощупь по лестнице и искать на кухне воду не вызывала в ней энтузиазма. Но боже... Как же жарко!

Еще несколько томительных минут борьбы с собой, и Алиса, удрученно вздохнув, откинула плед, спускаясь с кровати. Зажгла стоящую на подоконнике свечу, потратив несколько спичек, прежде чем ей удалось наконец создать единственный в комнате источник света. Взяла керамическое блюдце, служившее вместо подсвечника, и направилась к выходу...

Без особых трудностей преодолев полтора десятка ступенек, все же для надежности придерживаясь рукой за бревенчатую стену, случайно натолкнувшись на кухонный стол и больно ударившись локтем, Алиса все же разыскала глиняный кувшин, в котором, судя по всему, была вода. Взяла в руки и, не тратя времени на поиски чашки, стала пить прямо оттуда. Холодная вода... Капли, стекавшие по щекам, падая на грудь, оставляли сорочку мокрой... Истинное удовлетворение и счастье можно почувствовать, исполняя все свои желания, пусть они бывают совсем

незначительными. Она чувствовала это, вновь и вновь принося к глиняной кромке, закрыв глаза... Когда после долгого ожидания наконец находишь источник живительной влаги, всегда кажется, что никогда не сможешь напиться. В ее голову пришла мысль, что было бы совсем неплохо окатить себя водой сверху. Но переодеться снова совершенно не хотелось. Поэтому Алиса, с сожалением отставив кувшин в сторону, протянула руку к оставленной на дубовом столе свече. Неосторожное движение; пламя, колыхнувшись, утонуло в коварных объятиях расплавленного воска... Обеденная комната погрузилась во мрак, как, впрочем, и весь дом...

Не то чтобы Алиса боялась темноты... но находиться ночью вне стен своей спальни без единого проблеска света вокруг, совершенно не видя, куда идти, — определенно не лучшая ситуация. Она в отчаянии закусил губу. Почему с ней всегда случаются разного рода неприятности? Дома свечи никогда не гасли в столь неподходящий момент. Плохой воск, стало быть...

Стараясь не оступиться и не упасть, женщина медленно двинулась вперед. Выйти в гостиную, свернуть налево, и будет лестница... Она считала шаги. Поднимаясь по ступенькам, ступая с крайней осторожностью. Один, два... На восьмой ступеньке глаза уже неплохо различали то, что скрывала в себе темнота. Странно, а в детстве ей казалось, что во мраке всегда находится что-то плохое. Ожившие мертвецы, например... Да и сейчас представить это было совершенно нетрудно. Шорохи, подобные скрежету когтей восставших из могил полуразложившихся тел... От подобных мыслей ей захотелось вскрикнуть и бежать к себе что есть сил. Что может быть страшнее собственного разыгравшегося воображения...

Коридор. Уже лучше. Во всяком случае, нет возможности упасть и свернуть себе шею... Шорох... Алиса вздрогнула. По звуку шагов поняла, что в коридоре она была не одна. Даже сквозь шелест только начавшего свою долгую песню дождя, она услышала эти мягкие знакомые шаги. Кажется, во мраке можно встретить не только гонящуюся за тобой армию оживших мертвецов... Остановилась, не решаясь вернуться к себе, лишь коснувшись пальцами ручки... Ее белая ночная рубашка даже в темноте была достаточно заметна. Алиса в своем одеянии походила скорее на призрака, видение, порожденное воспаленным сознанием. Но она была реальна. Реальна, когда подходила ближе. Реальна, когда остановилась, столкнувшись впотьмах с кем-то. Когда от неожиданности вскинула голову, поймав напряженный взгляд... И замерла. Сквозь тонкую ткань батистовой сорочки, поверх которой был надет не подвязанный поясом пеньюар, впрочем, все же не скрывавший всю прозрачность необходимой для сна одежды, отчетливо проглядывала грудь и все непредназначенные для постороннего взора изгибы юного тела. Это было не видение...

Алиса лишь ощутила, как Осоргин, с которым она столкнулась в темноте, нервно выдохнул, чуть отстранившись от нее. Видимо, он так же вовсе не ожидал встретить жену в столь позднее время на своем пути. От него пахло дождем. И табаком. Алиса почувствовала, как его пальцы осторожно коснулись белой ткани, словно мужчина желал удостовериться, что она существует в действительности. Мягкая... Пальцы неожиданно ощутили тепло кожи, когда она придвинулась ближе... Никто не сказал ни слова. Слишком много всего... Смогли бы они теперь понять друг друга? Понять

все то, что темными раскаленными угольками разрывало душу напополам... Как могут люди принести друг другу столько боли...

Тепло ее губ, ворвавшееся в царивший внутри холод из душевной реальности... Она не видела в темноте. Но теперь приподнялась на цыпочки, вытянув шею, коснувшись губами его лица. Капельки влаги. Он попал под дождь? Ладони, ощутившие грубоватую ткань халата...

Руки, сжавшие женское тело. Алиса очутилась в объятиях мужчины, а через секунду ее губы оказались во власти губ мужа, предупредившего готовый вырваться из ее горла крик... Костер, разведенный на снегу... Неправильно до глупости. Необходимо до последнего вздоха, вырывающегося изо рта морозным облачком. Ладонь, очутившаяся на спине Алисы, притянувшая ее податливое тело к нему... Хотелось просто прижать ее к стене и вплотную в жизнь все свои самые темные желания. Впрочем, у него была идея лучше.

Черета беспорядочных поцелуев... Рука, обнявшая женщину за талию. Нетерпеливые пальцы Алисы скользнули к поясу его халата, когда он все же успел, толкнув дверь плечом, увлечь ее за собой в свою спальню. Могло ли это что-то изменить? Мольба о прощении? Когда она чувствовала властные прикосновения. Когда отдалась этому неожиданному порыву... Когда падала на кровать, шепча:

— Скажи, что я нужна тебе... Пожалуйста, скажи...

Собирая короткие требовательные поцелуи с ее губ:

— Нужна...

Задыхаясь, укладывая ее на спину. Касаясь губами ее закрытых глаз. Руки, обнявшие за плечи, пытаясь снять халат... Нежность и жестокость. Выгнулась, ощутив его ладони под тканью ночной рубашки. Прикосновения рук, задравших прозрачный подол верх, обнажая подрагивающее не от холода тело... Даже в полной темноте Алиса почувствовала себя совсем беззащитной перед голодным взглядом блестящих глаз.

Осоргин приподнялся. И тут же ощутил, как она обняла его за шею, пытаясь быть еще ближе. Запрокидывая голову, когда он скользил губами по нежной коже... Ладонь, сжавшая грудь... Мягкий плед, покалывавший обнаженную кожу. Самые близкие друг другу. Самые далекие...

Сорочка, соскользнувшая с кровати на пол. Алиса прижалась к мужу обнаженным телом, взяв лицо в холодные ладони. Отрывисто целуя...

— Я люблю тебя... — глядя виски, оставляя на губах следы, — Люблю...

Приподнятая бровь. Пару недель назад он слышал диаметрально противоположное... Женская логика? Этого Сергей Владимирович не понимал вовсе.

Пелена. Легкая завеса, застилавшая глаза. Запах надвигающейся грозы и дыма, когда Алиса зарылась лицом в его волосы. Мягкие и влажные. Вода, стекавшая с крыши, ручейками устремляясь вниз, попадая на землю, на оконные стекла, на стены. Как много можно не услышать за этим шумом... Отчаянной просьбы не отпускать руки, спасти от себя... Как много в нем уже не было услышано.

Просто очередной порыв ветра в ночи, склонивший верхушку дерева. Просто ее тихий стон, когда ладонь Осоргина очутилась между ее бедер. Неспешно. Заставляя женщину дышать шумно... Другая рука легла на ее лоб, осторожно глядя... Алиса широко распахнула глаза. Попыталась приподняться, но Сергей Владимирович

настойчиво надавил на ее лоб, оставляя лежать на месте. Капли слез, показавшиеся в уголках глаз... Она попыталась толкнуться навстречу движению его руки, желая избавиться от стягивающего, ноющего чувства, сковывавшего низ живота... Просить... О чем? Мокрая дорожка, протянувшаяся до колена... Как капли молока, стекающие по стенке кувшина. Тепло, которое Осоргин почувствовал под своими пальцами...

Алиса дернулась. Проникая дальше в ее раздраженное ласками тело, мужчина продолжал смотреть ей в глаза. Слезы, тихо катившиеся по щекам... Алиса застонала, уже совершенно не сдерживая себя. Расплакалась... Смотрела на Осоргина из-под влажных ресниц, чувствуя, как сотрясается собственное тело, как сдавливают горло переполняющие чувства... Соленые капли, попавшие на припухшие губы, заставляя их саднить. Сергей Владимирович наклонился, касаясь ее губ, собирая слезы...

Возбужденная, взмокшая, плачущая от наслаждения женщина, теперь ни в чем не отдававшая себе отчета, отчаянно вцепившись в его плечи... Что может быть лучше... Хотя и реакция на подобные действия, конечно, бывает совершенно неожиданная.

Последнее движение между влажных бедер, и Алиса с силой вогнала ногти в спину супруга. Полувсхлип-полустон. Откинута на темный плед бледная рука... Раскат грома совсем близко. Смерть... Похоже на потерю пульса, остановку сердца... Похоже на рассеченное лезвием горло. Лезвие, которое человек, не раздумывая, поднесет к нему сам, упиваясь вкусом хлещущей крови и собственной беспомощностью. Только если не знаешь наверняка, что потом придется очнуться.

Словно во сне она почувствовала чьи-то прикосновения к своему животу. Размеренные поцелуи... внизу, на боках... Руки на талии и бедрах, куда-то двигающие ее, разводя ноги... А потом откинула голову, заходясь беззвучным криком, ощутив вторжение в свое расслабленное тело. Тяжесть, опустившуюся на нее... Не имея сил даже открыть глаз. Жутковатый скрежет ветки дуба по крыше. Прохладный воздух, остывший за прошедшую часть ночи. Властные, уверенные движения в ней. Холод простыней под отброшенным в сторону пледом. Жар соприкасавшегося с ней тела. Алиса чувствовала, как ее размеренно вдавливают в кровать, вырывая из состояния приятной легкости, возвращая к реальности...

Нетерпеливое прикосновение к щеке. Никто не позволил бы ей просто лежать...

Алиса приоткрыла губы, отвечая на ласку горячего языка.

— Сергей!

Поцелуй в шею. В темноте она видела, как было напряжено его лицо. Алиса вздохнула, ощутив, как Осоргин провел ладонью по ее бедру, а потом, подхватив под колено, закинул ее ногу на себя.

Зашипела, закрыв глаза... Стук крови в висках. Пульсация... Противоречие. Давящее, разрывающее ощущение, которое так хотелось чувствовать внутри себя... Вдох, который невозможен был теперь без него...

«Еще...»

Потеря сознания. Слова, которые она никогда не сказала бы, срывались с ее губ сами...

— Еще...

Такой близкий... Грех, ставший каплями дождя, стекая по пересохшим губам. Воздухом, который она судорожно вдыхала, в короткие промежутки отрываясь от его губ...

Алиса обхватила мужа руками за спину.

— Прошу, еще... — нарушая установленный темп, вцепляясь в волосы. Смотря умоляюще...

Она боялась, что перестанет дышать.

С удивлением почувствовала, как Осоргин отстранился. Распахнула большие глаза, силясь понять, в чем дело... Когда неожиданно ее рывком потянули куда-то вверх. Сергей Владимирович приподнялся, притянул ее к себе, усаживая свою любовницу себе на колени, сжимая трепещущее в его руках тело, накрывая ее влажные губы своими... Долго смотря друг другу в глаза. Пытаясь найти... Ответы на вопросы? Ответы на свои чувства? Алиса обняла мужа за шею, опустив голову на его плечо. Как перевернулось все внутри... Как похоже это было на ссадины, оставляемые беспечно ласкающей кожу рукой... На вздохи, срываемые с чьих-то губ. На холодные, ледяные капли, падающие с неба на покрытое испариной лицо... Темные глаза, в глубине которых горело чувство. Она приподнялась над ним, нежно касаясь лица...

Движения ее бедер... Алиса ласкала его собой, вглядывалась в его лицо. Поцелуй на плече... Проводя ладонями по груди и животу. Что угодно, лишь бы он продолжал смотреть на нее так...

— Алисочка... — глядя ее спину, сжимая двигающиеся вверх и вниз бедра, чувствуя, как она прижимается к нему грудью. Сбиваясь, тихо постанывая. Взгляд, которому так хотелось верить...

— Алиса... — опуская ее на простынь, чувствуя, как судорожно ее руки обхватывают его, слушая хриплые стоны. Содрогаясь от пробежавшего по коже напряжения. Кончая...

Мрак, разрушаемый вспыхивающей за окном молнией. Тишина, нарушаемая лишь неровным дыханием. Сергей Владимирович откинул голову на подушку, закрыв глаза, приходя в себя. Голова немного кружилась... Хотя, впрочем, обычно это проходило достаточно быстро. Чуть резче воспринимаемые звуки, шорохи... Если никуда не спешить, то нескольких минут бывало вполне достаточно.

Клонило в сон... Наверное, это было бы теперь наилучшей идеей. Если только не... Склонившееся над ним женское лицо. Короткий поцелуй в губы. Впрочем, у всех свои потребности... Мокрые щеки. Распушенные волосы... Алиса прижала лицо к его рукам, поочередно целуя каждую. Положила голову на живот... Полная энергии, взбудораженная. Несколько долгих минут...

По тому, как она беспокойно заворочалась, Сергей Владимирович понял, что возможность заснуть в ближайшее время ему не представится. Особенно, когда Алиса, совсем осмелев, забралась на него сверху... Длинные волосы, падавшие на ее спину и плечи, касались его лица. Кошка, внимательно следящая за своей добычей. Серьезный взгляд. Она чуть сжала его плечи, опершись руками... Привыкшие к темноте глаза различали ее очень хорошо.

Выпрямилась, устраиваясь удобнее. Осоргин наблюдал за ней с нескрываемым интересом, заложив одну руку за голову. Небольшая упругая грудь, мягкий живот, припухшие губы, следы страсти на бледной коже... Прелестная картина.

Алиса, продолжая смотреть на мужа, медленно собрала раскиданные по плечам локоны, чуть приподняв каштановую копну вверх. Открывая красивую шею. Запрокинула голову назад. С ней можно было вообразить все, что угодно. Даже с закрытыми глазами... Но все же с каждым разом это не становилось менее приятно.

Алиса качнула бедрами. Из-под полуприкрытых век наблюдая за реакцией мужа. Тихий стон. Вполне удовлетворительно. Рука женщины заскользила по ее талии вверх, приблизившись к груди, обводя соблазнительную округлость. Еще одно движение...

Не успела, не смогла ничего сказать, когда Осоргин, поднявшись резко, скинул ее с себя, переворачивая на живот. Алиса закусила губу. Добившись того, чего желала...

Послушно легла перед ним, опустив голову. Опершись на локти. Ощутила, как мужчина провел рукой по ее плечам и вниз... Шумно выдохнула. Ждать было невыносимо... Ей казалось, что она уже почти чувствовала... От ожидания близости хотелось заскулить. Алиса нетерпеливо повела бедрами.

Прогнулась, вцепившись пальцами в край подушки, когда Осоргин овладел ей. Ничто теперь не было ею так желанно...

Рука, откинувшая длинные пряди в сторону. Сергей Владимирович коснулся губами ее шеи, совершая глубокие толчки, чувствуя, как она вздрагивает под ним... Податливое тело, живо откликающееся на каждое движение...

Его руки оказались по обе стороны от ее головы. Провел ладонью по горлу женщины... Беззащитный взгляд голубых глаз снизу. Касаясь ее губ, долго целуя... Зачем? Страсть... Желание доставить удовольствие любимой женщине... Разные идеи, схожие в своем воплощении.

Двинула бедрами навстречу. Мужчина подхватил Алису под живот, поощряя ее движения. Стон... Или шум ливня в ночи. Алиса толкалась ему в такт, прогибаясь в спине под тяжестью мужского тела, вскрикивая от каждого резкого проникновения. В изнеможении опустилась вниз, вытягивая руки перед собой, кусая подушку, заглушая стоны... Сергей Владимирович подмял ее под себя. Накрыл своей ладонью ее судорожно сжимающие край одеяла пальцы, ложась на нее. Взмокший от возбуждения, чувствуя, как она забилась под ним... Можно было бы подумать, что угодно, если бы он не знал ее так хорошо. Алиса откинула голову на его плечо. Уже почти не видя ничего перед собой, ощущая только движения переплетенных тел... Осоргин обнял жену рукой за плечи, прижимая к себе. Никогда не хотел ее отпускать...

Губы, коснувшиеся его щеки. Слабо. Запечатлевая в сознании последние моменты. Хотелось кричать... Она бы не смогла выбрать из беспорядочно бьющихся в голове мыслей нужную. Капли рассудка, убиваемые каждым следующим движением. Капли дождя, исчезающие в траве...

Она уже не сможет различить ни блеска глаз, ни слов, сказанных лихорадочным шепотом... Беспорядочный бред? То, чего она так ждала?

Прижатая к постели... Горячее расплавленное стекло, заполнившее тело. Медленно остывая... Глупая аналогия, проводимая потерявшимся где-то в глубине нахлынувших эмоций сознанием...

«Холодно» — единственная оставшаяся мысль от влажного, пропитанного падающей с неба водой воздуха. От мурашек, пробегающих по оставленному среди смятых простыней обнаженному телу. Дождь... Он кончится под утро. А потом все снова станет как прежде.

Сергей Владимирович, приподнявшись, притянул Алису к себе. Так не хватало этого... Чувство защищенности и спокойствия. Повернулась к нему лицом.

— Холодно... — Осоргин молча накрыл ее одеялом, подоткнув со спины. Алиса спрятала лицо на его груди, успокаиваясь в кольце объятий мужа.

— Мне часто снятся кошмары...

— Заваривай чай перед сном.

Сонно, устало...

Обняла мужчину, закрыв наконец глаза. Сколько времени прошло с того момента, как они приехали сюда... Чувствовала ли она себя живой где-то еще? Почему все должно кончиться...

— Хочу остаться здесь. С тобой...

Ответа не последовало. Алиса приподняла голову.

— Я люблю тебя...

Секунды молчания, за которые показалось, что ее слова утонут в темноте ночи.

— Я запомню.

Утро не всегда бывает добрым

Ресницы, дрогнувшие в беспокойном сне. Не имеет значения, насколько мирно окружающее пространство, если веки закрыты. Неосторожное движение, разорвавшее плотную сеть сна. Алиса открыла глаза...

Уютно устроившись почти поперек кровати, женщина сонно потянулась. Одна рука покоилась на честно отобранной подушке, теперь, впрочем, лежавшей в стороне. Другая была бесцеремонно закинута на спавшего рядом Сергея Владимировича. С середины кровати мужчина аккуратно переместился от нее к краю...

Алиса, чуть приподнявшись, придвинулась к нему ближе. Когда в последний раз она могла видеть его спящим? Осоргин почти всегда вставал раньше. Исключений было не так уж много...

Во сне его лицо было расслаблено, а обычно безупречно уложенные волосы теперь были безупречно растрепаны. Как непривычно было это видеть...

Нерешительно протянула руку вперед. Провела пальцами по щеке. Осторожно... Но все же, видимо, недостаточно. Потому что встретила с сонным взглядом серых глаз Осоргина.

— Доброе утро, — Алиса улыбнулась, смотря на мужа. Ее сонливость как рукой сняло. Проспав совсем немного, женщина теперь чувствовала себя превосходно. Хотелось поговорить. А быть может, перейти к более активным действиям...

Слабая улыбка... Вряд ли он вообще понял, что она сказала. Повернул голову, снова закрывая глаза.

Алиса нахмурилась. Молодой организм довольно быстро привык подниматься в одно и то же время, а потому теперь она совершенно не хотела засыпать вновь...

Придвинулась ближе. Шаловливая рука оказалась на груди мужчины. Медленно скользнула вниз. Под одеяло...

Опустившаяся сверху ладонь воспрепятствовала дерзкой попытке.

— Не сейчас. Спи. — Тихо, но твердо.

Разочарованный выдох.

— Мне не спится.

Ну разве это его проблема? Он возился с ней полночи, а теперь для полного счастья не хватало только нескольких часов сна, чтобы восстановить силы. Чего она теперь хочет?

— Почитайте что-нибудь...

Алиса не хотела читать. Устроилась, облокотившись о него, смотря с непритворной обидой... Понятно, что любое проявление своего внимания она склонна была считать сродни божьему дару ему несчастному. Но он-то так не думал...

— Алиса, — чувствуя, как она опустилась на него сверху, — я устал. Прошу оставить меня в покое.

Сергей Владимирович говорил мягко, потому что на большее просто не хватало сил. Но, видимо, женщина расценила по-своему прозвучавшую в голосе слабость, так как тяжесть ее тела никуда не исчезла. Да хоть бы просто легла и перестала пытаться его растолкать...

— Алиса, слезь...

В ответ лишь звонкий смех. Что за бред... Ну не бить же ее, в конце-то концов! Хотя, кажется, подобную реакцию на его слабые попытки сопротивляться он встречал уже не в первый раз...

Можно ли было на нее сердиться? Можно... Со временем Осоргин понял для себя, что с некоторыми женщинами необходима такая же линия поведения, как и с собаками. Из маленьких непоседливых щенков, которых хочется пускать к себе в кровать и таскать на руках, вырастают здоровенные псины, которые не могут понять, почему теперь они должны жить в будке на цепи, и упорно пытаются следовать своим прежним привычкам. Всегда нужно вовремя давать понять, кто хозяин... Потому что его щенок, кажется, ориентацию потерял вовсе.

Спать с ней было невозможно. Заснуть в каком угодно правильном положении, а проснуться... Если бы он несколько раз не останавливал ее, то встречал бы новый день уже на полу. Да и теперь... Оставив в ее распоряжении добрую половину своей кровати, Сергей Владимирович уютно устроился у стены. И все равно... Все равно она продолжает проявлять к нему повышенное внимание, даже вынудив переместиться почти в самый угол. Почему даже с сыном ему было гораздо проще находить общий язык?

Чувство приятной усталости не способствовало желанию предпринимать какие-то резкие действия для того, чтобы заставить женщину успокоиться. Она теряла голову от ощущения собственной безнаказанности... Легла поперек его торса на спину и, кажется, не обращала на его слова ровным счетом никакого внимания.

Неспешно протянутая рука с целью помочь Алисе спуститься. Она перевесилась через мужчину, запрокинув голову назад, веселясь от души. Совершенно не обращая внимания на то, что одеяло сползло с ее плеч, оставив обнаженной по пояс.

— Послушай, Алиса, не лезь ко мне.

— Вы будите меня рано. Я уже не смогу заснуть...

Почему его обращение к ней как можно более мягко она воспринимала как одобрение своим действиям? Осоргин чувствовал себя неудобно. Она не была тяжелой, но приятное чувство расслабленности уходило от ее энергичных действий и чересчур громкого голоса. И это начинало раздражать...

Ей все казалось забавным. И недовольный сонный голос, когда он с такой неохотой пытался ее вразумить. И беспомощный взгляд, потому что он не знал, как с ней справиться. И совершенно вялые попытки ее столкнуть...

Оказавшаяся у ее лица рука. Алиса перехватила ладонь Сергея Владимировича, подавшись еще немного вперед. Какой, должно быть, красивый вид теперь открывался на ее грудь и плечи... Прикусила его палец, следуя каким-то совершенно неясным и нелогичным желаниям.

В следующий момент ее совершенно неласково отбросили в сторону, и Алиса испуганно воззрилась на нависшего прямо над ней супруга. Гнев, вспыхнувший в глазах. Краска, залившая ее щеки... Она находила особое упоение для себя в том, что могла обращаться с ним так просто. Но теперь осознала, что ничего большего он ей не позволит. Стыд... В его глазах она вела себя не мило, а недостойно.

— Вам это нравится?

— Ч...что? — Алиса вжалась в подушку, пытаясь укрыться от колючего, недоброго взгляда.

— Выводить меня из себя. Вам это нравится?

— Нет...

— Тогда зачем вы это делаете? — он смотрел на нее испытующе.

— Простите... — она хотела закрыть глаза и провалиться сквозь землю от стыда. Она боялась его разозлить, но лишь теперь, отчего-то осмелев, позволила себе слишком много вольности. Напрасно...

— Алиса, — тон Осоргина чуть смягчился, — когда вы прекратите думать только о себе? Когда? У других людей, да будет вам известно, бывают свои потребности. Первые десять раз я просил вас весьма тактично...

— Простите, — растерянно и смущенно. — Это больше не повторится.

Зачем такие крайности?

— Я не против проявления твоей инициативы, но только тогда, когда я в состоянии ее поддержать, о чем тебе обычно сообщаю. А сейчас я хочу отдохнуть. Доживи до моего возраста, и я только порадуюсь, если твоя энергичность тебя к тому времени не покинет. Что при таком слабом здоровье все же весьма сомнительно.

Испуг или обида... Она быстро сможет выбрать что-то из этого для себя. Ну почему с ней так сложно... Ничего не говоря, обнял ее, поворачивая спиной, прижимая к себе, ложась рядом.

— Спи.

Пробуждение

«Дома»

Тогда почему тут так холодно?

«Дома»

Тогда почему здесь веет смертью?

«Дома»

Тогда почему из глаз льются слезы...

«Не уходи...»

А кто в этом виноват?

***

Зелень с вкраплениями золота... Теплый воздух. Последний вздох... Конец сентября, в котором проглядывали отблески теплого сезона. Последние дни...

Немного грустно... Но ведь жизнь на этом не заканчивается? Ей страшно. Она не хотела возвращаться... Бежала от себя... При чем тут город?

Может, она еще вернется... Он ведь сказал, что это возможно. И ей теперь лучше. Она уже не больна. Наверное... А если прежняя жизнь ее сломает? Бездушные, пресные лица...

Но ведь он ее не оставит. Она так боится упасть...

Теплые лучи. Ей просто спокойно. Спокойно... Потому что в жизни все же что-то есть. Есть, ради чего жить. Есть, кого любить... Есть смысл.

Темная охра. Режет глаза... А картинка сменяется так быстро. Или она просто задремала... Уютно устроившись на его плече. Что-то изменилось за две недели. В голове ни одной мысли...

А когда собирала вещи, обнаружила пропажу сережки. Где она могла ее потерять? Вполне возможно, что где угодно. В высокой траве. В простынях... Значит, она все же вернется.

Яркие вспышки. Разноцветные... И стука колес почти не слышно. Только в голове обрывки. Та девушка будет жить там вместо нее. Иногда положение — это не только преимущества. Но и недостатки можно найти в любой жизни.

Сжала руку сильнее. Пока еще не одна. Пока все хорошо...

Всегда, кажется, чего-то ждала от жизни. Верить, ждать... Эти слова, и его непонимающий взгляд. Даже для того, чтобы видеть небо в алмазах, нужно работать. Хотела бы она быть такой же целеустремленной...

Наверное, она все же заснула. Когда спрыгнула с лошади. Когда впервые вошла в дом... И как же теперь не хотела, чтобы этот сон кончался...

Мягкое прикосновение к ее макушке. Теплое дыхание. Она спала, но все равно почувствовала его... Нежно и аккуратно. Может, он думал, что ее сон слишком глубок...

Наверное, в осени все же что-то есть. Она теперь даже полюбила шум дождя. Под него так хорошо было засыпать... Капли воды, которые смыли застывшую на сердце кровь. От ран, оставленных ее же руками...

А утром на траве оставались капельки влаги. Блестящие... Когда лес не погружался во власть осеннего холода, по этой траве можно было пройтись босиком.

Калейдоскоп из разноцветных лоскутов, круживший голову. Смех, слезы, падение... Влажные листья с запахом земли. Рыжие лисички, росшие под дубом. Свет уходящего солнца. Розовый закат и приторный вкус его губ. Обрывки воспоминаний. В какой-то момент любой сон становится таким.

«Алиса...»

Показалось... Еще далеко.

Тепло на щеке... Приятно, но она все равно не проснется.

«Пойдем»

Тихо. Но ведь ей это не приснилось... Напряжение, сковавшее сонные веки. Не хотелось даже открывать глаза.

— Что?

— Пойдем.

Пришлось отстраниться. А было так хорошо...

Свет. Слишком яркий... Поддержал под локоть, иначе она бы точно оступилась. Ах, ну почему это так скоро...

— Сергей Владимирович!

Даже не заходя в дом. Ни приветствия... Агафья? Что... Что с ее голосом?

Алиса остановилась.

«Что происходит?»

— Я не знаю... Не знаю, как сказать...

Рука, поддерживавшая ее, куда-то исчезла. Она видела, как Осоргин заметно напрягся...

— В чем дело?

Волнение в голосе...

— Федя. Он болен...

Горизонты без облаков

Тихий стук. Дерево, соприкасающееся с камнем. Блестящие черно-белые клеточки. Маленькая рука, опускающая очередную фигуру на шахматную доску. Сосредоточенный взгляд серых глаз. Как можно быть таким равнодушным к выбору цвета? Это же так важно! Зато ему всегда доставались черные. Ничего страшного, что они ходят вторыми. Они красивые...

Пальчики, выравнивающие каждого участника боя. Надо, чтобы все смотрели в одну сторону. И стояли в центре. От каждой стороны клетки одинаковое расстояние. Это важно.

— Ты что-то упустил.

Поднял голову. Что не так? Тут все на своих местах. Расставил даже белых. Несмотря на то, что это вражеская армия...

Вопросительно воззрится на отца. Может быть, скажет?

— Посмотри внимательно.

Смотрит и все равно не видит. Ладья на крайней клетке, потом конь, которого он уже давно приметил в свою коллекцию солдатиков, потом слон... Это, скорее, похоже на вытянутый фонарь. Почему слон? Тот, кто это придумал, наверное, никогда не видел слона. Он тоже не видел, но это точно был не слон!

Растерянность...

— Поменяй ферзя с королем. Фигуры черные, а твой ферзь стоит на белом.

Точно! Как он мог упустить... А впрочем никогда не получалось запомнить, где должен стоять ферзь. Ферзь... Что за странное слово. Что-то шипящее. Вроде бы и не главная фигура, но до чего же могущественная! Папа говорил, что это как в жизни. А зачем тогда вообще нужен король? Такой слабый, а столько с ним возни... В прошлый раз его убили за три хода.

— Если ты будешь просто передвигать фигуры по доске, то шансов у тебя мало. В любой защите можно найти слабые места. И с этой стороны нужно подходить.

Ему просто нравилось выставлять вперед пешки. Только по диагонали. Тогда они защищены. А потом «выгуливать» этого «ферзя». Как же замечательно. Но только первые три хода, к сожалению...

— На твоём месте я бы поставил её обратно.

Рука, взявшая очередную черную пешку, остановилась.

— Почему?

— Потому что сейчас она под защитой, а следующим ходом с поля можно будет убирать слона.

Действительно... Ну, кажется, началось. Прошло ведь совсем немного времени. Зато он уже захватил в плен пешку!

Увлеченный своим занятием, мальчик не заметил вошедшую в комнату женщину. Только по реакции отца понял, что у него посетители.

Две пары серых глаз, одаривших её взглядами. Одинаковых...

— Мама!

Она так редко заходит... Не слишком вовремя, конечно, но как он рад её видеть! Она так мило улыбается...

— Сергей Владимирович, вы снова его учите. Ему же всего три...

Не всего, а целых три. Три с половиной.

— Но у него неплохо получается. Не думаю, что развитие стратегического мышления может как-то повредить нашему молодому человеку.

Да. Он уже взрослый. Хоть кто-то это понимает...

— Сергей Владимирович!

Малыш вздрогнул от неприятного голоса. Испуганно обернулся.

— Федор в своей комнате устроил совершенный беспредел! Да разве это допустимо?! В таком возрасте уже не ценить порядок... Как же можно! — из его спальни с самым недовольным видом вышла женщина крепкого телосложения, гордо выпрямившись и сцепив перед собой руки.

Опять Татьяна Прохоровна на него жалуется. Неужели это доставляет ей такое удовольствие?

— Ты же сказал, что убрал все.

Мужчина посмотрел на сына с укором. Сдвинул игрушки в угол. Убрал ведь... Как можно раскладывать солдат, несущих дозор, по коробкам?!

— Раскладывай свои баррикады и возвращайся.

Осоргин поторопил мальчика. Нехотя Федя слез с дивана, угрюмо направившись к нетерпеливо выжидавшей няньке. Как всегда... Лишь бы ей только нарушать столь замечательные моменты... Алиса молча наблюдала за происходящим. Почему мама никогда за него не застывает?

На улице шел снег. Так непонятно. Ведь уже весна! Почему же тогда идет снег? Весной же он должен таять...

Зато можно было строить крепость. И хотя ямы и туннели мало напоминали боевые укрепления, мальчика это нисколько не смущало. Но как же редко выпадали такие шансы... Татьяна Прохоровна всегда говорила, что его поведение «недопустимо и постыдно». Но ведь просто ходить по саду так скучно! Ни бегать, ни играть...

Зато восполнить все потраченные на соблюдение «подобающего» поведения часы можно было с отцом. Следовало только давать волю воображению... Бегать кругами, громко вереща и не получая ни единого упрека, скакать по сугробам, виснуть... И кидаться снежками. Мама всегда вскрикивала, если он решался кинуть в нее пригоршней снега, а потом злилась... Это не было интересно. А тут можно было даже получить в ответ снежным комочком по шапке, что приводило малыша в неопиcуемый восторг. Правда, попытки завалить отца в снег никогда не увенчивались успехом, потому что чересчур разыгравшегося сына мужчина обычно удерживал на расстоянии вытянутой руки. И сил на преодоление такого препятствия просто не доставало. А при должном напоре можно было оказаться в ближайшем сугробе. Чтобы потом вскочить и, даже не тратя времени на то, чтобы отряхнуться, предпринять попытку реванша...

— У тебя все равно ничего не выйдет.

Ни слова в ответ. Только пыхтение и жалкие попытки дотянуться до отца. Размахивая руками, упираясь лбом в его ладонь в черной перчатке. Отстранился, переводя дыхание, а затем ринулся вперед, пытаясь обойти мужчину сбоку. И снова неудача.

— Сейчас отлетишь в сторону, а потом будешь говорить, что тебе больно.

Нет... Его упорству можно было только позавидовать. Игра довольно странная. Но, впрочем, чем бы дитя не тешилось...

Отпустил. А когда мальчик со счастливым визгом подлетел почти вплотную, завел его руку за спину, останавливая.

— Все?

Обиженное сопение. Попытка вывернуться. Тихий всхлип, когда ему это не удалось.

— Может, отдохнешь?

— Федя! Что ты делаешь? Оставь отца в покое!

Алиса...

Отпустил ребенка, поворачиваясь к жене.

— Оставьте... Это всего лишь игра.

В выставленную на всякий случай в сторону руку с шумом врезались. Тихий вздох, и малыш с легкой подачи оказался в снегу. Счастливый смех... Не многим он в этом плане отличался от матери. Правда, у нее были несколько иные способы, но суть оттого не менялась.

Он был так на него похож... Маленький мальчик со взрослыми глазами. Алиса терялась, когда смотрела на сына. С ним было глупо заигрывать, как это обычно делали с детьми его возраста. Алиса сама в такие моменты чувствовала себя несмышленным ребенком. И от этого порой становилось не по себе...

Если у кого-то когда-то и могли возникнуть вопросы по поводу достоверности отцовства своих отпрысков, то в этом случае Алиса скорее склонна была сомневаться в достоверности своего материнства. Может, только некие черты характера имели сходство... Хотя и об этом судить было трудно. Едва ли она в его возрасте обладала такими способностями...

— Я не буду спать!

В какой уже раз... Дневной сон малыш совершенно не воспринимал всерьез. Не кричал. Не топал ногами. Поджав губы, стоял перед ней, смотря снизу вверх. Он не хочет. И пытается донести ей свое видение этой ненужной и совершенно бессмысленной традиции.

— Твое упрямство поспособствует только тому, что ты нарушишь свой режим.

— Но я не хочу...

— Если папа узнает, ты не пойдешь гулять.

Он расстроился. Пытался не подавать виду.

— Нет... Я не хочу спать.

Серьезно и уверенно. Ну как мама не понимает, что ему это совсем не нужно?

— Когда вернется папа?

Он устал. Это было видно. Но все еще пытался бороться...

— Федя, ты же знаешь, что он возвращается вечером. К чему вопросы?

Совсем печально. Он бы не стал плакать. Просто опустил голову...

— Думаю, когда ты проснешься, он уже будет дома.

Обреченный вздох...

— Если я останусь, ты согласишься наконец заснуть?

Задумался. Собственническое чувство должно было взять вверх. Осторожно кивнул. Слава богу... В следующий раз этим займется няня.

И теперь мальчик гордо прошел мимо внимательно следящей за ним Татьяны Прохоровны.

— Во сколько ты собираешься идти? — голос отца. Негромкий. Федя прислушался.

— Жюльен ждет меня около шести часов...

— Моя встреча состоится в семь. Могу тебя проводить.
— Благодарю. Но не стоит все же...
— Оденься теплее. На улице все еще зима, несмотря ни на что.
— Учту это обстоятельство.

Молчание. А затем смущенный женский смех...

Мама все-таки уедет... Она же сказала, что почитает ему перед сном...
Несправедливо. Обидно...

Федя не понял, что произошло, потому что няня осторожно закрыла за ними дверь, отведя мальчика за руку в спальню. Румянец на щеках вечно строгой и суровой женщины его удивил.

— Fiodor, s'il vous plaît, faire l'affaire!

— Oui, madame.*

Он быстро отвлекся, подбегая к нагромождению коробок, возле которых располагалась его доблестная армия. Действительно. Пленных следует отвести в каземат...

Примечание к части

* - Федор, извольте заняться делом!

- Да, мадам. (франц.)

Проблемы еще не начинались

Горечь... В слезах, разъедающих глаза. В словах...

«Воспаление легких»

Но ведь это не смертельно? Не должно быть! Нет!

«Я не могу ничего обещать. Его состояние крайне тяжелое»

Нет... Почему? Почему Федя? Боги, за что?!

Она была плохой матерью. Всегда это знала... Даже тогда, когда еще носила ребенка.

— Мне кажется, я не справлюсь.

— Откуда такие мысли? — она до сих пор помнит, как Сергей Владимирович осторожно положил руку на ее живот, уже достаточно заметный, смотря при этом ей в глаза... — Не думаю, что это очень сложно. Хватило возможностей сделать, хватит и воспитать.

Что же... Каждый остался при своих словах. Лучшего отца для своего ребенка она бы не нашла... Но она сама...

Она была плохой матерью...

Так и не смогла привыкнуть к этой роли. Сама еще ребенок, могла ли тут идти речь о воспитании собственных детей?

Федя лежал в своей кроватке, дыша хрипло, не открывая глаз. Жар... Лихорадка медленно убивала это только начавшее свою жизнь энергичное существо. Если бы она тогда была рядом... Он бы не лежал теперь перед ней, задыхаясь от кашля. Он бы бегал по дому, как и прежде. Он бы не заболел. Не упал бы в пруд...

Садовник. Видимо, провидение все же существует, если тогда он заметил потерявшего равновесие мальчика. Бросив все, вытащил из холодной воды... Можно ли было перекладывать всю вину за случившееся на гувернантку? Только отчасти. Невозможно, невозможно все предвидеть наперед. За ним трудно уследить. Он же еще маленький... И такой любознательный.

Чувство, что что-то было упущено. Безвозвратно... Любой мог бы осудить ее за это. Никогда не уделяла сыну достаточно внимания. Она ведь даже хотела...

Алиса сжала голову руками, тихо плача.

— Мама...

Едва слышно. Хрипло... Федя приоткрыл покрасневшие глаза. Кашель... Сухой, болезненный.

— Федя! — Алиса подняла голову, вглядываясь в бесцветное, измученное болезнью лицо малыша. — Прости меня...

Он не понимал. Смотрел на нее с удивлением. Почему она плачет? Ему было страшно...

Рука, сжавшая ее плечо. Алиса не обернулась. Нет... Она не уйдет. Чуть сильнее... Пришлось подняться. Сергей Владимирович подтолкнул ее к двери. Несильно, но так, что у нее не осталось сомнений в том, что в этой комнате она теперь лишняя.

Обернулась, смотря на него с мольбой.

— Сергей... Прошу! Я должна быть с ним...

Сухо. Безэмоционально:

— Зачем?

Ей нечего здесь делать.

— Но...

— Прекратите пугать ребенка, — выводя ее в коридор, закрывая дверь. Оставляя ее одну. Растерянную...

Подходя к его кроватке... Маленькое, дрожащее от озноба тельце. Лихорадка... И кашель.

Чувство совершенной беспомощности. Никогда. Никогда прежде он не чувствовал себя так... Потому что нельзя было просить. Нельзя угрожать. Нельзя что-то изменить. Только верить в то, что он выживет...

Приоткрытая форточка. Свежий воздух. Натопленное помещение. Несколько одеял. Отвары, грелка... Все, что только могло помочь... Но это уже была не просто простуда. Не просто недомогание...

Почему? Слабое здоровье? Неправильное лечение в самом начале? Когда он впервые после разлуки увидел сына, все уже было плохо...

Нездоровый румянец на щеках. Нездоровый блеск глаз. Он только пришел в себя. Нож, вогнанный в сердце по самую рукоять... Его ребенок умирал.

Хватило сил только на то, чтобы не уподобиться Алисе. Едва хватило...

— Больно... — когда Осоргин склонился над мальчиком, меняя лежащую у того на лбу влажную повязку. Теперь горячую...

— Это пройдет. Скоро... — не соврал. На его нелогичный вопрос о том, могут ли оправдаться худшие опасения, мужчина получил вполне логичный ответ от врача, что мальчику либо вскоре станет лучше, либо... Либо все кончится.

«Сударь, я ведь не Господь Бог. Делаю все, что в моих силах. Если его организм справится, он выздоровеет»

А если нет...

Последнее, что можно было предположить. Вернуться к могиле собственного ребенка...

Чашка с темной жидкостью. Шиповник.

— Не надо... — закапризничал... Ему было больно даже приподняться...

— Давай, — протянул сыну руку, осторожно потянув наверх, другой рукой придерживая за спину. Мальчик откинул голову, тихо заскулив. Сергей Владимирович отвернул лицо... Закрыв глаза.

— Тебе нужно больше пить, — поднося ко рту чашку с отваром. Маленькие ручки настолько ослабели, что не могли даже ничего держать... Федя не возражал. Чуть приподнял голову над подушкой. Осоргин осторожно придержал его...

Снова кашель... Мазь, горчичники... Да должно же что-то в этом мире помогать!

— Я умру?

Осоргин вздрогнул. Осунувшееся лицо, едва слышный голос... Смерть уже поставила свою печать... Так теперь казалось.

— Кто тебе сказал подобное?

Тихий вздох...

— Мама. Она просила, чтобы я не умирал. Я умру?

Мама... Ну конечно. Кто же еще...

— Нет. Мама не в себе. Устала от переезда. Она не имела в виду это.

Кажется, его удалось немного успокоить...

— Если ты не будешь бояться и переживать, то совсем скоро почувствуешь себя хорошо, — трудно... Ему было трудно говорить это... Смотря в глаза, полные надежды. Смотря на самого себя...

А Федя почувствовал тихую радость. Он выздоровеет. И жжение в груди, наверное, пройдет... И его не ругают за то, что он упал в пруд.

— У нас в саду живет ящерица, — слабо и очень тихо. Но информация столь важная, что он бы поделился ей с папой, даже если бы потом сразу снова потерял сознание.

— Хорошо. Ты ее поймал?

Он призадумался.

— Нет... Она уползла под беседку. Такая большая...

Осоргин попытался улыбнуться. Вышло плохо. Да и не стоило... Не стоило пытаться играть. Дети слишком тонко чувствуют фальшь...

— Как только встанешь на ноги, мы ее обязательно поймаем, — засветившиеся восторгом серые глаза... Как немного нужно было ему для того, чтобы чувствовать себя счастливым.

Сергей Владимирович нагнулся, касаясь губами лба сына. Горячий... Даже несмотря на влажное полотенце. Температура поднималась.

— Ты посидишь со мной?

Осоргин кивнул. Конечно, он останется... Пока будет возможно...

— Постарайся заснуть.

Федя послушно закрыл глаза. Вложив маленькую ручку в руку отца...

Осоргин молча смотрел на сына. Маленькие пальцы медленно слабели... Что-то мокрое на щеке... Он даже не сразу понял, что это были слезы. Сломленности. Отчаяния. Разбитости...

А есть ли смысл?

— Кто ты?

Молодая темноволосая девушка выжидательно склонила голову перед госпожой. Она видела ее... Видела в тот день, когда только приехала. Но не обратила внимания тогда. Произошедшие события не позволяли думать о чем-либо еще.

— Дуня. Я дочь псаля. Из...

— Не имеет значения. Где Глафира?

Можно было предположить, что управитель нанял новую девушку для работы по дому. Но где ее горничная?

— Простите, Алиса Романовна. Не знаю я такую... Мне сказали, что теперь я ваша горничная. И я готова выполнять любые ваши указания.

Эта девушка... Что она говорит?

— Хорошо... Принеси пока воды.

Не с нее следовало спрашивать. Алиса провела по лбу ладонью. Что это? Злая шутка?

Думать о насущных проблемах, пока высшие силы решают людские судьбы. У нее были вопросы...

К кабинету мужа Алиса шла решительно и целеустремленно. В конце концов, это было уже чересчур... Возможно, в своем доме он и был полноправным хозяином, но Глаша — ее служанка. Единственное, что осталось у нее от прежней жизни... Она приехала в этот дом вместе с ней. Еще очень давно. Растущее возмущение, непонимание.

— Сергей Владимирович...

Слова, прозвучавшие прежде, чем что-то шевельнулось в голове, отчаянно прошептав:

«Не надо!»

Не надо...

Не потому, что ее не услышат. В удивительно тихой комнате не было жизни... Ни скрипа пера. Ни шороха бумаг. Ни запаха кофе...

Стул, отодвинутый от стола. Не слишком далеко... Неудобно работать, но на столе все было слишком аккуратно. Он не собирался ничего писать.

Сидя на стуле, мужчина смотрел в одну точку. Не раскладывал бумаги. Не искал настойчиво уходящую мысль. Не читал... Думал о чем-то? Скорее всего, его мучила все одна и та же мысль...

Это было непонятно. Непривычно... Время теперь не текло, расписанное по часам и минутам. Осоргин даже не повернул головы. Не поднялся навстречу, услышав ее голос...

Подойти. Обнять... Не важно, о чем он думал, смотря не на нее. Ведь это была не задумчивость. Она чувствовала... Это скрежетало по сердцу, подобно острому морскому камню, царапающему стекло. Тогда она бы смогла услышать... сказала бы сама, что это не конец.

— Сергей Владимирович...

— Что вам нужно?

Безразличие. Столько безразличия, что его хватило бы на каждое сказанное ей необдуманное слово. Чтобы умыться им с головой...

Не стала подходить. Смотря на него и не веря. Не узнавая...

«Все обойдется. Мы справимся. Мы выдержим...» — несколько слов, изменивших бы все... Сказать. Она должна была просто сказать...

— Что с моей горничной?

Посреди этой тишины. Пожалуй, самый глупый, самый неуместный вопрос.

— Я ее уволил.

А что она ожидала услышать?

— Зачем...

Впервые посмотрел на нее. Как на душевнобольную...

— Она передавала записки от моей жены к ее любовнику. Достаточный повод?

Алиса сделала шаг назад. Он никогда не ставил в вину ее измену... Никогда прежде. Но больно стало не от этих слов. А от того, как они были сказаны. Сухо. Жестоко...

— Зачем вы это говорите... Я поступила плохо. Перед Богом, перед вами, перед собой...

— Оставьте в покое себя и Бога. Вопросы вашей веры касаются исключительно вас. О себе же вы не прекращали думать ни на одну минуту. Перестаньте же говорить об этом хотя бы теперь...

Не повышал голос. Не сглаживал углы. Не успокаивал.

— Что я сделала? К чему все эти упреки? — ее голос срывался. — Вы хотите разрушить все то, что у нас теперь есть? И тогда, когда наш сын...

— Мне все равно. — Он повернулся к ней. И Алиса на секунду перестала дышать. Погасшие теперь уверенность, решимость в его глазах, прекратившие свою борьбу. Столько отчаяния, отчаяния такого живого, такого острого и отравляющего медленно и неотвратно, Алиса не видела никогда... Он был сломлен...

— Знаете, впервые в жизни мне все равно. Никогда не думал, что это может произойти... — мысли вслух. Просто, чтобы не сойти с ума. — Разрушить то, что у нас есть? А что у нас есть? По мне, так ничего, — неопределенный жест. Он не жалел ее. Слова, острыми ледяными осколками пронзавшие насквозь. Алиса даже не пыталась остановить это...

— Наш сын? Кажется, еще две недели назад вы собирались покинуть его. Почему-то о благе тогда еще здорового ребенка вы не думали. Впрочем, я не уверен, думаете ли вы вообще о чем-либо благе, кроме своего собственного, — морщины, появившиеся на лбу. Этот разговор становился слишком бессмысленным.

— Знаете, мой ребенок умирает, а я ничего не могу сделать. Ваш ребенок умирает, а вы беспокоитесь о том, что я лишил вас возможности связаться с любовником. Я не привык слышать от вас логичные и вразумительные ответы. Но ответьте теперь: в чем виноват я? В том, что не замечал, что вы представляете из себя на самом деле? В том, что хотел видеть в вас любимую женщину? В чем? Или же в том, что не дал вам упасть тогда? Что позволил себе простить... И для чего? Для того, чтобы успокаивать сына после ваших истерик? Чтобы ждать, пока вы снова решите вонзить нож под ребра? Я сам не понимаю... Но говорили же вы, что каждый имеет право на ошибку. Что ж... Я не святой. Я ошибся.

Сказал бы это, если бы она в самом начале не пресекла? Если бы просто дала понять, что и она играет хоть какую-то роль в их только поднявшихся из серого пепла отношениях... Если бы поддержала. Если бы не задала этот роковой вопрос...

Жизненная энергия подобна песку в песочных часах, перетекая от того, кто может ее дать, к тому, кто в ней нуждается. Только в его стеклянной половинке уже ничего не осталось.

— Как вы можете... — не хватило ума промолчать.

— Попытайтесь меня остановить?

Сталь. Если сокрушенность, если вырвавшихся на поверхность так тщательно скрываемых демонов и можно спрятать, то только за угрозой.

— Вы пришли за утешением или за советом? Если так, то могу сказать лишь одно: займитесь устройством своей собственной жизни самостоятельно. У меня нет сил тянуть вас оттуда, куда вы каждый раз рветесь упасть. Теперь появились некие... трудности. Если бы ваш сын имел для вас значение, вы смогли бы понять.

Тонем человека, уставшего от бесконечной головной боли.

— Можете даже идти туда, где вам несомненно будут рады. Надеюсь, следующему, кому вы без сознания упадете в руки, повезет больше. А впрочем, мне искренне жаль этого человека. Могу только пожелать, чтобы ваш бог отправил его на тот свет раньше, чем вы сведете несчастного с ума. Это будет благосклоннее, чем дать ему провести всю жизнь, потакая вашим капризам.

Лезвие, разрезавшее бумагу своим острым кончиком...

Осоргин провел рукой по лбу.

— А теперь, думаю, вы захотите удалиться. Дверь сзади.

Разбитая... Пытаясь прийти в себя от его слов. От той правды, на которую он всего лишь указал.

Он хотел сделать много того, что ей бы не понравилось... Совершенно. Только разве это сможет что-то изменить?

И еще потому, что непонятная тяжесть сдавила грудь, отдавая куда-то влево. Подозрительные черные точки перед глазами... И каждый шаг, когда он входил к себе в кабинет, давался с трудом. В нем все же чуть меньше малодушия, чем кто-то мог бы подумать. Он не оставит Федю одного. Пока нет... В этом мире его сына ждет не слишком теплый прием. И пока все не будет кончено, он постарается быть рядом. А теперь...

— Подите вон, — отрешенно и бессильно.

Опустошенный взгляд, скользнувший по полу. Не до ее слез и не до обид. Ни до чего... Уже ни до чего.

Расплакалась. Расплакалась бы, даже не потрудившись уйти. Но после этих слов поняла, что он бы не пожалел. Не посочувствовал и утешать бы не стал...

Рыдания, сдавившие горло... Пока она почти бежала к себе. Растирая по щекам соленые капли. Он никогда не повышал на нее голос. Никогда. Но это было хуже. Искра, вспыхнувшая в сердце так неожиданно, потухла. В животе застыл холод. Как будто и не существовало ничего до этого. Она чувствовала себя подавленной... Между ними снова была стена. Холодная и беспощадная.

Черные ласточки, как тени с того света.

«Я здесь лишняя. Я здесь чужая...»

Иллюзия счастья... А на деле это чувство унижения, непонятости и... одиночества. До тех пор, пока слезы будут тяжелым комом сдавливать горло, а губы кривиться... Оно не пройдет до тех пор. Даже среди всеобщей радости это продолжится...

Он бы сказал ей, что это продолжится лишь до той минуты, пока она будет лелеять свою обиду, перебирая в голове каждое слово, убеждаясь в собственной правоте. Она мысленно произнесла эти слова таким знакомым голосом. Только все, что он сказал, были не слова утешения.

Так вовремя поданный стакан воды... Все же, возможно, в новой служанке и был какой-то толк. Не спросила ни о чем и не рискнула давать советы. Алиса сидела на пуфике перед зеркалом. Упершись локтями в деревянную поверхность трюмо. Не решаясь поднять головы. Упиваясь своей болью. Но это было не то, что проходило через несколько часов рыданий. Не то, после чего, сказав «прости» или услышав эти слова в свой адрес, можно спокойно продолжать жить дальше. Ей казалось, что для нее все кончено. Теперь...

«Подите вон...»

Маленький ящичек, в котором она всегда хранила пузырек с настойкой валерианы. Не то чтобы это очень помогало в таких случаях... Но чувство отчаяния, чувство одиночества больше не становилось столь острым. А с этим уже можно было жить...

Совершенно случайно брошенный в сторону взгляд. Пальцы, нащупавшие стеклянный флакон с темной жидкостью, ощутили под собой что-то еще... Алиса заглянула в ящик. Свернутая бумага, аккуратно прислоненная к его деревянной стенке. Ее сердце забило быстрее. Она не видела этого раньше и... слишком уж неприметным казалось это... письмо?

Алиса затаила дыхание. Оставив на время позабытый флакон, достала из трюмо бумагу. Дрожащими от неожиданного открытия пальцами развернула... Сердце пропустило удар. Она узнала почерк.

Последний выбор

Полумрак. Неясный силуэт... Тихий голос, а лица не видно. Не оттого, что темно... Память стерла эти когда-то столь знакомые черты. Но голос забыть было сложно...

Она пела. Что-то на французском... Никогда не мог запомнить слов, но мотив был узнаваем. Сквозь пелену, похожую на шелковую ткань. Фиолетовую или синюю... Сознание выбирало именно эти цвета.

Пальцы, скользящие по волосам. Как будто это никогда не кончалось. Он часто засыпал, положив голову ей на колени. Во сне видеть себя спящим... Удивительно. Но ведь трудно сказать наверняка, в какой момент происходящее становится иллюзией...

До нее нельзя дотронуться. Только слушать... Но от этих столь простых действий действительно становилось легче. Это было давно. Но во снах приходило до сих пор. Даже если наяву он не вспоминал об этом...

Но иногда фиолетовый шелк становился красным. Пропитываясь кровью... Тогда сон превращался в кошмар. Потому что это была ее кровь. Стекая по вискам, капая на руки. Она не пела. Просто смотрела на него. Нельзя кричать. В этих снах нельзя было кричать...

Даже просыпаясь посреди ночи с другой женщиной, он открывал глаза, смотря на свои руки. Машинально. Ожидая увидеть кровь... Почти чувствуя ее липкое тепло. Ведь это сделал не он! Пытаясь очнуться от этого ужаса. Лишь потом осознавая, что то было всего лишь дурное видение. Наверное, это было глубже, чем он мог предположить. Где-то очень далеко... Его собственный кошмар.

Но теперь был только голос. Осторожные прикосновения. Тревога... Будто бы забытая. Будто что-то, волнующее его сердце, осталось где-то очень далеко. Что это было? Он забыл что-то просмотреть? Прощение? Не подписал нужные бумаги? Ведь он точно должен был уже встать... Отведенные полчаса уже прошли. Или нет... Он не хотел, чтобы это прекращалось... До тех пор, пока сон не превратится в кошмар... Пока рыжие волосы не запачкаются кровью.

***

В полутьме трудно ориентироваться. Но Алиса смогла. Шла. Шла вперед уверенно. Шум... Треск рвущейся бумаги. Разорвала, даже не став читать... Зачем?

Надежда, трепет внутри. Вот оно, счастье, — только руку протяни... В ее руках.

Оправдавшаяся надежда, сменившаяся какой-то непонятной злостью. Да, это был почерк адъютанта. Да, это его рукой было написано столь длинное и, наверное, весьма красивое в своем удивительно страстном стиле послание. Послание... Как же оно оказалось здесь? Глаша оставила перед уходом. Сколько их могло быть? Теперь уже не важно.

Восторг. От своей решимости? От смелости? Возможно, впервые в жизни она сделала осознанный выбор. Впервые в жизни судьба не несла ее по течению, словно пожелтевший опавший лист. Она решила...

Рвала. Рвала быстро. Потому что потом это взяло бы вверх. Завладело бы ее сознанием... Ответить — и все обвинения, все обиды останутся в прошлом... Круговорот страсти... А что после?

Сожгла бы, если только не желание... Желание бежать. Туда, где она была нужна. Она не уйдет. Теперь нет... Пусть накричит. Пусть попытается прогнать. Она долго была скверной женой... Но что-то внутри толкало ее. Заставляло идти вперед. Потому что в ее спальне остались лишь клочки исписанной бумаги.

Надо было сделать это еще раньше... Но, быть может, время — минуты, проведенные в одиночестве, — так подействовало на нее. Может, это письмо. Необходимость теперь быть рядом... Или же ее шаг к своей свободе? Что так влияло на нее в тот момент, Алиса не знала. И понимала, что решимость ее, скорее, погаснет, едва она подойдет ближе. Но разве сможет она простить себе, сможет жить дальше, если с ним что-то случится? Почему он говорил это? Эта опустошенность, эта растерянность... И даже более того. Почему она сразу не прекратила это... Она редко понимала, насколько правильными бывали ее действия. Но теперь чувствовала: ошибки не случится. Она выбрала, пусть и не обязательно верный, но единственный путь. И пока не наступит утро следующего дня, сомнения не истерзают ее душу. А потом... Теперь же она вздохнула глубоко, мысленно молясь о том, чтобы удача не изменила ей и все разрешилось благополучно.

Не стала стучать. Побоялась... Но, войдя тихо, поняла, что ее предосторожности оказались ни к чему: в комнате никого не было...

Голубоватое пенсне лежало на столе. Горели свечи. Работа неизвестного художника на стене — пейзаж, лучи солнца, проглядывающие сквозь хвойные ветки, — удивительная «частичка природы» среди тщательно организованного пространства. Но мужа Алиса здесь не застала.

Страх... Всегда возникает, когда в порыве неожиданного вдохновения человек стремится скорее осуществить свои идеи, страшась лишь того, что что-то может пойти не так. Сердце билось гулко. Она огляделась в растерянности. Все указывало на то, что Сергей Владимирович еще не ложился. Впрочем, она могла и ошибаться.

Спальня, смежная с кабинетом, чему способствовала привычка часто заниматься делами службы по ночам, время от времени прерываясь на недолгий сон. Дурная привычка, но иногда иного выбора совершенно не оставалось.

Он заснул. Даже не раздеваясь. Много планов, много дел требовало внимания. Но организм не выдержал. Не в этот раз.

Алиса сделала несколько шагов вперед... Чувство нежности. Жалость... Покрывало, даже не снятое... Сон вынужденный. Но не безмятежный... Алиса осторожно опустилась рядом. Ей не придется уговаривать, не придется просить прощения. Как будто сжался внутри ее тела маленький комочек. От невыносимого чувства нежности... Что надо сделать со вполне здоровым взрослым мужчиной, чтобы заставить чувствовать себя так? Намного меньше, чем она уже сделала. Всхлипнула... Погладила по голове, будто пытаясь вернуть все то, что уже давно упустила. Чего не давала прежде: чувства заботы...

Мужчина вздрогнул под ее рукой. Резко приходя в себя. Алиса отстранилась. Что сказать? Что она скажет?

Осоргин, казалось, ее и не заметил. Посмотрел куда-то мимо нее, садясь на кровати.

— Что-то забыл... — закрыв глаза, проводя рукой по лицу. — Что-то...
Повернувшись к ней:

— Надо работать.

Тревога... Алиса коснулась его плеча, успокаивающе глядя.

— Никуда не надо... Сергей, ложись.

Несколько секунд понадобилось для того, чтобы прийти в себя окончательно. В глазах мелькнуло узнавание. Сергей Владимирович смотрел на нее, будто бы пытаясь понять, что она делает здесь теперь. Что...

Отшатнулся, как от ядовитой змеи. Алиса вздрогнула от неожиданности. Одними губами прошептал одно из ряда тех выражений, какие в приличном обществе употреблять не принято...

Алиса смотрела на мужа с грустью. Не пытаясь быть ближе. Не стоит, если первая реакция на твоё общество — желание отодвинуться как можно дальше... Но пока в ней осталась хоть капля решимости, она не сдастся.

— Я говорила с гувернанткой, — неспешно протягивая руку, касаясь его груди, — Феде лучше, — расстегивая пуговицы на пиджаке. — Жар спал. Есть надежда...

Не отстранился, напряженно пытаясь понять, что она от него хочет. Алиса снимала с него пиджак мягко и сосредоточенно. Продолжая говорить...

— Тебе нужно отдохнуть, — чуть более высоким от волнения голосом. Переходя с официального, принятого «вы» на «ты», что случалось только в моменты их особенной близости.

Ночь — время, когда кажется, что любая ошибка, любое откровение останется там навеки. Растает, подобно сну... И никто не вспомнит, что надежно скрыла в своих объятиях темнота. Самые безумные слова, решения, мысли... То, что утром вызовет лишь снисходительную улыбку, в свете луны течет по венам, учащая дыхание...

Сергей Владимирович не пытался помешать ей, не пытался возразить. Не было желания спорить... Пока она расстегивала рубашку, шепча что-то... Пока откидывала одеяло. Окружающее пространство виделось расплывчато. Вряд ли она сможет сделать хуже...

— Ложись...

Эта замкнутость, только усилившая чувство вины. Чувство, которое, если бы она позволила, поглотило бы ее полностью, уничтожая и давя... Потому теперь она просто пыталась заглядывать совершенные ошибки. Так, как умела... Только не прося прощения, не говоря слова сожаления. Не пытаясь говорить. Делая то, что в эту минуту было важнее. А может, просто беря пример с него. Хотя и признание своих ошибок — невероятно значимый шаг.

Взгляд, блуждающий по стенам комнаты. В нем не было отрешенности. Осоргин не смотрел на жену. Какие-то другие мысли. Не касающиеся ее... Может, это и было к лучшему.

Как много она отдала бы, чтобы заслужить его прощение... Сияющий, глубокий взгляд... Что бы он не говорил, но она видела разницу. Даже признав свой проступок, вернуться к прежней жизни порой бывает очень трудно. Иногда невозможно... Много лишних слов. Она наговорила многое... Забывая об этом почти сразу. А смог ли он забыть?

Что еще она сможет сделать... У нее будет время подумать. Когда он лег, Алиса накрыла мужчину одеялом. Не рискнула сказать ничего более. Лишь коснулась его плеча, будто бы ненароком.

«У всех бывают трудные дни»

Легла рядом, осторожно обняв. Хотелось дать почувствовать, что она с ним, здесь. Что он ошибся, говоря о ней так... Она постарается...

Не такая ведь она плохая. Разве ее вина в том, что она пыталась взять то, что он ей дать не мог? И наоборот... Они не должны были встретиться. Он не должен переживать из-за ее легкомыслия... Она не должна чувствовать себя виноватой за то, что была собой. Они не подходили друг другу. Совсем... Она ведь этого не хотела... Ни этого брака, ни этой жизни... Она этого не заслужила. Двух более разных людей с более различными желаниями найти было сложно... И все же они здесь... Вместе.

Может, разойтись и не издеваться друг над другом дальше — лучший выход? Даже самый безнадежный человек имеет право на то счастье, какое он сам себе представляет. Но разве найдет она счастье, если уйдет сейчас... Ведь отношения — это не то, что появляется само собой. Они требуют работы. Понимания. Уступок... Он ведь уже сделал свои... Принял ее. Такой, какой она была.

Она научится... Она постарается ответить... Если только он позволит ей быть рядом. Если «люблю» — не слова, сказанные ею в момент близости, а поддержка в трудную минуту... Желание понять, спросить о том, что волнует... Молча обнять. А остальное — такой пустяк...

Возможно, только теперь она осознала в полной мере, какой выбор стоит перед ней. Только теперь поняла, что значит уйти. Будущее, видевшееся до этого момента лишь иллюзорно, теперь стало столь отчетливым, а понимание того, что может она потерять, столь ясным. Утихший в душе шторм от выплаканных слез, от пережитых волнений... Теперь Алисе все казалось очевидным.

Имеют ли смысл порхающие в животе бабочки, если они ничего не могут изменить... Если после вспышки страсти не остается ничего. Ничего, кроме воспоминаний... А бегущие мимо дни унесут с собой и их. Разве это цена?

«Я подарю тебе мир» было ничем по сравнению с тем, что уже было у нее. С тем миром, которым она уже обладала. Благодаря ему... «Мы что-нибудь придумаем» по сравнению... С тем, что он решал все ее трудности. Всегда. Даже если это было в ущерб его времени. В ущерб репутации. В ущерб себе... Не ставя в вину ее глупость. И какое значение имели написанные красивым почерком обещания и тысячи слов в ответ на ее страстные признания по сравнению с тем сдержанным спокойствием, которое проявлял он, выслушивая ее истерики и обвинения... Позволяя ей это... Позволяя, потому что хотел знать, что ее гложет. Что он, по ее мнению, сделал не так...

И теперь... Тяжелое неровное дыхание. Она чувствует, что что-то происходит неправильно... Когда-то давно, будучи еще ребенком, она узнала, что ее отец скончался от разрыва сердца. Родителя она почти не помнила, но навсегда в ней поселился страх того, что и она сможет окончить свои дни так же... Неожиданно, стремительно. Когда ни на прощание, ни на возможность подготовить себя к тому, что скоро человека не станет, не бывает времени...

Прижалась ближе, крепче обнимая... Если у нее просто будет шанс. Не на прощение ее безразличия. Не на прощение того, что она натворила. А на то, что худшее останется позади. Что завтра она сможет взглянуть в его глаза... Что еще не слишком поздно... Каково это — осознавать, что потом может стать слишком поздно? Не через год. Даже не завтра. А прямо сейчас... В этот момент... Поздно... Из-за ее глупости.

Наверное, впервые в жизни она, стоя на пороге неизвестности, не пыталась молиться. Не просила... Рядом с мужем все это казалось таким бесполезным... Когда-то между ними не стояло ничего. Среди событий, идущих, как казалось, нескончаемой серой чередой, всегда находились моменты, когда он мог осторожно обнять ее, приводя в порядок мысли и чувства. Алиса любила прижаться спиной к его груди, странным образом забывая обо всем на время... Что, если все случившееся было неизбежно? Быть может, она бы никогда и не смогла понять, сколь важным, необходимым может стать для нее человек, с которым, как считала она, ее не связывало ничего, кроме придуманных людьми правил.

Потрясения переживаются тяжело. Алиса вытянула затекшую руку, чуть изменив положение. К себе не пойдет и переодеваться не станет. Но она была уверена, что эту ночь проведет без плохих снов. Если впереди есть будущее, то она его видит. А если все, что она творила, до сей поры не смогло убить их отношения, то теперь они станут прочнее...

Раз, два, три, игра началась...

Прокуренная комната, весьма неприятным горьким привкусом оставляющая во рту ощущение табачного дыма для того, кто не переносит табак. Бесконечные разглагольствования чересчур назойливого собеседника... Дурная необходимость участвовать в этом разговоре, сдержанно улыбаясь и изображая безграничное внимание. Слушать, не слыша...

— Все же княгиня Звонецкая — женщина невероятно благородной души! Тридцать тысяч отдать на обеспечение достойных условий несчастным сиротам... Сколько же в ней сострадания!

Мужчина лишь сдержанно кивнул. Его вложения были гораздо более скромными, но, между тем, роль в укреплении его положения сыграли значительное.

А мысли его были далеко от предмета теперешнего разговора. Все она. Алиса... Темноволосый беспечный ангел с голубыми глазами, не покидавший его головы... Что с этим делать?! А ведь прошло почти полгода...

Не давали покоя воспоминания. Об их встречах. О ее веселом смехе, порывистости, страстности. О том, какой она была. Какой могла быть... Писал ей. Писал, даже узнав о случившемся... Была ли его ошибка в том, что он не ответил на ее отчаянную просьбу? Не забрал... Нет, нет... Какая глупость! Из-за какой-то прихоти

так рисковать. Если бы она получила развод... Тогда все выглядело бы по-другому. Но все сложилось не так, как он полагал...

Она не ответила. Не ответила и на последующие его письма. Позже он узнал, что ее служанка уволена и более общение посредством переписки не представляется возможным. Из-за этого человека...

Искал с ней встречи. Она не появлялась в обществе. Несколько месяцев... Борис был уверен, что ей это запретил муж. Не предполагал тогда, что для них из этого выйдет. Не думал, что это кончится так... Что теперь с ней?

Никогда при нем не говорила о муже. Уходила от этих разговоров, словно эта тема была для нее болезненна. Может, теперь он и понял, почему...

Запер дома? Заставил? Он был почти уверен в этом. До того момента, пока не встретил ее у одной своей знакомой...

Не спрашивал и никак не выдавал своего интереса, чтобы не скомпрометировать себя и молодую женщину. А потому ее появление стало для него полнейшей неожиданностью... Беседуя с какой-то дамой, Алиса не замечала Бориса. Какие чувства овладели адъютантом, когда он понял, кого видит здесь... Не поверил. Но именно она, стройная, статная, в элегантном кремовом платье с соблазнительно глубоким декольте и коротких перчатках стояла чуть поодаль... Он не ошибся.

Забыв обо всем, следил за каждым ее движением, каждым изящным жестом. Почувствовав на себе пристальный взгляд, женщина обернулась. Секунда... Лишь на одну секунду он увидел в ее глазах... страх. Испугалась... Но чего?

— Сударыня...

— Господин адъютант?

Холодное, сдержанное выражение лица. Она никогда не смотрела на него так... Как много хотел бы он сказать ей. Как много...

— Вы давно не чтите свет своим присутствием, — имел в виду не это. Но большего позволить себе не мог... — Что стало причиной вашего затворничества?

Женщина взглянула на него как-то странно. Словно он никак не мог чего-то понять...

— Разные обстоятельства, — пожалла плечами, украдкой смотря в сторону.

Тилинг проследил за ее взглядом. Она была не одна... Что, впрочем, его не сильно удивило. Как и причина ее холодности...

— Вы прекрасны. Я... я восхищен... — он не мог подобрать слов. Действительно, казалось, что за время, проведенное в разлуке, она стала еще краше. Румянец, цветущий вид... Или ему просто казалось...

Медленный взгляд снизу вверх, от которого где-то в области груди разлился вязкий холод...

— Приберегите свои комплименты, господин адъютант. Ваш восторг могут счесть неуместным в этих кругах.

Некое подобие улыбки. Как же она изменилась... Он хотел сказать еще что-то. Хотя бы улучшить возможность остаться с ней наедине. Но...

— Прощу прощения, я вынуждена оставить вас.

Не объясняя причин, не пытаясь поддержать разговор. Неглубокий реверанс, и бывшая возлюбленная гордо удалилась... Тилинг не произнес ни слова. Не успел... Как громом пораженный наблюдал за тем, как колыхнется подол ее платья в такт

мягкой походке. С таким же раздражением обычно отвешивают пощечины... И, если бы могла, она была бы уверена, несколькими сухими фразами она бы не ограничилась. Могли бы думать о чем-то другом, зная, что она теперь здесь. В нескольких шагах... Только все прочие были лишними. А в особенности он... Человек, стоявший между ними. Главное и, возможно, единственное препятствие. Особенно теперь... Когда она была столь желанна. Столь недоступна...

Ослепляющее чувство. Чувство ненависти... Он ненавидел. Всей душой ненавидел, и ненависть эта, быть может, пересиливала даже полыхавшее в нем желание вновь обладать ею... Роза, так неожиданно умеющая выпустить острые шипы... Цветок, манящей своей дикой нетронутостью. Она выросла и распустилась не в его саду. Только разве это что-то меняло...

Уже все равно... Он видел ее по ночам. Маленький язычок, пробегающий по ее губам, когда она смотрела на него... Манящие, плавные движения... Когда-то она действительно была такой. Любила говорить, мечтать... Красивые идеи и планы. Кидаясь ему в руки, смеясь... Если бы кто-нибудь сказал, что когда-то она с таким же холодом сможет просто пройти мимо, будто и не было между ними той близости, тех слов, он бы не поверил... Разве это прихоть? Нет... Но ведь она не с ним!

Демоны, ласкавшие его знакомыми нежными руками... Улыбка и голубые глаза, которые смотрели так искренне. Так чувственно... Всего каких-то несколько месяцев назад он не знал, что это не повторится впредь.

Злость... Такая, что хотелось разбить в кровь кулаки, раздирая кожу о кирпичную стену. Чтобы не слышать и беспечных рассуждений стоящего рядом человека...

— Господин адъютант, вы присоединитесь к нам?

Кажется, за своими размышлениями он пропустил какую-то часть разговора.

— Прошу прощения...

Добродушный толстяк перед ним без какого-либо раздражения повторил:

— Мы с этими милыми господами собираемся организовать партию в бассара. Не хотите присоединиться? Я слышал, вы большой любитель испытывать удачу.

Смех, показавшийся молодому человеку таким нелепым... Он был совершенно не расположен к какого-либо рода играм.

— Благодарю за ваше любезное предложение. Пожалуй, в другой раз...

И тут он замолк. Замер, смотря вперед... Сидевшие за столом трое «милых господ» что-то негромко обсуждали. Один лениво перетасовывал свежую колоду, раскладывая карты. Двое других говорили между собой...

Едва ли он смог бы сказать хоть что-нибудь, когда на громкое восторженное представление «дорогого друга адъютанта» и похлопывание его по плечу все трое повернулись к Тилингу. Где-то внутри вспыхнуло, разорвалось и окатило с головой... Боль и ненависть... Внимательные глаза, которые смотрели теперь на него неотрывно... Сколько это длилось? Секунду? Мгновение? Он не знал, что представляло из себя выражение его лица в тот момент...

Сергей Владимирович смотрел на адъютанта с привычной сдержанностью, позволявшей скрыть любые проявления неуместных эмоций. Только молодому человеку показалось, что в этом взгляде было чуть больше, чем вежливый интерес к

вошедшему. Словно человек, обладающий в своей жизни совершенно всем, смотрел на ошестившегося бродягу. И удивления в этих глазах не было...

«Какая неожиданность...»

— Хотя, знаете, я, пожалуй, приму ваше приглашение.

Следовало отвести глаза. Остановиться... Слишком очевидно, это могло привлечь внимание... Но шок, а вместе с ним немедленно подкатившее к горлу, сдавив его, ликование, не позволяли прийти в себя. Вызвать на дуэль? Нет... Слишком просто. Судьба давала ему шанс...

— Какая удача, Павел Карпович! — Один из игроков, разомлевший от выпитого, теперь с глупой улыбкой смотрел на адъютанта. — Надеюсь, госпожа Фортуна будет к нам благосклонна. Иначе прощайте, мои скромные сбережения...

Дружный смех. Размер «скромности» сбережений представляли все. Мужчина, тасовавший колоду, заметно оживился.

— Что же... Думаю, самое время начать.

Тилинг сел за стол, нервным движением руки расчистив себе место. В висках стучало с такой силой, что, казалось, его голова готова была в любой момент треснуть. Залпом осушив заботливо налитые кем-то полбокала коньяка, он на секунду зажмурился. Одобрительный смешок от устроившегося рядом с ним Павла Карповича.

— Тяните карту, господин адъютант.

Циничные мысли... и неожиданный прилив сил. Алкоголь или желание мести? К черту... Его рука уверенно вытянула из колоды карту. На Тилинга с улыбкой смотрела красавица шатенка с нежной розой в руке. Сердце и шипы. Она...

— Вас любят женщины, друг мой!

Сухонький мужчина лет пятидесяти даже не обратил внимания на странное оцепенение обер-офицера.

— Попробую-ка я...

Осоргин молча наблюдал за происходящим. К своему бокалу с напитком темно-янтарного цвета он не притронулся.

— Король пик.

Старшая карта теперь находилась в руках весельчака, проявившего такое беспокойство относительно своих шансов.

— Да, господа... Два уважаемых государственных деятеля, господин князь, ваш покорный слуга и обер-офицер, — мужчина с удовольствием потер руки. — Занятная выходит партия. Я ставлю на адъютанта!

— Не вы ли, сударь, говорили, что в подобных играх все имеют равные шансы? — Сергей Владимирович с шутливым укором взглянул на барона.

— Определенно. Это не вист, за который, к слову, я бы не сел с вами ни за что в жизни! Нет, я совершенно не могу представить, что за удовольствие играть, если уже наперед знаешь, кто в конце соберет все лавры!

Заново перетасованные колоды. Борис принял розданные две карты с каким-то внутреннем трепетом. На кону были не деньги...

Двести рублей небрежно легли на стол возле его левой руки. Впрочем, подобная сумма здесь никого, судя по всему, не удивила. Только Павел Карпович, пригладив усы, не преминул заметить:

— А адъютант сразу с места в карьер решил начать! Правы вы были, Иннокентий Дмитриевич: лихой это народ...

Крестовый валет и девятка. А ему сегодня определенно везло...

— Господа, да мне впору лишить куска хлеба какую-нибудь несчастную гадалку... Я же говорил, что обер-офицер унесет с собой все, что было нажито непосильным трудом!

Стопка купюр, заметно выросшая в размерах, к концу вечера увеличилась примерно вдвое. Азарт острый и горький... Цели были достигнуты, но не все ожидания оправданы... В его руках пятнадцать тысяч. Но почему он не никак не мог почувствовать того должного удовлетворения, что испытывает каждый игрок, достигший своей цели...

Его главный противник не выказал ни сожаления, ни разочарования. Сергей Владимирович, время от времени принимавший участие в обсуждении разных отвлеченных тем, на удивление спокойно расставался с деньгами.

Выводило из себя, перебивая весь вкус заслуженной победы, заставляя ставить снова и снова... После значительного количества спиртного это чувство только усиливалось. Что бы он теперь ни сделал, чтобы стереть с лица это самодовольство!

— Восемнадцать очков, господа!

Иннокентий Дмитриевич, бессменно исполнявший роль банкмета весь вечер, с волнением оглядел всех присутствующих. Игрок, обладающий значительным преимуществом, платит вдвое...

— Девять.

Тилинг положил карты на стол рубашкой вниз. Рискованный ход...

— Нынешней молодежи просто неприлично везет... — князь сокрушенно покачал головой, посмотрев на Осоргина, будто бы ища у того поддержку.

— Определенно, — несмотря ни на что, Сергей Владимирович в своей компании чувствовал себя несомненно уверенней, нежели адъютант... — У меня семнадцать.

Торжество. Восторг, вскруживший голову, пьянил не хуже крепкого вина. Плотное зашторенное окно. Свечи в канделябрах... Если бы кто-нибудь задумался о времени, то смог бы увидеть, что солнце давно уже зашло за горизонт...

— Пожалуй, я теперь пас... - Сухонький господин первым поднялся со стола, аккуратно собрав все, что осталось от изначальной суммы... — Чего можно пожелать любому игроку — так это умения вовремя остановиться. Приятный вечер, несомненно!

Легкий поклон. Несколько человек, незаметно появившихся в комнате и до сего момента внимательно следивших за игрой, теперь неторопливо покидали помещение один за другим. Павел Карпович со вздохом собрал карты.

Сергей Владимирович пожал сидящему рядом барону руку.

— Думаю, мне тоже пора. Жена будет беспокоиться...

— О! — Иннокентий Дмитриевич мечтательно прикрыл глаза. — Когда дома ждет такая женщина, было бы поистине греховно задерживаться в подобном обществе и лишней минуты!

Сергей Владимирович сдержанно улыбнулся. Собираясь уже удалиться...

— Господин Осоргин.

Чуть приподнятые брови и вопросительный взгляд.

— Чем могу быть еще полезен?

Тилинг смотрел на мужчину прямо.

— Вы не желаете отыграться?

Осоргин пожал плечами.

— В любой игре есть победитель и проигравший. Есть ли смысл рассчитывать на счастливый случай, если сегодня явно не мой день... Да и не те все же деньги, чтобы так за них переживать.

Но это был *его* день. Тилинг теперь остро чувствовал, что заставит этого человека расплатиться по всем долгам. Как может он быть столь спокойным, смотря в глаза тому, кто спал с его женой?! Он ненормальный или настолько жалок, что не считает это для себя постыдным. Если дело в первом...

— Конечно, я не могу настаивать... Это всего лишь предложение.

Предложение, прозвучавшее подобно вызову...

Никого. Какая-то странная тишина... Шум, оставшийся за дверями. Напряжение, потерявшееся среди веселья и запала игры, теперь явственно ощущалось в пустой комнате. Ушедшее благодушие в ставших стальными холодных глазах. Машинально вытянутая из лежащей на столе колоды карта. Пика. Острая. Черная. Непримируемая...

Ответ решал все.

— Что ж... — незаметно промелькнувшая в глазах опасно обжигающая искорка.
— Я принимаю ваше предложение, господин адъютант...

К чему приводит несоблюдение правил

Если бы напряжение можно было услышать, это была бы одна нота. Одна нота, беспрестанно звучащая в голове. Навязчиво. Тревожно... Пока это всего лишь сигнал. Но столь тихий и незначительный, что на него вряд ли обратят внимание. Впрочем, неумение прислушиваться к себе — одна из причин возникновения череды событий, сулящих различные потери... И не меньший же интерес.

В затуманенном разными чувствами сознании остались несколько слов, произнесенных мысленно, про себя. Ставших теперь точкой отсчета... Как немного требуется для того, чтобы убедить себя в собственной же правоте. Борису казалось, что рассуждает он вполне здраво.

Карта, лежавшая перед ним, была красной масти. Стало быть, его черед... Словно замороженный, следил за скользяще-плавными движениями своего противника. Карты не терпят плохого обращения.

Еще один укол где-то внутри...

Тилинг с трудом поднял голову, смотря на мужчину напротив него. Осоргин неторопливо перетасовал колоду. Из них двоих волновался только один. Волнение, трепет... злость. Карты не терпят легкомыслия.

Свои правила есть в любой игре. Несоблюдение приводит к роковым последствиям...

Семь...

«Не играть пьяным»

Ставка небольшая, но партия началась с потери... Раздать еще раз. Правило второе:

«Не играть в состоянии необоснованной уверенности в собственной победе»

Две карты. Ставка повышена. Зачем же тянуть...

«Довольно непросто выиграть у того, кто действует без излишнего азарта»

Валет и пять не сулили удачи. Впрочем, крестовая тройка и пиковый туз тоже.

Карты можно добирать...

«Не пытайся переиграть человека, имеющего доступ к казне»

Следствие несоблюдения первого правила. У него двадцать три. Против восемнадцати...

Пробежавший по позвоночнику холод. Быть может, он ослышался...

«Не садись за игру, хоть в какой-то мере подчиняющейся теории вероятности, с финансистом»

Это уже немного больше, чем «отыгратья». Ровно настолько, чтобы здравомыслящий человек смог наконец остановиться...

«Не переходи дорогу второму лицу после министра»

К картам не имеет отношения, но может помочь сохранить жизнь, честь и доброе имя. Пять тысяч вернулись на свое место. Повезло?

«Играют не на людей. На деньги»

Что бы не привиделось в результате нелогичных измышлений.

— Двадцать девять.

Не у него...

Прикусить губу. До крови. Как жаль, что нельзя кричать. Как жаль, что игру нельзя прекратить выстрелом в голову... А после сделать вид, будто ничего не было.

«Не стоит играть в азартные игры с человеком, рассчитывающим на себя в большей степени, нежели на удачу»

Странно, но у него кончились наличные. Уже давно... По выверенным, но не слишком легким движениям человека перед ним можно было понять, что он не был картежником. Тогда в чем же дело...

«Не стоило это начинать...»

А теперь осталось лишь внимательно подумать, какие из правил были нарушены.

Нервное возбуждение, за которым даже не чувствовалась усталость. Поздно. Уже слишком поздно...

Сжать пальцы. До боли. До белых костяшек.

— Баккара.

Сергей Владимирович поднял глаза на Тилинга

Десять, двадцать или тридцать... Не так уж важно, какой расклад стал причиной этого поворота. Адъютант в напряжении отодвинул от себя колоду. Ведь это всего лишь смена ведущего, ничего более. Сейчас он отыграется. Вот сейчас! Первоначальная цель была уже не важна. На кону гораздо больше, чем чья-то победа. Шестьдесят тысяч... Это все... Все... Но всего один ход. Ведь должно быть так! И так будет.

— Я удваиваю.

Игра быстрая, тихая, сосредоточенная. Фатальная. Что же... В третьей карте... Двадцать пять.

К тому моменту, когда Борис осознал, кто ведет партию, его потери составляли больше, чем размер средств, находившихся на всех его счетах.

Повисшая тишина. Полчаса... Полчаса, перевернувшие все с ног на голову. Поменявшие участников представления ролями. Кто же мог подумать...

— Господин адъютант... — недолгое молчание, прерванное столь неожиданным обращением. Тилинг, безуспешно пытаясь понять, что только что произошло, поднял на мужчину глаза.

— Мы оба понимаем, что у нас с вами гораздо больше общих тем для разговора, чем то необходимо. И, скажу честно, поводов желать вам бесцельной и бесперспективной жизни у меня достаточно. Ваши деньги мне не нужны.

Осоргин спокойно смотрел на адъютанта. В серых глазах даже не было ликования. До лучших времен... Эти конвульсии пора было заканчивать.

— Чего же вы хотите... — глухой голос. Как сложно было понять, что ответить. Какое решение принять... Он просто не верил.

— Я хочу больше никогда не слышать о вас. Не в пределах этой страны...

— Я... должен уехать? — молодому человеку казалось, что все происходит во сне. Стоит только ударить себя по щеке, и этот странный разговор кончится в тот же миг.

— Верно. Будем считать, что на этом мои претензии к вам исчерпываются, — спокойный тон, так несочетающийся со смыслом сказанного...

Ощущение, будто речь шла о погоде, а не о его судьбе...

— Но куда?

Осоргин неопределенно покачал головой.

— Куда захотите. Чем дальше, тем лучше. Индия, Латинская Америка... Проявляйте свои познания в географии...

Безумие... Что это было? Всего несколько часов назад он был у себя в имении, не предполагая, чем кончится этот вечер, ставший для него роковым... А теперь? Уехать?

Оставить мать, оставить мечты и надежды... Какой-то бред сумасшедшего... И кто ставит ему эти безумные условия? Да он скорее умрет, чем примет такой позор!

— Господин Осоргин, — приподнятый подбородок, непримиримый взгляд... Для себя он уже все решил. — Игра велась на деньги. И расплачиваться я буду соответствующим образом.

— У вас ничего нет, — даже не предположение...

— Что дало вам повод думать подобное? — он был раздражен. Больше уверенным тоном собеседника, нежели сложившейся нелепостью.

— Поверьте, источников информации у меня хватает.

Аргументы кончились. Словно загнанное в угол дикое животное, его сознание металось от одной мысли к другой, цепляясь за нее, но тут же понимая всю ее несостоятельность и бесполезность, устремляясь дальше. Ведь это была несчастная встреча...

— Что вы с ней сделали? — севшим голосом.

— Молодой человек, — подобная прямота в тоне Осоргина отразилась заметным холодком, — если бы я решил с кем-то обсуждать дела своей семьи, то с вами бы это делал в последнюю очередь. Давайте не будем усложнять друг другу жизнь. Свое предложение я высказал вполне доступно.

Несколько секунд они прожигали друг друга взглядами. Очень просто было поверить, что обещание «усложнить» жизнь будет подкреплено, причем весьма ощутимыми способами...

— Игра велась на деньги, — непоколебимо и достойно. — И расплачиваться я буду деньгами. Где я их достану, вас не должно беспокоить.

Едва заметная усмешка. На губах, в глазах...

— Что ж... Выбор за вами. Надеюсь все же, что расплатиться вы успеете до того момента, когда кому-нибудь из нас придется оставить этот свет...

— Можете не волноваться, — Тилинг пытался казаться как можно более сдержанным, в то время, как внутри все вскипало от гнева, — завтра вы получите то, что вам причитается.

«Ведь легких путей мы не ищем»

Сергей Владимирович только усмехнулся про себя... Этой самонадеянности можно было позавидовать.

— Как угодно...

— Восемь вечера. Здесь же.

Подобный расклад устроил всех. Рукопожатие... Хотя каждый предпочел бы увидеть другого в гробу, но правила этикета никто не отменял. Слуга забрал карты. Теперь они уже никому не понадобятся...

***

Несмотря на поздний час, привычного гнетущего ощущения того, что следующее утро, кроме двух чашек кофе, уже ничто не сможет спасти, не возникало. День был долгим. Но все же достаточно плодотворным.

Чуть тише... Темная спальня, наполненная тонким ароматом ландыша. Странная любовь взялась непонятно откуда, но ему стал нравиться этот запах. В особенности на ее волосах, на коже... Его в каком-то смысле трофеем, лежавший на постели... У нее слишком хороший слух. Особенно, если она чего-то ждет. Уже раздевшись и ложась, почувствовал, как Алиса повернулась, легонько потянув одеяло.

— Ты так поздно...

Сонно... Уснула, пока ждала.

— Встречался с коллегами.

Об истинных причинах его отсутствия ей знать было не нужно.

Алиса, не открывая глаз, придвинулась к мужу, находя, скорее, по ощущениям, устраиваясь сверху. Как ребенок, долго ждавший мать, проплакав весь вечер, а потом, обнаружив, что она наконец пришла, радуясь всей душой, выражает свой восторг... Поцеловала грудь, тыкаясь носом, так до конца и не приходя в себя. Осоргин погладил по плечам льнувшую к нему жену.

— Доброй ночи... — произнесла неровно, замирая наконец в руках мужчины, чувствуя совершенное счастье, устроившись на его груди. Он пришел...

***

Снег, неторопливо падающий на мостовую. Едва слышный хруст под ногами при каждом шаге. Обманчивое обещание тепла... Этой ночью на улице было холодно. В тусклом свете фонарей острые снежинки казались одинокими и неприкаянными...

Поправить воротник, чтобы не чувствовать, как они касаются шеи, тая, уничтожая своими холодными слезами. Он знал, куда идет...

Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь... Шелест, который ласкает слух почти при любых обстоятельствах. Вдвойне приятно, если эти деньги твои. Втройне — если их не придется возвращать...

Сто девятнадцать. Сто двадцать. Тилинг осторожно положил стопку купюр в портмоне. Его доля тут была небольшой — всего десять тысяч. И тем не менее...

О чем он думал? О чем думает человек, совершающий столь опрометчивые, нелепые поступки в ходе своей отчаянной жизни? И этот, возможно, был не самым худшим...

Завтра в восемь он будет на месте. Завтра он принесет всю сумму. Еще раз посмотрит в глаза своего врага... А потом...

Он поставит все. Все до последнего гроша.

А что еще ему остается?

Тилинг с усмешкой представил, как это будет выглядеть.

Удивление. Неужели... Этот человек, кажется, все же умеет проявлять эмоции.

— А игра становится все интереснее...

У мальчика головы нет на плечах. То, что здравомыслие молодому человеку не присуще, было понятно сразу. Но до такой степени...

— Сударь, я понятия не имею, где вы достали средства, но все же в последний раз предлагаю прислушаться к доводам логики.

— Я уже высказал свою позицию. Моя ставка — я забираю с собой сто двадцать тысяч, либо это делаете вы. Здесь нет хитрости.

Борис смотрел на чиновника с вызовом.

— Кто сказал, что я буду с вами играть?

Молодой человек замялся. Дело было не только в нем...

— Тридцати будет достаточно.

Если бы молодежь заработала хоть копейку из того, чем с такой легкостью швыряла направо и налево, ее решимость бы значительно убавилась. Все же родителям, вместо того, чтобы утешать своих проигравшихся чад и снабжать деньгами до следующего легкомысленного проигрыша, следует хотя бы иногда задавать этим дурням хорошую трепку... Невесть что...

— У меня, как вы изволили выразиться, нет больше ничего. Смысла в меньшем для меня нет.

Он просто не сможет смотреть в глаза отцу после этого. Нет... Ставка лишь на жизнь.

Осоргин посмотрел на адъютанта с непониманием, будто почувствовал... Рок, коснувшийся его чела своим крылом.

— Обойдемся без ведущего.

Игра простая. Вернее, такой и вовсе не существовало... Лакей принес свежую колоду. Он же и перетасовал.

Помолиться про себя... Тилинг жадно следил за не слишком утонченной рукой, взявшей карту неторопливо и уверенно. Блеснувшее обручальное кольцо... Верно, она когда-то робко надела своими хрупкими пальчиками... У нее было такое же.

Король пик.

Глубокий вздох. Пути назад нет. Рука адъютанта коснулась колоды...

Досчитать до ста... Не хватит жизни. Не хватит и на выдох... Положил карту на стол, не поворачивая лицом. Закрыв глаза...

Шансов нет. Это должен быть туз...

Поднял вверх, не смотря. Ни единого слова... У Сергея Владимировича выдержка была потрясающей. Он уже знал...

Открывая глаза.

Смотря в лицо молодому человеку с красивыми черными кудрями. Блеск глаз даже на тусклой поверхности карты... Сердце в углу. Он проиграл...

Головы не поднял. Лишь вздрогнул, почувствовав, как мужчина обошел его с боку.

— Мое предложение остается в силе, — серьезно и совсем не громко. Тихие удаляющиеся шаги за спиной.

Один в пустой комнате. Совсем. Один.

Червовый валет лег на стол...

В голове ничего... Странные слова из услышанной им когда-то песни уличного музыканта.

Ночь станет утешительницей.

Во мраке не увидят ни позора, ни стыда.

А впрочем, все не так плохо. Жаль, не взял револьвер с собой в игорный дом... Ну да бог с ним.

Добрался до дома — хорошо. Час. Для него целая жизнь... А все же он валет. Червовая дама и червовый валет...

Странная любовь.

В другой жизни мы будем счастливы.

Улыбка. Тихая и мечтательная. Тилинг сидел за столом в своей комнате.

Жаль только, что дамы остаются с королями иной масти...

Тихая колыбельная.

Сон... Тревожный сон...

Но хорошо было! Остро.

Прощай...

Щелчок. Взведенный курок.

Прощай!

Выстрел.

Красная струйка, одиноко сбежавшая по спинке стула... Револьвер выпал на паркет из мертвой руки.

Эпилог

Большой шкаф. Три ряда полок, заполненных разнообразными бумагами, книгами, конвертами... Слева то, что требовало внимательного изучения, справа — уже рассмотренные предложения и проекты. Здесь все довольно просто. А вот нижняя полка страдала от чрезмерной переполненности. Какие-то записи, расчеты... Попадались даже непонятные рисунки, сделанные бессознательно, в состоянии задумчивости. Геометрические фигуры, плавные линии, странным образом переходящие в острые углы... Никогда не знаешь, пригодится ли впоследствии тот или иной черновик. Порой среди пятидесяти ненужных, как казалось ранее, бумаг можно отыскать одну, совершенно неожиданно ставшую вдруг необходимой.

Но слишком долго откладывать разбор устрашающе объемной кучи листов все равно не получится. Нельзя допускать путаницы, да к тому же осознание того, что сорок девять черновиков — это теперь всего лишь макулатура, не даст покоя. От чего-то придется избавиться...

Сергей Владимирович, неторопливо взяв с полки очередную стопку листов, переложил ее на стол. Остальные сдвинул в угол. За своим занятием настойчивый стук в дверь услышал не сразу...

— Войдите.

Молодой человек смущенно ступил на порог кабинета.

— Сергей Владимирович, к вам посетитель...

Порозовевшие щеки и растерянный вид секретаря вызывали недоумение. Осоргин вопросительно посмотрел на юношу. Что должно быть не так с каким-нибудь советником или секретарем, чтобы вызвать у его помощника подобную реакцию? Ему даже стало интересно...

Вопреки ожиданиям, посетитель не был чиновником. Мимо отчаянно пытавшегося сохранить присутствие духа секретаря навстречу Осоргину гордо и уверенно прошла его жена. Платье с бессовестно открытыми плечами и длинным шлейфом. Ткань, стянутая черными шнурками на груди, намекая о присутствии подбоя баварских мотивов. Замечательный наряд для того, чтобы заявиться посреди рабочего дня в министерство... И если Сергей Владимирович к подобным причудам своей супруги привык, то несчастный молодой человек так и продолжал глядеть женщине вслед, заливаясь краской.

— Алиса? Что ты тут делаешь?

Радость и задор в ее блестящих глазах... Кажется, она и не обратила внимания на произведенный эффект. Корзинка в ее руках... Что это вообще значит?

— Соскучилась, — просто и ясно. Нетерпеливость и взбудораженность, переполнявшие ее теперь, заставляли опасаться, что, если она вдруг сейчас решит броситься ему на шею, он может потерять хорошего секретаря...

— Филипп Аркадьевич, объявите всем, что завтрашнее совещание переносится на двенадцать. И скажите господину Совьину, что, если до шести часов вечера план организации ведомственных учреждений не будет лежать у меня на столе, он может присмотреть нечто более подходящее его неторопливому таланту.

Немного подумав:

— И, будьте добры, сходите за газетой.

Секретарь кивнул, поспешив удалиться, чуть было не споткнувшись неловко о порог... Сергей Владимирович покачал головой, медленно закрывая за ним дверь, проворачивая ключ два раза, оставляя его в замочной скважине.

— Алиса, ты бы хоть шаль набросила сверху. Мне не хочется потом приводить в состояние работоспособности все министерство.

Смех беззаботный, довольный... Вызванное волнение ей определено было по душе.

— Вам не нравится? Горничная принесла с утра, — покружилась на месте, давая рассмотреть себя со всех сторон. Короткие рукава, сочетание охры с бархатным черным. Корсет, затянутый спереди... А все-таки вкус у него был. Во всяком случае, в одежде...

— Как мне может не нравиться, если я сам его заказывал?

И на какие деньги... О подобной мелочи она не знала, но эта символичность в сложившейся ситуации Осоргину нравилась больше всего.

— Что с Федей?

Алиса пожала плечами.

— Играет с канарейкой.

Желтая маленькая птица, поселившаяся у сына в комнате... Когда Осоргин увидел пичугу в следующий раз, у нее уже не было половины хвоста. На вопрос, кто из двух истязателей решился на подобную глупость, услышал единодушное «оно само». Стоило взглянуть в кристально честные глаза Федей, и все становилось вполне ясно. Мать и сын не могут поделить канарейку. Его чудная семья... Судьба у птицы будет непростой.

— И еще... это для вас, — Алиса протянула корзинку, накрытую голубоватым платком.

Поспешила объяснить:

— Я подумала, что вся эта занятость... может плохо сказаться на вашем здоровье. И не уверена, как обстоят здесь дела с едой... Но не могу же я допустить, чтобы мой муж был голодным.

Немного сбивчивая речь, из которой Осоргин понял только, что в корзинке была еда. Почему-то это показалось ему настолько удивительным, что первые несколько секунд он даже не мог понять, как на подобное реагировать. С ее стороны такое внимание представить было невозможно...

— Спасибо... — он не знал, что еще сказать.

Как мило смотрелась эта растерянность... Наверное, именно в такие моменты она понимала, насколько дорог стал теперь ей этот человек... Хотелось сделать все и сразу... Хоть как-то выразить свою заботу, участие. Эти чувства... Что-то рвущееся в самом сердце, даже когда она всего лишь слышала такое простое обращение — ее имя, произнесенное негромким голосом. Чувство гордости, если ей удавалось заслужить похвалу...

Алиса стояла спиной к окну. На секунду Осоргину показалось, что волосы женщины блеснули рыжим. Верно, игра света...

Чего она ждала? Столь тонкая грань, что, кажется, один шаг не в ту сторону — оборвется, рассыпаясь... Ранимость, открытость каждому слову, которое он мог сказать ей. Восхищение, доверие... Океан в больших глазах.

Слишком много эмоций, чтобы выразить в один момент... Она всегда жила на грани.

— Польщен твоей заботой. Это невероятно трогает...

Мягкие теплые губы, которые Осоргин теперь исследовал своими, приблизив женщину к себе. Любую хорошую инициативу нужно поощрять, если хочешь, чтобы человек продолжал и дальше следовать своим порывам... Ей не нужно было времени. Вспыхивала, загораясь от нескольких прикосновений... Радостная, смущенная.

Вскрикнула, когда Сергей Владимирович, неожиданно приподняв, усадил ее на стол, предварительно незаметно толкнув дубовую ножку. Сойдет...

Ответил на ее поцелуй, виртуозно уходя от попытки растрепать его прическу. Осторожно толкая, так что она оказалась лежащей на спине. Склонившись над ней... Алиса застонала, почувствовав, как губы мужчины коснулись ее плеча. Осоргин тут же остановился.

— Постарайтесь обойтись без шума. Мне не нужен скандал, — строго и серьезно. Настроение у него менялось моментально...

Алиса поспешно кивнула головой. Закусила губу...

— Кстати, на прошлой неделе я переоформил бумаги на дом, — с невероятной бережностью отодвигая в сторону записи... — Он теперь наш.

Приоткрытый рот. Неверящий, непонимающий взгляд... Она искала в лице мужчины насмешку или иронию. Но его слова были предельно серьезны.

— Вы говорите правду?

Такого просто не может быть... Неужели... Как бы она была рада!

— А вы могли когда-либо упрекнуть меня в обратном? — теперь его глаза смеялись...

Принимая ее ножку в изящном черном чулке с подвязкой на сгиб локтя. У них есть полчаса...

Когда настенные часы пробили четыре, запыхавшийся секретарь с весьма гордым видом доложил о результатах проделанной работы.

— Отлично, — Сергей Владимирович незаметным движением поправил пуговицы на воротнике рубашки. И зеркала нет... Но кто же знал.

— Иван Сергеевич просил передать, что некие трудности с кандидатурой налогового инспектора не позволят завершить проект реорганизации...

— Оставим до завтра, — если бы он сейчас вообще мог хоть что-то сообщить...

Филипп Аркадьевич положил на стол газету.

— Благодарю, друг мой.

Взглянул совершенно мимоходом.

Остановился на первом заголовке...

— Филипп Аркадьевич, — молодой человек, решивший было уже отправиться исполнять свои прямые обязанности, остановился. Что-то показалось ему странным в голосе тайного советника.

Сергей Владимирович задумчиво разглядывал принесенную вечернюю газету.

— Проследите, чтобы сиротскому фонду возместили ущерб, причиненный покойным адъютантом...

Молодой человек смотрел на чиновника широко раскрытыми глазами.

— Сергей Владимирович, но... как же это? Как можно...

— В этом мире бывают разные люди, друг мой... — Осоргин неторопливо закрыл газету. Смотри куда-то в сторону... — Живут некрасиво, так же глупо умирают... Надеюсь, вы оставите после себя нечто большее, чем долги, голодных сирот и содержимое черепа на полу. Мой вам совет: не играйте в азартные игры. Они не доводят до добра... Добивайтесь всего сами.

Что это было? Чувство удовлетворения. Омерзительное в своей сладости ощущение совершённой справедливости. Десять лет назад он, быть может, насторожился бы, поймав себя на подобной мысли. Но теперь... Дав пищу для размышлений помощнику, смотрел, чуть отодвинув прозрачный тюль, на снег, неторопливо падавший на мостовую. День определенно задался... Для полной картины не хватало только бокала виски.

Жил, как дурак. Умер, как дурак... Быть может, оно и к лучшему. Без таких людей мир определенно станет лучше. Только детей жаль...

Женская фигура, спешащая к карете, стоящей возле крыльца. Черная шубка, темные волосы... На секунду дама обернулась. Встречаясь взглядом... Осоргин чуть приподнял руку. Она потупила глаза смущенно... Казалось, что даже с такого расстояния был виден румянец на ее щеках. Приподняв подол платья, исчезла в полумраке кареты, дверцу который предусмотрительно придержал лакей.

До вечера не так уж далеко...

Сергей Владимирович улыбнулся краешком губ.

«Определенно... До конца следует доводить любое дело»